

Вера Гришина

Эмма из Прованса

© Издательство «Руда», 2019

© В. Гришина, 2019

© Л. Д. Магонова, иллюстрация на переплёте, 2019

1. Детская пыль

На дворе 1498 год, 498 год 2 тысячелетия, 98 год XV века, Франция, правление Карла VIII из династии Валуа и абсолютная монархия. Крупные капиталы во Франции находили своё приложение преимущественно в торговле, кредитно-откупных операциях, в мануфактурах.

Франция выступала как крупнейшее из централизованных государств Западной Европы с развивающимися экономическими связями, богатыми городами и растущей культурной общностью.

Мы жили в провинции, отец, дабы увеличить свой капитал, занимался торговлей. Дворянство являлось основной опорой французского абсолютизма, который постепенно устанавливался во Франции. Город Прованс, где мы и жили, славился крупнейшим средиземноморским портом Марселем, игравшим большую роль в торговле французских купцов с Испанией, Левантом, Италией и северным побережьем Африки.

Не вдаваясь в политические презумпции, по правде говоря, я очень люблю Францию. Мой отец – герцог Жозеф Орлеанский, единомышленник Папы Римского Александра VI, часто ездил в Ватикан к одному из своих друзей-кардиналов. Золото, золото... Отец бредил количеством драгоценностей, пересчитывал свои земли на пальцах, а ещё ему много приходилось тратить золотых денариев на свою любовницу.

Недавно мне исполнилось шестнадцать лет, и отец, оказалось, внезапно решил выдать замуж. Но я была к этому не готова. Всегда думала, что мой брак будет каким-то особенным: выйду замуж по любви, а отец выдаст за достойного человека, который будет уважать меня и любить, а матушка только поддержит в выборе жениха.

Но обернулось всё не так: отец выбрал просто того, у кого большой и толстый карман, набитый золотом, да имеются земельные угодья. Чтобы от меня поскорее избавиться, словно от лишнего груза. Хотя, возможно, ему сделали выгодное предложение, от которого он не смог отказаться: наверное, опять вернуться на службу в королевский двор к Его Величеству, а цена – мой брак. И с одной стороны понимаю отца: я – лишённая права голоса, серая мышка, которой ничего не положено, потому что – женщина. От меня требуется исполнить свой долг: родить детишек, обрадовать напоследок свою матушку, которую очень люблю. Вот моя роль в этой жизни. Но чтобы исполнить долг, должна сначала выйти замуж.

В целом, что могу тут рассказать о своей жизни – какая-то бессмысленная... Не жизнь, а существование. Делать то, что не хочешь, но должна. А разве это справедливо, когда за тебя решают и лишают права выбора? Даже если сбегу, к кому мне пойти? Куда я пойду? Потому что родилась женщиной, без прав. Прежде всего, это чувствуется, когда родной отец разговаривает и делает вид, что я даже не достойна его внимания. И это ноша в моём мире самая сложная – жалеешь, что рождена женщиной. А как больно ребёнку, когда собственный отец говорит об этом матери и предъявляет ей неисполнение её долга супруги! Словно меня не существует, а просто призрак в доме, потому что не родилась мальчиком, и место моё всегда будет не в почёте.

И в браке женщина не у дел, главное, чтобы мужчина был доволен, будто женщина рабыня либо объект для получения удовольствия. Некоторые мужчины обращаются с женщинами как с животными. Я считаю, женщина – прежде всего человек. Да, человек, – а кажется, будто человек всего лишь наполовину.

Мне не с кем делиться своими печальными мыслями, потому начинаю писать, завела маленький дневник. Чуть-чуть стало легче.

Не всегда хочется вспоминать своё детство, потому что оно было двояким. Есть воспоминания, которые связаны с мамой, они самые дорогие, а другая часть, без матушки, – это болезненная сторона моей жизни. И во второй половине детства я была совсем иная. Замкнутым и трудным ребёнком.

Как такового общения с ровесниками у меня не было, да и особо не горела желанием с кем-то дружить и секретничать. Мы жили в огромной усадьбе с матушкой и отцом, слуги с нами жили тоже. Я росла капризной принцессой, нянечки совсем избаловали, иногда

сама это признаю, потому что моё поведение порой выходило за границы дозволенного.

У меня не было родных братьев и сестёр, были только кузины, которые приезжали на выходные из столицы в нашу провинцию и обожали мучить своими рассказами о том, что многое теряю, живя в этом маленьком городишке. Но мне он нравился, как раз для спокойного, сдержанного и замкнутого человека. Именно такой я стала в той половине неприятных воспоминаний детства.

Мне нужен был свой спокойный угол или место, и этого было достаточно, чтобы никто не трогал, вернее – не досаждал. И всё, о чём говорю, была моя комната – укромное место.

Я была слишком набожна в детстве, и любовь к Богу была сильной. Настолько сильной, что хотела уехать в аббатство и стать монахиней, невестой Христовой. Я всегда с ним разговаривала, не только в дни, когда просила у него помощи или когда читала молитвы. Чувствовала его в себе, будто он всегда со мной, как вторая половинка в душе, в сердце. И я его очень любила. Всегда хотела почувствовать его объятья, его руку в моей руке, ощутить его тепло, потому что мне этого не хватало. Матушка говорила, что я особенная, что могу чувствовать то, что не могут чувствовать другие, но она потом сильно заболела и слегла, а отец утешался в объятиях своей новой пассии. Мерзость...

Грусть меня гложет, будто что-то делаю не так или не так сделала раньше. Грусть, как море, наполняется от количества моих слез, и не могу от неё убежать либо быть на суше: она меня затянет с головой на дно. Грусть – как семена, потом рождается депрессия, затем – нервозность и отчаяние. И от этого не сбежать, как замкнутый круг, словно семена грусти во мне. Но они находятся за решёткой, как в темнице, а там висит замок и у меня есть ключ. С годами семена, возможно, прорастут, и когда-нибудь та маленькая темница не сможет сдерживать эту грусть, она просто сломается, чувства схлынут, и меня повергнет тьма, несущая грусть. Грусть, от которой невозможно избавиться. Надо уничтожить цепочку этого замкнутого круга. Только так можно с ней покончить. Но отчего же эта грусть появляется, чего недостаёт? Тепла или просто любви, ласки? Или это просто всё – мама. Моя любовь к ней безгранична, всё то время, что у нас было, быстро закончилось. И вроде бы она здесь, и вроде бы её нет. И вроде бы жива, а в то же время больна, на краю пропасти, и всего лишь вопрос времени... Эту любовь словно насильно забрали, и слезы не смогут помочь, мокрые ресницы по ночам не спасут мою матушку.

Как же не хватает её голоса, мягких румяных щёк, которые я целовала по утрам, её прикосновений к моим кудрям, когда она радовалась моим первым стихам, что придумывала и читала вслух. Где моя мама? Куда вы её от меня спрятали? Такая тяжесть бранных дней оставила след в моей душе, ту самую грусть, и взгляд был уже не таким ярким и жизнерадостным.

Когда я была совсем ребёнком, не понимала, почему не могу увидеть свою маму. Если бы она была больна, то болезнь всегда можно вылечить, всегда можно её победить. Не могла понять, почему не могу увидеть свою мать, хоть совсем ненадолго. Почему запрещали её видеть?

Моё состояние отцу совсем было не по нраву, как раз тогда матушка слегла. Отец совсем не любил меня, словно лишь напоминала о его ошибке, потому что рождена не мальчиком. Я почти не выходила на прогулки, не посещала уроки: изучала французский и итальянский в своей комнате. Мне было одиноко. К маме не позволяли приходить, боялись, что увижу её совсем в плохом состоянии или в приступе. Это только сейчас понимаю, почему запрещали её видеть.

Почти каждый день я плакала, тогда мне было лет девять. Целый день ревела и звала матушку, отец был постоянно в разъездах, и никто не мог утешить. Няня постоянно ругала, что очень много плачу. Но ведь была же тогда совсем ребёнком, неужели нельзя было себя вести снисходительней?

Затаила злобу на няню, и потом, через несколько месяцев, отец её выгнал. Тогда я была подвержена постоянно депрессиям, сила духа покинула. Да, тогда... Я даже и не знала, что такое сила духа. Было не до рассуждений, а просто скучала по матушке и очень хотела её увидеть.

Как-то раз няня застала меня сидевшей на перилах балкона, где я надеялась увидеть матушку во дворе. Помню, что няня сильно испугалась, подбегая и выкрикивая моё имя, будто спасала, но я же не пыталась покончить с собой! Слуги шептались, и слухи дошли до отца, и его это вроде встревожило, но он ничего не предпринимал.

Мой взгляд был наполнен грустью, хандрой и тоской по матери, её тепло растратилось. Не знаю, как это смогла вообще пережить такую утрату любви. А может, ещё и не пережила?

Я её так любила, и сейчас люблю. Только такая любовь рождает лишь отчаяние при виде её больного тела. После того, как стала старше, всё-таки смогла навестить мать, но тот день был первым и последним, когда я её навещала. Больше не приходила к ней. Увидела её болезненный взгляд, тогда она меня совсем не узнала, а думала, что крепко обнимет и скажет, что скучала по мне. Но её холодный взгляд запомнила навсегда, словно я была чужая. Слезы сами начинали выступать на глазах. Конечно, я не хотела бы, чтобы мама меня видела в таком состоянии, но она даже и не помнила, что моя мать. Болезнь матушку губила из года в год. Это для меня стало потрясением, и сильно переживала, не могла спать. И больше не смогла к ней приходиться, было очень больно, и к такому повороту событий была не готова. Меня не помнила собственная мать! Отчего тут не погрузиться в затяжную депрессию? Не могла более смотреть на неё и знать, что не могу спасти. Никто не может спасти.

Отец начал поговаривать, что матушка безумная. А вот этого я ему не прощу! Как он смеет говорить такое, когда эта женщина была с ним рядом всю его жизнь и родила ему дочь?! Отец нас так за всю жизнь и не полюбил.

Хочется бежать, хочется, чтобы это был просто какой-то плохой страшный сон, ущипнуть себя, чтобы потом наконец-то проснуться от кошмара. Хочется себя обманывать, говорить, что это всё неправда! Это ложь! Моя мать не больна! Моя привязанность к ней сильна, как крепкая нить, и хочется всегда ощущать и верить, что она жива, она рядом в этом мире сейчас, я не хочу её отпускать никогда. Но с другой стороны, может было бы намного правильнее, если бы эта нитка давно оборвалась, тогда я перестала бы думать о надежде, перестала бы себя мучить и изводить. Может, уже сама схожу с ума?

Это беда, когда близкий человек так сильно болен и находится только в руках Господа. Бездействие убивает, режет, но потом как бы уже и свыкаешься с этими мыслями. Появляются другие мысли, другие люди, и так продолжаешь жить дальше.

Когда мама заболела, могу признаться сейчас, что была одиноким ребёнком. Отцу также было не до меня, я его совсем-то и не видела, он постоянно в разъездах, и сейчас ничего не поменялось, у него другое развлечение – женщина.

И такой мир печальный и грустный... Как подобное могло произойти? Ведь я молода, должна радоваться молодости, радоваться всему, что у меня есть. Почему же не могу радоваться? У меня не получается, слишком сложно научиться простым вещам.

Как же мне не хватает матушки, как же не хватает советов и объятий на ночь. Словно пустота проникла в мою жизнь и стала злым другом. Грусть и пустота – это двое воришек, обокравших меня в день настоящий и грядущий, а так быть не должно. Остался только дневник, который принимает меня такую, какая есть, и не отворачивается, хотя он молчалив и бездушен. Но я надеюсь, мой дорогой дневник, что обязательно найду в себе силы радоваться и улыбаться. Обещаю тебе.

Я помню голос матушки, которая шептала на ухо:

– Ты сможешь, разглядывай внимательней, – говорила она и учила своим колдовским штучкам. Она говорила, что я такая же, как она. Что стану сильнее и моя магическая сила должна быть во благо.

Я помню её светлые вьющиеся волосы, большие красивые любящие глаза. Она пахла лесными ягодами, этот запах я запомнила на всю жизнь. Мне тогда было где-то лет восемь. Мы были в саду, и с закрытыми глазами пытаюсь воспроизвести сад в своём воображении.

Зелень, а рядом дерево с развевающимися ветвями, с сочными спелыми яблоками, там

сидит моя матушка и улыбается, она срывает яблоко с дерева и протягивает мне. А я продолжала сидеть с закрытыми глазами и улыбалась. Матушка олицетворяла богиню женственности, гармонии и любви, она говорила, что если станет когда-нибудь грустно, чтобы всегда себе представляла то, что представляю сегодня, и будет легче справляться с недугом. Я тогда, как правило, ловила каждое её слово.

Она любила щекотать, я лежала в саду и громко смеялась до слёз, потом обнимала матушку и говорила, что очень её люблю. И думала, что она будет всегда со мной и ничто не сможет нас разлучить. Думала, что по утрам она всегда будет плести косы, и её руки будут гладить по голове, а в её объятиях буду скрываться от плохого настроения или грусти. Но всё оказалось не так. Оттого и чувствовала невыносимую тоску, будто сначала вырвали часть сердца, но время шло, и я начала по-другому мыслить, стала улыбчивой, более раскованной и ветреной.

С возрастом изменилась, будто всё забылось: и то, что матушка слегла, и то, что её болезнь сильно на меня повлияла.

Появились первые влюблённые отношения и отвлекли от бременной тяжести. Я стала иной или просто хотела стать другой, забывая о том, какой была ранее, потому что об этом напоминала самая любимая на свете женщина – моя мать, с которой я не могла быть.

Я имела близость и, лишившись целомудренности в раннем возрасте, скрывала это от отца, потому что он не смог бы меня выдать замуж. Слухи ходили, но я пыталась их пресекать, увольняя сначала кухарку, потом свою няньку с помощью жалоб на них отцу. Прodelывая такие пакости, снова улыбалась, настроение и молодая кровь играли в моих венах как живая музыка. Я хотела влюбляться, хотелось новых знакомств. Но признаюсь, что всё-таки хотела убежать от мыслей о матушке, о её болезни и от осознания того, что никогда её не увижу прежней.

Мой игривый, ветреный, влюбчивый характер прямо-таки «затащил» на любовное приключение с конюхом, который стал моим первым парнем. Первой тайной влюблённостью. Конюх был утешением, очень милым и симпатичным ровесником. Тогда мне было четырнадцать лет. Я сама его подтолкнула на это, нетерпеливая и игривая, непослушная девчонка.

Днём, каждый вторник и четверг, мы с ним встречались в саду. Его ласки были нежными и приятными. Он много рассказывал о звёздах, о своей мечте, что хочет нарисовать звёздную карту и пройти весь земной шар по этой карте. Я смеялась над его желаниями.

Он говорил о моей красоте и восхищался ею, говорил, что никогда не встречал таких красивых девушек.

Моё белое лицо было подобно сливкам, а белые кудри как копна мерцающих звёзд. Его зелёные глаза всегда блестели, когда говорил об этом, будто светились от счастья, словно он был самым счастливым человеком на свете. Я не знала, любила ли его. Казалось, что это просто мимолётная нежность, и понимала, что у нас не было будущего. А он, наоборот, был так влюблён, что в своих мечтах говорил всегда о нас вдвоём, что всегда буду рядом с ним.

Через полтора года конюх внезапно заболел, подагра настигла его и он скончался. Я скучала по нему, очень скучала. Плакая почти целую неделю, носила траур и одевалась только в чёрное – отца в городе тогда не было.

Начала интересоваться модой. Мои любимые платья котарди, которые, в основном, прилегали к телу, были с застёжкой посередине, с рукавами до запястий. Небесный цвет – самый любимый. Заказывала тёмно-лиловые пулены на свою ножку за неделю до выхода в свет. А в волнистые белокурые волосы до пояса любила вплетать золотые тесёмки, поэтому у меня было большое количество различных лент.

Во многом помогали нянечки. Когда мне исполнилось четырнадцать и я встречалась с конюхом, у меня они появились: Розы, Софи, Марго и Бриджит. С ними всегда было весело. Я улыбалась, смеялась, радовалась, и мысли о матушке так сильно уже не тревожили. Игры, общение, увлечения тряпками меняли мой характер. Я выросла.

Розы, Софи, Марго и Бриджит были на четыре года старше.

Рози – тихая и скромная, я её очень люблю за эти качества, она всегда давала советы, смотря на вещи объективно, была очень ко мне добра. Она моя самая послушная нянечка.

Ох, милая Рози, только ей я могла доверить секреты, все свои тайные желания! Почти всем делилась с ней, и знала, что могу ей доверять, она была мне верна. Только Рози знала о конюхе, и это было нашим с ней секретом.

Софи была импульсивной и всегда заводила спор с другими нянечками, и приходилось заканчивать их нахлынувшие эмоциональные разговоры.

Марго была самой вредной. Остальные нянечки всегда жаловались на неё, потому что она рассказывала секреты своих же подруг-нянечек, которые безудержно доверяли ей, а понимая, что доверять особо нельзя, всё равно повторяли свою ошибку. Им раз за разом казалось, что Марго изменится, но напрасно. Может, Марго просто была честной, поэтому хранить секреты не умела.

Бриджит была подругой Софи, они всё вместе делали, если другие расчёсывали мне волосы, то они должны были непременно вдвоём готовить ванну.

Нянечки были всегда рядом: будили, одевали, разговаривали, ходили на прогулки. Выслушивали мои истерики, когда было плохое настроение. Видели меня, когда я была грустной, обнажённой; они, наверно, видели всё, и относились ко мне с уважением, даже любили. И если я выйду замуж, то уже, возможно, их не увижу, только если будущий муж позволит, то они поедут со мной, любимые помощницы!

Я вспоминаю, как ещё детьми мы бегали в саду и играли в салки, как брались за руки и бежали наперегонки. Как устраивали пикники, как лежали под ветвями сосен и говорили друг другу клятвы, что всегда будем вместе, куда бы ни поехали.

И вот, вероятно, настало то время, когда клятва вскоре будет нарушена. С возрастом я понимаю, что то были просто детские игры. Признаюсь снова, что я их любила, может, не совсем как подруг, а как своих нянечек. Моё воспитание или характер влияет на суждения в отношении них? Сама не знаю.

Отец не обращал на нас внимания, позволял вместе играть, так как я одна-единственная дочь, ему было жаль видеть меня грустной, печальной и одинокой. Хотя в чём-то отец мне угождал. В то же время он мог утешиться в объятьях своей любовницы: купил ей отдельное поместье за городом и постоянно проводил там время, только по надобности приезжая обратно домой ко мне и к больной матери.

Когда у меня появились нянечки, он уехал со своей пассией в Ватикан, а я очень злилась на отца. Злилась на то, что предал матушку и меня, что много времени постоянно ей уделяет, но ничего не могла с этим поделать. Чтобы загладить свою вину после долгой поездки, отец, после того как вернулся из Ватикана, взял меня с собой в Париж к его сестре, моей тёте, графине Марии де Вероз, где встретилась со своими кузинами.

Мы гостили несколько дней и потом отправились обратно в Прованс.

Я не любила своих кузин, они были слишком надменны и напыщенны, столичная жизнь не сделала из них хороших людей. И как ни пыталась подружиться с ними, попытки были напрасны, просто лишняя трата времени. Вроде беседы складывались хорошо, но итог всегда оставался одним: они ссорились между собой и обвиняли меня в этом, либо просто надо мной глумились... Но я тоже не терялась в их обвинениях, могла ответить. Потому было непонятно, зачем я опять, приезжая к ним, начинала с ними разговаривать, если ссора была неизбежной. Даю им шанс... Право, это лишнее. Надо уже остановиться! В последний раз сказала им, что они должны попросить у меня прощения, только после этого буду с ними разговаривать. В итоге была удивлена, когда они сами приехали ко мне в гости и действительно попросили прощения, извинились, а потом начали опять задирать друг друга, только я уже не оставалась третьей лишней. Вот уж эти столичные штучки...

2. Слово отца

Отца не было в городе, он несколько месяцев провёл в Ватикане при дворе у Папы Римского Александра VI, потом у своего друга кардинала. Чем они там занимались, не знаю, но после его визита в Ватикан моя жизнь изменилась, разговор о предстоящем замужестве уже ожидал, а я ещё об этом и не догадывалась. Моя любовь с конюхом, имевшая временный характер, закончилась навсегда.

Отец в Ватикане как раз был в смутное время, когда распространялись слухи о Папе. Они даже и до Франции долетели, что на престоле Христа сидит обезьяна еврейская с испанскими корнями.

Разговоры о Папе Римском, выходящие за рамки разумного и морального, всех шокировали, но сторонники Папы знали, что это промыслы врагов, и я тоже не верила. По слухам, сейчас в церкви с приходом Папы Римского Александра VI царят хаос и разврат. Это вызвало много противоречий у французов: в прошлом Франция враждовала с Римом и не только. Но сейчас было мирное время. Мой отец искоренял эти слухи, он был верным сторонником Папы Римского Александра VI, поэтому ему пришлось уехать в Ватикан.

Говорят, что Папа Римский уже в солидном возрасте, но хорош собой, и что у него есть молодая любовница.

Кстати, у моего отца было много друзей в Ватикане, и некоторые из них имели кардинальские шапки. Один из его друзей-кардиналов, с кем дружба его была наиболее крепка, приезжал как-то к нам в гости, я тогда болела и не смогла спуститься на ужин. Одно знаю точно, что кардиналов нетрудно узнать, они выделяются пёстрыми красными мантиями.

Постоянные поездки моего отца во Флоренцию заканчивались покупкой картин и портретов, которые для любовницы отца писал Леонардо да Винчи. Да Винчи один из известных художников, а в простонародье говорят, что он безумец.

Картины обходились в крупненькое количество денариев. Но в этом году поездки во Флоренцию к да Винчи уменьшились, потому что сам художник уехал в Милан и работал над фреской «Тайная вечеря» в монастыре Санта-Мария-делле-Грацие. Работа отнимала у художника почти всё время, его полная занятость стала поводом для капризов пассивности отца. Да и во Флоренцию сейчас было опасно ехать, проповедь еретика Савонаролы против роскоши женских нарядов, приводила к столпотворению, что могло вызвать разбой. По доносившимся слухам, Савонарола называл себя проповедником Бога, он говорил, что Бог с ним разговаривает наравне, и его миссия – передать всю истину, что глаголет ему Бог. Мы называли его лжепророком, а мы – это все, кто были единомышленниками Папы Римского Александра VI.

С жестокостью средневекового фанатика обрушивался Савонарола на святотатцев, которым велел вырезать языки, и на азартных игроков, которых наказывал огромными штрафами, а развратников и гомосексуалистов он приказывал жечь живыми.

Жестокие религиозные формы управления привели к росту оппозиции к проповеднику. Но его участь, как и остальных сторонников, вполне предсказуема: должны схватить и, наверное, обязательно впоследствии казнить...

Свеча горела в комнате, уже был вечер, а я сидела за столом и аккуратно выводила чернилами буквы с моими секретами и целой жизнью в тетради, которая знает меня лучше всех, в своём дневнике.

Будто всё забывается, и моё прошлое меркнет с секундами. Помню как сейчас: я в лучах несметно палящего солнца сидела спиной к окну, которое жгло кожу через платье. Осень, а солнце, будто не считая времена года, играет в свою игру. А мы лишь пешки в его лучах, поддаемся как самому дорогому теплу в этой жизни и прижимаемся к нему, опасаясь холода.

Слышится голос, который отвлекает от бренности моих бессвязных мыслей, доносится голос отца и тревожит. И всё внимание и взгляд переходят на него.

- Эмма, ты не забыла, что завтра вечером бал у короля в честь приезда Чезаре Борджиа, сына Папы Римского Александра VI? И завтра утром мы едем в Париж, где ты познакомишься со своим мужем? - доносился звук из дверей. Это мой отец, высокий брюнет с сединой на висках и худощавого телосложения.

- Я помню, - ответила, когда отец вошёл в комнату. - Могу узнать, кто мой жених? Вы так внезапно собрались меня выдать замуж, может, стоит посмотреть на всех кандидатов? - задавала вопросы.

- Эмма, твой будущий муж герцог, и ты должна будешь выйти замуж за него, это не обсуждается, - сказал отец.

- А сколько ему лет - вы хоть знаете? Я за старика не выйду!

- Эмма, не зли меня...

- А как я должна реагировать? Почему вы приезжаете именно сегодня и сегодня же об этом сообщаете? Почему не написали ранее? Что вам пообещали за это? - спрашивала громко и нервно.

- Не заговаривайся, Эмма!

- Вы хоть видели его?

- Ты ведь не хочешь закончить свою жизнь в монастыре!

- А вы меня хотите этим напугать? Если он мне не понравится, то не выйду за него!

- Бестолковая девчонка! Любовь - самая большая помеха на свете! Ты обязана мне покориться, твой долг подчиниться! - на повышенных тонах сказал отец.

Выводя его из равновесия, я сжала зубы от злости, воткнув чернильное перо в листок, чуть не проткнула свой любимый дневник. Смотрела на отца, к груди подступила горечь злости на него, потому что обращается со мной как с куклой.

- Ты выйдешь замуж за того, кого я выбрал! - ещё раз отчеканил отец и захлопнул за собой дверь.

А что оставалось мне? Приходится только надеяться, что жених мне понравится. Скоро закончится юная, спокойная девичья жизнь! А если мне придётся спать с тем, кого не люблю, неужели это возможно? Нет, не хочу об этом думать!

Сильно захотелось расплакаться, но не смогла. В глубине души чувствую, что всё будет хорошо и выйду замуж по любви. Может, не у всех так, но у меня обязательно будет так, как хочу. В любом случае, я его полюблю.

Мой отец герцог, у нас были земли, охотничьи угодья, виноградники и сундуки золота тоже имелись, а я была богатой невестой в своём королевстве.

Представляете, сколько женихов желает предложить свою руку и сердце?! Так хочется посмотреть на всех! Я никогда не знала ни голода, ни холода, даже не представляю себе этого, только знаю о тепле, сытости, красивых платьях, мягких и любимых мною соболиных шкурах и о своих мечтаниях о любви.

В нашей усадьбе, в специальном отдельном гостевом домике, жили слуги. Усадьба имела два этажа, подсобные помещения отделаны натуральным мрамором, что добавляло особый колорит, а ещё был мамин ухоженный большой сад.

Высокие потолки отбрасывали по утрам светлый лик лучей, превращая усадьбу в воистину ангельское мироздание, будто сам Бог благословил её и осветил своим божественным ликом. Стены от этого сами по себе светлели, будто туман окутал их, и не видно никаких линий и ограничений, словно у дома не было стен. И моя комната тоже наполнялась божественным светом, будто крылья ангелов, заслоняя стены, оберегали и охраняли. И когда была в комнате одна, то любила погружаться в мысли, излагая их в дневнике.

Усадьба стояла на возвышенности, и имелось крыльцо со ступеньками. Нас ограждал забор, украшенный узорами, которые были похожи на стебельки, но без цветков. Притом усадьба находилась в стороне от шума города, поэтому соседей поблизости не было. Вечное спокойствие и тишина царили здесь, и лишь иногда был слышен наш хохот с нянечками.

3. Избранный

Сегодня был именно тот единственный и, возможно, решающий день. Нянечки были в хорошем настроении, переживали за меня, им было любопытно, кто же станет моим мужем. Они подготовили платье и уже принесли его в комнату. Софи расчёсывала мне волосы подле зеркала, на часах было шесть утра.

– Пора одеваться, госпожа, – сказала мне Бриджит.

– Да, одеваемся. Сделайте мне красивую причёску, сегодня буду знакомиться со своим будущим мужем, – ответила ей.

– Хорошо, госпожа.

Бриджит вплетала ленты тёмно-красного цвета, ловко и аккуратно. Причёска с собранными волосами и украшением на голове в виде гребешка была изумительной и утончённой, остальные нянечки сидели на софе и молча наблюдали за Бриджит, потом стали помогать надевать платье. Платье было тоже тёмно-красного цвета и красиво выделяло фигуру. На плечи накинули классический бургундский золотистый роб с небольшим вырезом. Под робом выглядывала вставка из шёлка, приколотая серебряными булавками. В ушах висели серьги и на шее кольцо, отливающее золотистым оттенком.

– Ты великолепна, – прозвучал отцовский голос за спиной. Я так увлеклась, что не услышала, как он вошёл.

– Спасибо вам, отец, за комплимент, – ответила.

– Карета уже подъехала.

– Я готова, скоро спущусь.

Марго уже припудривала мне носик. После того, как отец услышал ответ и оценил наряд своим строгим взглядом, он вышел из комнаты.

Перед тем как уехать, я впервые за столько прошедших лет набралась смелости и зашла в комнату матушки поцеловать её, рассказать ей про бал, на котором меня ожидает будущий муж. Матушка просто смотрела и не вымолвила ни слова, будто совсем и не узнавала – она совсем плохо себя чувствовала. Но иногда разговаривала сама с собой, когда в комнате никого не было, будто делилась с кем-то своими секретами. Лекарь говорил, что эту болезнь не вылечить и она уже поглотила её разум. Он называл эту болезнь тяжёлым безумием.

Кучер открыл дверцу кареты, мы с отцом сели напротив друг друга, лошади тронулись. И поехали на бал во дворец Карла VIII. Как раз к вечеру уже будем в Париже.

Я задремала, когда мы въезжали в этот красивый, грациозно раскинувший свои земли в виде крыльев феникса город. Так выражались всегда мои кузины, влюблённые в Париж, они не могли представить себе, что смогли бы где-то жить, родившись в каком-то другом городе. Париж есть и всегда будет: независимо от времени, он будет вечным. Отец меня разбудил, как только мы подъехали к дворцу.

Дворец – превосходный, раскинувший свои плечи на тысячи футов. Зал с романским камином, с наружной части уже явственно проявлялись ренессансные черты, в то время как в убранстве интерьера преобладали признаки позднеготического стиля. Стены зала увешены портретами знатных особ, а зал занимал весь первый этаж. Размеры его воодушевляли. Опорами сводов служили не массивные столбы, а пилястры вдоль стен. Рёбра сводов образовывали узоры в виде цветка в центре каждого из пяти полей свода. Роскошный зал украшали пять оловянных люстр, на которых имелись зажжённые свечи. Играла музыка, многие знатные особы танцевали со своими кавалерами.

Мы уже на балу, и праздничное настроение само по себе рисовало улыбку на наших устах.

– Дорогая Эмма. Представляю тебе герцога Франческо де Романо из династии Романских

из Ватикана, – проговорил отец.

Передо мной предстал высокий красивый мужчина лет тридцати пяти. Черноволосый и кудрявый. Его чёрные длинные волосы завивались до плеч как змеи. Чуть растерявшись, смотрела в прекрасные голубые глаза и произнесла своё имя, обомлев от того, что находила его милым.

– Эмма Орлеанская, – приспуская взгляд, произнесла с улыбкой, герцог сразу же протянул руку.

– Вы танцуете? Можно пригласить на танец? – спросил.

– Да, – согласилась, светясь от счастья, казалось, будто лики света сверкали у меня на ямочках.

Мы танцевали буре. И весь танец была погружена в его взгляд. Шаг, ещё мелкий шаг, Франческо был интересен мне. В ответ на заинтересованность он рассматривал меня, но не улыбался. Когда ходили вокруг друг друга, танцуя, и когда приближались, и когда отдалялись в танце, на секунду показалось, что музыка звучит только для нас, и мы танцуем вдвоём. Очень хотелось так думать. Он меня очаровал с первого взгляда. Галантный и статный в обтягивающем трико и с узкими башмаками с длинными, клювовидными носками. Он делал поклоны низко, выражая при этом моё превосходство и симпатию, снимал шляпу. Зал засверкал дымкой моей маленькой фантазии.

Я была счастливой, ветреной и неповторимой. Сладкая пора – влюблённость как ребячество, но только с последствиями, как яд, но не смертельный за раз, а губительный по каплям. Я порхала как бабочка. Не могла поверить, что повезло, что отец наконец-то в чём-то порадовал. Я всегда знала, что встречу такого и обязательно полюблю. И погрузилась в эту любовь как в чашу с вареньем. Оказалась влюблена в герцога целиком и полностью.

Узы любви мы познали уже после бала по прибытии Франческо. После того, как мы станцевали, королева Франции у всех на глазах выказывала своё недовольство по поводу того, что гость – сын Папы Римского Чезаре Борджиа – приехал с папским документом о расторжении её брака с королём. Я не была осведомлена о нынешней политике и об отношении Папы Римского Александра VI к Франции. Об этом тогда не думала, а думала только о глазах Франческо.

После нашего танца королева дала пару пощёчин Чезаре Борджиа в присутствии господ, музыканты перестали играть, и я наконец увидела самого сына Папы Римского Александра VI. Он был хорош собой: молод, красив и обаятелен, его причёска походила на причёску моего будущего жениха. Такие же тёмные кудряшки украшали края румяных щёк. Невольно сравнивала внешне. То посмотрю на Франческо, то на Чезаре Борджиа. Они немного отличались издалика носами: у Чезаре Борджиа нос был острее, чем у моего Франческо.

После такого скандала Чезаре Борджиа, передав письмо, сразу же и удалился с королем. Но происходящее особо меня не пугало, хотя и было слишком неожиданным. После их ухода музыканты возобновили игру, господу вновь ринулись танцевать, а Франческо, находясь рядом, попросил у меня аудиенцию. Я согласилась, улыбаясь как ребёнок. Мы покинули большой зал, прошли длинный коридор, Франческо, взяв за руку, куда-то повёл. Он будто знал, куда ведёт. Мы зашли в чьи-то покои, но мне было неважно. Я играла роль влюблённой наивной девчонки, а может и не играла, а таковой и являлась.

– Ты знаешь, что я хочу поцеловать твоё милое ангельское лицо, – признался герцог.

Я смотрела на него млеющими глазами и уже подготовилась приоткрыть губы. Он схватил меня, и мы упали на кровать, предаваясь плотским утехам. Он нежно гладил мои чресла, а стоны мои ему нравились и возбуждали. Франческо целовал мне шею, потом поднял подол платья. Руки сами сжали шелковое покрывало, я нарочно двигалась к Франческо, ягодички приподымались с постели всё чаще, он попытался стянуть туго затянутый корсет, я ему помогла, и мой бюст выпал. Я млела и испытывала наслаждение, когда он прикасался к моему пылающему как огонь бюсту. Его зубы покусывали сосцы, словно страсть двигала разумом. Мои вздохи снова нарушали тишину. Хотелось, чтобы это не заканчивалось. Раздавался небольшой скрип кровати,

будто поддерживал эту идиллию любви. Шёлковые простыни, как цветы, ласкали спину. И я растворилась в забвении.

Франческо подарил надежду на светлое будущее. Он был так хорош собой, что запал мне в сердце. Скучная и печальная атмосфера рассуждений о непонятном женихе наконец-то растворялась. Предстоящая свобода и мысли о ней будоражили и возбуждали, будто бабочки в животе пробудились и летали, волнуя тело и сердце.

Перед окончанием нашей встречи он аккуратно тронул кончик моего носа. Это было так мило, что почувствовала, что тоже ему не безразлична.

Как же в него влюблена, как ребёнок! Его плечи казались опорой, когда их обнимала – будто защитят от любых преград и напастей. Я не хотела отпускать эти чувства и его такие сильные, мужские плечи. Мои глаза горели и блестели, улыбка не сходила с лица. И думала, как же давно так не радовалась, любовь – это просто подарок Бога, его дар. Только с любовью к своему будущему мужу я расцветаю – как яблоко, которое поспело, или как виноград, что наполнился соком вкусной лозы, – и пора сорвать эту ягоду. Пора собирать урожай.

Мысли были только о нём, и была беззаботна и счастлива. Мои светлые волосы стали сильнее завиваться по утрам, это было забавно; рассвет улыбался и дарил первые лучи солнца моим устам, из которых лилась улыбка. Жизнь так коротка и так быстротечна, кажется, что повстречала его только вчера, но уже скоро должно состояться венчание.

«Я его люблю, очень сильно люблю! Как смогу жить без него?! Я не хочу жить без него», – это мысли резвились в голове, как рыбки, неутомные и маленькие.

4. Рука и сердце

Прошло только два дня после приезда из Парижа, но совсем не каюсь, что не заехали в гости к тётё и кузинам, потому что уговорила отца, уехать в тот час же: на моё счастье тётя была больна и не смогла бы нас принять. Отцу хотелось утешиться в объятьях молодой любовницы, поэтому долго уговаривать не заезжать к тётё мне не пришлось.

После утомительной дороги хорошо выспалась и носилась по своей комнате счастливая и влюблённая, нянечки же расспрашивали о будущем муже.

– Он просто великолепен! – улыбалась.

– Госпожа, да вы в него влюблены?! – сказали они в один голос.

– Что вы такое говорите?! Я же видела его только один раз, – возмущалась, пытаюсь скрыть улыбку, но как бы ни старалась, этого сделать не смогла, и они всё поняли.

– Конечно, вы же его видели только раз! – поддержали, но потом засмеялись.

Я же с нетерпением ждала следующей встречи.

Потом побежала обнимать отца, поблагодарив за жениха, который подошёл по всем моим параметрам. Ну, это так, к слову...

И была очень рада, что выхожу замуж по зову сердца, а не по зову надобности. После обеда сидела в комнате и делилась впечатлениями с дневником.

«Дорогой мой дневник! Да, Господь дал мне надежду на светлое будущее, на здоровых, красивых детей, на любящего и красивого мужа. Я скоро стану герцогиней Эммой Орлеанской де Романо, женой герцога Романского, и у меня, наверное, будет мало времени с тобой делиться секретами, но буду стараться писать и обещаю тебя не забывать. Мне будет нужно много времени уделять мужу, а потом не только мужу, но и детям. Но ты знаешь, что я тебя люблю. До встречи...»

Нянечки ворвались ко мне в комнату:

– Госпожа, скорее одевайтесь! Едет ваш будущий муж.

– Что? – удивлённо спросила, радуясь в душе, что он приехал так быстро.

– Посмотрите в окно, – сказали хором нянечки. Подошла к окну. Франческо верхом приближался к нашей усадьбе.

– Скорее, одеваемся! То, пурпурное, – приказала нянечкам, они ринулись в гардеробную и принесли пурпурного цвета платье.

Принялись одевать, одни затягивали корсет, другие расчёсывали длинные белокурые волосы, заплетая небольшой локон сбоку в маленькую косичку, чередуя с серебристой ленточкой.

– Вы прекрасны, госпожа! Как цветок белой лилии! – восхищались нянечки. Я улыбалась в ответ, было приятно.

«Нянечки мои! Что бы я без них делала, во многом благодаря им я была принцессой, которая скоро должна стать королевой».

– Всё! А теперь оставьте меня, мои дорогие, и пожелайте удачи, – обратилась к нянечкам, ожидая Франческо.

– Удачи, миледи, – сказали они и удалились из комнаты.

Через несколько минут раздался стук в дверь, вошёл слуга и объявил:

– Госпожа, к вам прибыл герцог Франческо де Романо из рода Романских.

– Пусть войдёт, – конечно же, ответила. Перехватило дыхание, когда он вошёл, а дверь за

ним закрылась.

- Приветствую вас миледи, - сказал герцог, сделав поклон и снимая шляпу.

Поклонилась в ответ, чувствуя небольшую неловкость за нашу первую встречу. Тишина на мгновение воцарилась в комнате, сердце моё стучало быстрее, чем обычно, я переживала. Франческо медленно подошёл.

- Как ваше самочувствие, миледи?

- Прекрасное, - ответила, улыбаясь, опуская глаза.

Он прикоснулся к моей щеке и приблизил к ней губы. Растаяла от поцелуя!

- Позвольте пригласить на прогулку? - спросил Франческо.

- Да, - ответила незамедлительно, внезапно потянуло шалить.

- Догоняй! - крикнула Франческо, его обгоняя.

Я бежала по саду изо всех сил, потом по роще, но Франческо в конце концов догнал, хватая за руку, повалил на зелёную траву, мы смеялись как дети, как влюблённые. Он так внимательно смотрел на меня, а я изучала его красивые глаза, скулы и улыбку, мечтая ощущать его томный взгляд на себе постоянно. Мы целовались, долго целовались, наслаждаясь теплотой друг друга. Уже не представляла жизни без него, я слишком быстро влюблялась! И отдала бы всё, чтобы ощутить его ладони на моей щеке. Сильно его люблю, но ему об этом говорить не торопилась. Нашу близость будто благословили звёзды. Я никогда себя не чувствовала так защищённо: была за ним как за стеной, ощущала душевное спокойствие, безмятежность, опору, видела в нём крепость.

Как же я его люблю, Господи, я его люблю! Вечерами рыдала от счастья. Уже скучала и переживала только о нём. Франческо приехал утром, и мы с ним гуляли по саду. Я хотела сказать о своих чувствах, но боялась, что это его отпугнёт, а после венчания - скажу обязательно.

Сегодня Франческо рассказал немного о своей жизни. Он был в семье старшим, ранее был кардиналом в церкви Папы Римского Александра VI, всю свою жизнь посвятил Его Святейшеству Папе, церкви, и для него женитьба была под запретом. Но теперь очень хочет детей, дом полный ребятишек. Я смеялась, когда он говорил об этом всерьёз, как-то особенно смешно звучало из его уст. Он красив и уже хочет семью, и я была готова подарить ему детей. Поэтому ради создания семьи он оставил свой сан и отказался от перстня, покинув церковь, но не навсегда. Теперь он хочет служить в церковной армии при Папе Римском. Говорил, если будет уезжать по работе, то надолго уехать не сможет. Даже если и будет необходимо, не сможет пробыть в разлуке со мной. Слушая, только всё больше умилялась и таяла, как масло, от его речей.

Он целовал мои мочки и сказал, что подарит серьги из изумруда, которые будут украшать такие красивые ушки. Сказал, что в конце недели, до дня Святого Михаила, мы обручимся, нас благословит сам Папа Римский Александр VI и скрепит наш брак в церкви, чтобы упрочить союз Ватикана и Франции. Я была этому только рада.

Я расспрашивала о волнениях, которые, по слухам, сейчас идут в Ватикане, о попытках покушения на Папу Римского и его семью. Боялась, что возможно стоит этого опасаться, так как скоро нас ожидает венчание, но Франческо уверил, что всё будет хорошо, и это просто слухи, а слухам верить не стоит. Я доверяла будущему мужу, моему телохранителю.

Потом Франческо встретился с моим отцом, у них состоялся разговор по поводу венчания в Ватикане, а я сидела в саду и любовалась лебедями. В центре сада находился окружённый балюстрадой пруд, по которому плавали эти красивые птицы. В саду имелись прямые аллеи и цветники. Стрижка деревьев и кустарников придавала посадкам разнообразные геометрические формы. Четыре тысячи девятьсот футов вдаль и вплоть до статуи Геркулеса Фарнезского в саду также были устроены партеры с использованием вечнозелёных кустарников в орнаментных узорах, окаймлённых цветным гравием, а аллеи декорировали скульптурами, водоёмами, фонтанами и изящно выполненными топиарами.

Симметрия, устроенная в нашем саду, была доведена до совершенства и цельности, когда садом распоряжалась матушка. А на правой стороне от пруда – олицетворение статуи Аполлона. Виды и перспективы, как со стороны усадьбы, так и на неё, уходили будто бы в бесконечность. Матушка, когда была здорова, все силы отдала этой красоте. Её творение, её фантазии я сейчас могу лицезреть.

Сад – это вечная память о матушке. Поэтому у нашего сада есть имя, я его всегда так называю – мамин сад. Конечно, нельзя так говорить «о вечной памяти», ведь матушка ещё жива, и не хочу с ней прощаться именно сейчас, когда у нас в семье такое счастье, ведь я выхожу замуж.

Осталось несколько дней до замужества. Я волнуюсь, радуюсь и одновременно грущу. Грустить буду по своим нянечкам, по своей беспечной девичьей жизни, по мамину саду, по усадьбе, по отцу, по матушке. Так как уеду в поместье мужа, и моя оставшаяся жизнь пройдёт уже не здесь. Всё будет мне в новинку, но с Франческо ничего не страшно.

Переменчивость погоды и небольшой дождик заставили вернуться в усадьбу, поднялась обратно к себе.

Через несколько минут раздался стук и вошёл Франческо.

– Я уже попросил благословения у твоего отца и с его разрешения прошу теперь твоей руки, Эмма, – Франческо встал на колени и продолжил, – тебе я руку предлагаю, а моим сердцем с первого взгляда ты уже овладела. Со мною в радости и горести быть умоляю, и стать женой и матерью детей моих тебя прошу.

Господи, что я сейчас чувствую! Это чувство большого счастья, великого счастья, моего счастья. Я так люблю этого человека. Как же я сильно люблю его, всем телом и душой! Такое бывает? Или это сказка? Я не во сне? Я так этого ждала, как же этого ждала. Я об этом мечтала всю свою жизнь: что встречу человека, которого полюблю, и только за того, кого полюблю, выйду замуж до конца своих дней. Неужели мечты сбываются? Франческо... Мой любимый Франческо, если бы ты знал, что у меня сейчас творится в душе, если бы ты только знал! Но я пришла в себя и сдержала свои эмоции, и брякнула какую-то сумятицу:

– Так быстро?! – воскликнула.

– Ты недовольна этим? – спросил он.

– Нет, напротив, я только рада, – ответила.

– Вы выйдете за меня замуж?

Франческо поверг в приятное удивление. Так быстро, и вот уже предлагает руку и сердце. Видать, отец хорошо постарался. Моё лицо растянулось в улыбке.

– Да, я стану вашей женой, герцог, – ответила радостно и протянула ему руку, он взял её, стоя также на колени, доставая из кармана что-то крошечное. Это было кольцо, оно было прекрасно. Он надел кольцо на безымянный палец и руку поцеловал. Камень переливался от солнечного света комнаты разными оттенками серого.

– Руфио, – крикнул он, тут вошёл высокий стройный мужчина в чёрном плаще, он отдал в руки Франческо букет свежих гортензий и удалился. Букет он протянул мне.

Букет цветов, так мило... Странно, а что, букет нельзя было сразу принести?! – какие-то странные мысли проскользнули в голове.

Но это не было столь важной вещью, главное – он предложил свою руку и сердце, мне ничего больше не надо. Теперь будем вместе! Мы обнялись, и он поцеловал меня. Сегодня был самый счастливый день в жизни!

– Мне нужно уехать в Ватикан и получить заранее письменное разрешение о бракосочетании от Папы Римского, закрепить дату и доделать оставшиеся дела. Мы встретимся уже на церемонии венчания в Ватикане, – сказал Франческо.

– Надолго? – спросила и немного опечалилась, что Франческо так быстро должен меня покинуть.

– Не грусти, красавица! В следующий раз, когда мы встретимся, тебе придётся объясняться, отчего мы такие грустные, – сказал Франческо улыбаясь и прикоснулся своим кончиком носа к моему. Я улыбнулась в ответ и приспустила взгляд.

– Я буду ждать с нетерпением этот день, – сказала, он поцеловал ещё раз мою руку и ушёл.

После отъезда Франческо вечер тянулся долго. Скоро венчание, скоро моя судьба свяжется с судьбой Франческо, это так замечательно! Нянечки водили вокруг хороводы и поздравляли, будто тоже выходили замуж, они радовались за меня, рассматривая кольцо, которое подарил Франческо. И было приятно, что нянечки радовались вместе со мной. Я понимала, что они не встретят такого принца, как мой герцог, и их союз не будет благословлять Папа Римский, у них не будет такой чудесной усадьбы, как у меня, они не смогут покупать себе дорогие ткани, чтобы портнихи шили им красивые платья. Я это, конечно же, всё понимала, но эту тему никогда не поднимала. Зачем портить настроение, зачем вызывать зависть? Возможно, где-то в душе они действительно завидуют, только не признают и отталкивают эти мысли. Мы будем вместе, пока не произойдёт мой отъезд, а может, просто мне их жалко.

У них наверно возникали разные мысли, они бы тоже хотели жить как я, но жизнь им этого не подарила. Иногда замечаю в глазах нотку грусти у Розы: когда примеряю платье, она улыбается, но чувствую, что ей нелегко. Со мной она забывает о своих заботах, но иногда как будто сама навлекая на неё эти мысли, но не специально. Я не хочу видеть её грустные глаза, я просто не должна, это ведь их работа, а моя работа – стать невестой, будущей женой. Это просто устои, такова моя жизнь.

О чём я вообще думаю? Герцогини о своих нянечках не думают. Либо я совсем сентиментальная стала в связи с предстоящим обручением, либо любовь к Франческо меня меняет. Одно из двух... разве?

5. Встреча со «Смертью»

Сегодня вспомнились некоторые моменты из детства. Я никому об этом не рассказывала, но подозревала свою матушку в колдовстве. Она в детстве учила меня, как не стать игрушкой в руках своего мужа. Она иногда совершала колдовские ритуалы, приносила в жертву коней для благословения своих родителей. Я обещала, что буду держать в тайне её секреты, и также, что когда наступит день, когда буду выходить замуж, то должна принести в жертву частичку того, что люблю, и частичку чего-либо из любимого мужем – для скрепления любви. Всё это было чуждо, и я не верила в это. Не понимала, откуда матушка всё это знала, не успела её расспросить, болезнь настигла внезапно. Я тогда и вовсе поникла. А это ремесло было опасно и запрещено: если бы кто-то узнал, то матушку обвинили бы в колдовстве и сожгли.

Всё-таки я хотела оторвать с головы один волосок у Франческо, но не смогла причинить ему хоть и маленькую, но боль. Раз в месяц я ходила к знахарке, и сегодня был тот самый день, когда надо было съездить к ней.

Она жила на лесной опушке, до неё я добиралась верхом, со мной поскакала Роза. После обеда распогодилось, и мы с Розой якобы поехали на прогулку с лошадьми.

Знахарку я знала от матери. Она никогда не называла своего настоящего имени, по прозвищу была – Лиса. И много рассказывала о путях королей, о картах, которые назывались Таро, по просьбе матери продолжая меня учить. Обучение картам у знахарки – это была самая последняя просьба матери, когда я, ещё ребёнком, её видела.

Таро – пути Королей, которые предвещают судьбу; определенный выбор, где можно заглянуть в будущее. Но они просто предвестники, судьбу всегда можно изменить, выбрав другой путь. Я не любила узнавать своё будущее, но тренировалась именно на себе, потом стала гадать Роза. Больше из нянечек никто об этом не знал, да и незачем им было знать.

К знахарке я ходила всего лишь раз в месяц, в одно и то же время. Пока изучала только главные карты Арканов, остальные сорок шесть карт Младших Арканов должна изучать после основных.

Аркан – это тайна, неведомая простому уму, необъяснимая законам и принципам природы, это ответ, необходимое знание нуждающегося в постижении истины в ту пору, когда это требуется.

Сегодня Лиса меня не встретила, хотя уже почти добралась до её избушки. Мы с Розой слезли с лошадей и вошли в деревянный дом, вокруг него – заросли, много сорняка. Лиса была немного дикой, жила отдельно от людей, но я её совсем не боялась, она говорила, что обязана моей матери и в обиду не даст. Она сидела за столом, накрытым чёрной скатертью, чёрные и белые свечи стояли по обе стороны стола, где раскладывала карты. Лиса выглядела лет на пятьдесят, в старом рюшечном платье, немытые тёмные волосы собраны в пучок. Её взгляд был каким-то тревожным, я присела за стол, Роза стояла позади.

– У вас что-то случилось? – спросила я.

– А может, ты мне хочешь что-то рассказать?

– Я замуж выхожу, – не думая, из уст сами выпали слова.

– Девочка моя, а ты уверена? Ведь не венчание тебя ждёт, а смерть, – я была шокирована словами Лисы, и не знала, всерьёз она говорит или нет. Что за бред?

– Что вы имеете в виду? Меня сегодня ждёт как раз тринадцатая карта.

– Ты не будешь делать обряд, о котором говорила тебе мать?

– Я его люблю, и он тоже меня так же любит.

– Ты думаешь, что всё знаешь, поэтому не делаешь обряд? Прислушайся к себе, стоит ли тебе выходить замуж за этого человека?

- Нет, я прислушалась к себе и знаю, что мне надо замуж. Я его люблю.

- Эмма, а не боишься того, что твоя любовь может тебя же и погубить?

- Зачем вы так говорите? Вы что-то знаете?

- Это твой выбор, девочка. Готовься к медитации. Сегодня твой тринадцатый урок и на пути у тебя тринадцатая карта, - сказала она, но было как-то не по себе от её слов, она меня пугала.

«Она же раньше никогда мне не гадала, почему именно сейчас? А может быть, она мне и не гадала, просто так думает?» - рассуждала я про себя.

Она всегда была странной, но толком ничего конкретного и не сказала. Я обернулась к Розе:

- Госпожа, может не стоит, уйдём? - шёпотом сказала она.

- Если хочешь, можешь подождать меня снаружи. Всё нормально, - ответила ей. Роза вышла.

Но что-то здесь не так. Я была обеспокоена не только словами, но её настроением. Первый раз видела, что она себя ведёт ну чересчур уж странно. Может, стоит уехать? Я внезапно вспомнила матушку, лишь ради неё останусь.

Сняла накидку и села на ковер, Лиса поставила рядом белую свечу и зажгла её. Из своей сумки я достала карты, которые лишь я могла держать в руках, так как являлась их хозяйкой. Никто не должен был их касаться при раскладе, если только того не требовалось. Иногда позволялось прикоснуться и вытащить карту вопрошающему. Моя хранительница колоды карт была Верховная Жрица, я выбрала её, потому что она мудра. Умиротворённые и голубые краски этой карты вдохновляли на веру в себя и успокаивали; глядя на неё, всегда вспоминала свою матушку - такие же красивые длинные волосы украшали её лицо. Поэтому Верховная Жрица всегда была первой по счёту в моей колоде, хоть её цифровой номер на карте был второй.

Сегодня меня ждала медитация с картой тринадцатой, которая называлась «Смерть». Это наверно самая сложная карта, которую я изучала.

Я выбрала её и Лиса начала урок:

- Вспомни всё, о чём мы с тобой говорили на предыдущих встречах. Вдохни, успокойся, подумай о хорошем и начинай, я мешать не буду.

Я собрала коленки к себе, скрестив ноги, взяла в руки карту и закрыла глаза, сделала всё, как сказала Лиса. И началась медитация.

Вначале я спросила разрешения у карты войти, на свой ответ получила согласие. Меня охватил сначала страх, перед встречей со Смертью, но когда я вошла, почувствовала силу, будто магия просачивалась по моим жилам. Вокруг была красная пелена, красное небо, красная кровь под ногами. Я переступала тела мёртвых людей, задевая их ногами, я будто ощущала весь их страх и боль перед смертью. Потом я увидела саму Смерть перед собой - всадника на коне, голова была в виде черепа в капюшоне. Я не чувствовала ничего прежде, ощущение было сравнимо с чувством того, будто я у себя дома, и мне не надо никуда идти, торопиться.

Я поприветствовала Смерть - она протянула мне руку - и села к ней на лошадь, она медленно тронулась, переступая мёртвых.

- Мои ощущения странные, чувствую так, как в обычном мире никогда - это власть, уверенность, будто мы властители мира, - сказала, обращаясь к всаднику Смерти.

- Так и есть, я забираю души, но души уходят в мир лучше прежнего, - когда она отвечала, я оглядывалась по сторонам: небо было красное, да полностью всё было красное, мы шли по крови, копыта лошади совсем не видно.

- Я хочу жить вечно.

- Чтобы жить вечно, ты должна отдавать души, Эмма.

- Каким способом?

- Ты знаешь, каким... Эмма, ведь ты сама смерть и сама её сеешь.

- Ты ошибаешься, мне больно, когда погибают близкие, и тяжело выдерживать это горе, - сказала, вспоминая о конюхе.

- Но ведь сейчас ты этого не чувствуешь? Ты довольствуешься кровью и телами.

- Не знаю, - задумчиво ответила я.

Ощущения и мои слова пугали, чувство насыщения и власти - это было неправильно.

Я захотела дотронуться до мёртвого тела, которое лежало внизу, хотела прочувствовать, касаясь его, свои ощущения; может быть, Смерть ошибалась на мой счёт. Спрыгнула с лошади и присела к телу мёртвой женщины, в её глазах остался страх, страх перед смертью. Крови вокруг много, но я дотронулась до неё, прикоснулась к лицу. И, к удивлению, мне стало интересно, ладонью закрыла глаза женщины, потом опять села на лошадь впереди всадника Смерти.

- Видишь, мне тебе не надо рассказывать. Ты сама вернулась ко мне сейчас, - сказала она.

Смерть взяла за талию, я почувствовала что-то приятное, повернувшись, смотрела на неё, будто под гипнозом, и не понимала, что делаю. Её череп приблизился, и она меня поцеловала. Я ответила на поцелуй, ощущая губы скелета на лице, поцелуй был горьким, показалось, будто чёрная жижа сочилась изо рта Смерти, пачкая моё платье. Поцелуй длился долго. Я была поглощена только Смертью, не было никакого Франческо, никого не было, а только этот всадник и я в мире Смерти, в мире маленькой карты. Подумать только, ведь я была у неё в гостях.

Внезапно услышала хлопок двери, через пару секунд услышала голос Розы, который раздался криком:

- Госпожа, бегите! - испуганная и ошарашенная открыла глаза, предо мной стояла Лиса, которая пыталась ударить большой палкой; впопыхах отклонилась от удара, упала на бок, и что есть мочи, испуганная, пустилась в бегство.

Мы выбежали с Розы из избушки, никто из нас не понимал, что происходит, но знали, что надо просто бежать, уходить оттуда. Запрыгнули на лошадей и ускакали, не оборачиваясь и ничего не говоря. Через минут пять успокоили лошадей и ехали рысью. Я расспрашивала:

- Розы, что это было?

- Госпожа, я случайно зашла, у меня сегодня какое-то нехорошее предчувствие было. У вас столько событий, вам лучше никуда не выезжать до венчания, а то ненароком ещё увидим её где-нибудь.

- Розы, спасибо тебе, если бы не твоё предчувствие... Только мы должны держать это в секрете, никому не рассказывай, ни одной живой душе, - чувство шока ещё не покидало, руки дрожали, я очень испугалась, Розы тоже была напугана. - Поскакали быстрее, очень сильно хочу домой.

- Конечно, госпожа.

- Но! - дёрнула узду, и мы поскакали быстрее.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди в тот момент, совсем не поняла, как среагировала. Тело будто остолбенело, а потом меня трясло. Не могла ни о чём думать, не понимала совершенно ничего. Сумасшедшая знахарка, я к ней точно больше не поеду. Прости, матушка, но там как раз таки была угроза моей жизни.

Что Лиса хотела сделать? Убить меня, ударить? Никто не мог ответить на этот вопрос.

Ох, если бы не Роза, я сейчас наверно лежала бы без сознания. Немыслимо и непредвиденно: всё это не укладывалось в голове. Я так распереживалась, что сильно устала, такая эмоциональная встряска меня вымотала. У меня пропал аппетит, потянуло в сон. Хотелось быстрее доехать до усадьбы и побыть одной, больше не хотелось ничего. Я была подавлена и напугана и от поведения знахарки, и от медитации.

А вдруг такое повторится ещё раз? Нет, нужно прекращать, конец моим учениям Таро. Все карты остались в доме знахарки, всё осталось там, мои вещи, сумка, в которой было пара монет и накидка. Но эти вещи не столь важны, как жизнь, пускай я их похороню навсегда вместе с этой сумасшедшей ведьмой.

Оставшийся день пробыла в своей комнате, даже не поужинав. Отец испугался, что после прогулки я заболела, и велел принести ужин в комнату, чтобы всё-таки хоть что-нибудь да поела.

У меня было какое-то непонятное чувство отрешения от жизни. Впервые за долгие годы возвращались чувства детства, той грусти, будто Франческо вовсе и не было. Я не знаю, почему они вернулись. Было грустно, как от одиночества... Хотя я совсем не одинока. Но будто никто не понимал меня и не знал настоящую.

Я скучала по матушке, в её объятьях всегда становилось спокойней. Может, мне не хотелось расставаться со своей старой девичьей жизнью, так как меня ожидала новая, с Франческо? Готова ли я расстаться с ней? Хм... Готова, не готова, но придётся. Время быстротечно, надо уметь насладиться каждой минутой жизни, будь то радость или грусть, всё воистину прекрасно.

Франческо, мой Франческо, лучше думать о нём...

6. Сорок восемь часов до замужества

Сегодня состоялась примерка платья, на носу свадебная церемония. Через сорок восемь часов нас должен благословить в Ватикане сам Папа Римский Александр VI.

Шлейф так и тянулся на пять футов. Цельнокроеная туника украшена вышивкой по рукавам и горловине. пышная юбка имела много складок и драпировок, что придавало платью несравненное изящество. Бархат и шёлк переплетались на груди, а золотая тесьма была вшита на боку с обеих сторон. Улыбка сопровождала меня всю примерку. Несколько часов – и платье готово. Остался ещё один день, завтра рано утром мы с отцом уезжаем.

Словно трепетная лань, я сияла от счастья. Сегодня должна проститься со своими нянечками. После благословения мы сразу уедем в поместье Франческо. Отец отдал за меня большое приданное, в него входило четыреста итальянских дукатов и поместье во Франции, которое завещал мне отец. Я выхожу за герцога, и ни в чём нуждаться точно не придётся. По разговору знала, что Франческо тоже отблагодарил Папу щедро. И была безумна рада, хотела остаться вдвоём с Франческо как можно быстрее, уже скучая по его ласкам, по прикосновениям и поцелуям. Свет очей, свет души, мой бальзам, мой Франческо.

Отец принял предложение Франческо, что брак надо засвидетельствовать перед Святой Церковью, ведь это предполагает скрепление и содружество двух государств. Пусть слухи живут, на то они и слухи – как черви всегда размножаются. А слухи бежали о том, что Святая Церковь лишь подобие божье, с приходом нового Папы сейчас здесь правит разврат и прелюбодеяние, а сам сатана восседает на святом троне, кардиналы плутуют, а иконы плачут кровавыми слезами по воскресеньям. Я не верила этим пустым разговорам, власть за престол заставляет людей идти на крайние меры, и подлость врагов как раз здесь обнажалась. Я верила только в хорошее, служа и любя Христа нашего, обещала, что буду верной и преданной женой, а Папа Римский – это сосуд Христа Божьего, который обращается к нам, донося его мысли.

После примерки нянечки подготовили ванну с горячей водой. Сидела в ней нагой, а Роза мочалкой смачивала мне шею.

– Оставьте нас, – сказала остальным нянечкам, которые шумно болтали возле ванной, хотела побыть наедине с Розой. Нянечки ушли.

– Роза, как ты думаешь, я буду счастлива в браке и в новом доме?

– Конечно, миледи, обязательно будете. Вы этого достойны, – ответила Роза не задумываясь.

– Ты будешь по мне скучать, Роза?

– Мы все будем скучать по вам, миледи. Мы вас очень любим, – говорила Роза, нежно смачивая шею.

– Роза, через минут десять я буду готова, – сказала, чтобы она оставила меня ненадолго одну.

Хотелось побыть наедине с собой. Бывало, часто просила оставить меня в одиночестве, чтобы записать свои мысли в дневник. Шум и разговоры нянечек порой сильно приедались, и хотелось очистить свой разум от мыслей, чтобы зря не переживать и не волноваться. Но сейчас не хотела делиться своими мыслями с дневником, лишь задремала в ванне.

За все эти дни я перенервничала, столько событий произошло, воистину впереди только самое лучшее и долгожданное.

Нянечки пришли ровно через десять минут.

– Давайте побыстрее, я уже устала! – сказала вялым голосом.

– Хорошо, миледи! – отозвалась Роза. – Держи мочалку Софи, я начну с головы.

Бриджит и Марго готовили мне платье, в котором мне нужно быть на ужине, сегодня к нам приезжает гость из Папской свиты.

- Как мне это уже надоело! - сказала я вслух.

- Вам нездоровится, миледи? - спросила Марго.

- Может если бы я вышла за француза, такой бы мороки не было с венчанием? Не пришлось бы никуда ехать, - сказала устало.

- Миледи, это судьба! За любовь нужно бороться! - приободрила Софи, моя спину.

- Вам не о чем волноваться, ваш отец обо всём уже побеспокоился! - сказала Марго.

- Да, да, - поддержали нянечки в голос.

- Вы правы, - согласилась и встала, нянечки меня помыли, Роза накрыла полотенцем, Софи вытирала тело, а Роза, взяв второе полотенце, укутала им волосы, чтобы вода в него впиталась.

Я вышла из ванны и присела на кровать. Нянечки замолчали. Было их жалко, и в голову пришла одна идея:

- Мои дорогие, сегодня последний день с вами. Вечером после ужина жду вас у себя, как обычно. Хочу вручить подарки на память.

Конечно же, у меня не было никаких подарков, и я им ничего не приготовила, совсем некогда было подумать, но всё равно их надо отблагодарить обязательно. Подарю им свои украшения, надо только отобрать, какие из них.

- Хорошо, миледи, - сказали они хором.

Софи сняла полотенце и принялась расчёсывать волосы. Остальные сидели тихо на кровати, наблюдая за нами. Бриджит и Марго уже приготовили платье и положили на комод. Тёмно-фиолетовое с небольшим вырезом на груди, по низу вокруг подола были вшиты рюши более светлого оттенка, корсет, рукав три четверти.

Роза, расчесав волосы, стала заплетать их, тишину нарушил голос Софии:

- А вы уже с ним целовались? - внезапный вопрос, и я не смогла сдержать свою улыбку, вспоминая момент, где мы с ним не только целовались. Посмотрев на мою реакцию, нянечки захихикали, поглядывая друг на друга. Они поняли, что всё-таки между нами что-то было.

- У вас будут очень красивые дети, миледи, - сказала Марго.

- Да, - поддержала Бриджит, - вы уже придумали имена, если родится девочка или мальчик?

- Бриджит, сначала должна пройти церемония венчания! - сказала я.

- Ну а детки-то тоже ведь не за горами! - ответила Бриджит. - Мне нравится очень имя Лукреция, если девочка.

- А мне нравится Джоанна! - сказала Марго.

Они так увлеклись, будто дети скоро родятся у них.

- Нет, Лукреция лучше! - спорила Бриджит.

- Ванесса лучше, - вступила Марго.

- А мне больше нравится Диана, - сказала я.

- М-м... тоже красивое имя, - согласилась Софи.

- Марго, платье, - попросила я.

Марго, встав с пуфика, сняла полотенце, тщательно вытирая меня, и приступила к одежде.

Рози как раз закончила с причёской: собрала волосы в пучок из кос, закрепив их золотыми гребешками. Надели платье, затянули корсет, и я была готова к ужину.

Спускалась вниз по лестнице, рассматривая холл усадьбы. Там как раз стоял отец с гостем.

– Эмма, дорогая! Позволь тебе представить моего друга кардинала де Равуа.

– Кардинал, – поздоровалась, уже подходя к гостю, сделав небольшой поклон.

– Миледи, – ответил гость.

Он был небольшого роста, плотного телосложения, в красной мантии с большим висящим на груди крестом и красной кардинальской шапке. Выглядел на пятьдесят лет с небольшим.

– Прошу вас, проходите, кардинал. Будьте как дома! – пригласил отец.

Мы прошли в трапезный зал, где стол уже накрыт вкусными яствами: приготовили свинину, пироги с черносливом, бокалы с красным вином томились под светом свеч. Мы сели втроем, отец – во главе стола, как подобает хозяину.

– Так что же привело вас столь долгой дорогой из Ватикана в Прованс? – спросила я.

– Дела, миледи. Не мог, будучи во Франции, на обратном пути не навестить своего друга, пардон, вашего отца, – ответил кардинал. – С присоединением Прованса с торговыми путями к Франции, Ватикану и Франции есть о чем вести переговоры. И я как раз этим занимаюсь: веду переговоры с вашим королем Карлом VIII от имени Папы Римского. Это всё, что я могу вам поведать.

– А как подготовка к венчанию? – спросил отец кардинала.

– Я с вами поеду обратно в Ватикан, буду вашим сопровождающим.

– Замечательно! – улыбался отец. – Правда, Эмма?!

– Да, отец, – ответила я.

– Благодаря кардиналу де Равуа ты познакомилась с Франческо, – сказал отец.

– Это правда, кардинал? – я впала в лёгкое удивление.

– О, право, не стоит любезностей, ваша светлость, это просто судьба. Давайте думать так – Господь сам приложил руку, – ответил кардинал, обращаясь к моему отцу.

– Да, бросьте вы! Это кардинал нашёл тебе достойного жениха, – продолжал отец.

– Я польщена, – ответила.

– Кстати, о церемонии. Должен сообщить, что после благословения Папы Римского Александра VI Его Святейшество просит вас быть свидетелем предстоящей консуммации брака в присутствии необходимых для этого особ. И мне нужно знать, кто будет с вашей стороны, ваша светлость? – сообщил кардинал.

– Церемония будет при свидетелях? – спросила я.

– Это веление нашего Святейшества, приказа ослушаться не имею права, – ответил кардинал.

«Да что же это такое! Как я смогу пройти эту церемонию, если я не целомудренна!» – подумала, почувствовав страх и робость.

– Или хотите что-то сообщить? – спросил кардинал, обращаясь ко мне.

– Нет, нет. Это вопрос был задан для интереса. Если Его Святейшество просит, значит, я не могу в этом ему отказать, – ответила, немного заикаясь.

«Чёрт, что мне делать?!» – думала про себя.

– Вот и славно, – сказал кардинал, прожёвывая кусок свинины.

У меня же аппетит пропал мгновенно, но старалась этого не показывать: кладя в рот маленькие кусочки мяса, медленно их прожёвывала.

«Я не хочу потерять любовь, возможно, всей моей жизни. Франческо! Что же мы наделали? Что же я наделала! Ещё и при свидетелях! А сразу после церемонии ранним утром должны забрать покрывало с моей кровью, удостоверившись, что это действительно кровь. Вино? Нет, слишком заметно. Надо хорошенько подумать, что делать. Что же это за преграды-то такие к счастью возлюбленных, мы ведь не королевских кровей, но не надо забывать, что благородных! И нашему союзу благодаря мы роднимся с Ватиканом. А Его Святейшество Папу Римского Александра VI слушаться нельзя».

После ужина кардинал уединился с отцом в кабинете, я ушла к себе наверх. Вспомнив, что ещё нужно сегодня вечером подготовить подарки, открыла верхний ящик комода, достала все украшения, положила на постель и стала их разбирать, отсеивая то, что оставлю себе, а что подарю нянечкам.

– Этот белый жемчуг оставлю себе. А вот эти бусы с изумрудом, которые мне подарили двоюродные сёстры, отдам Бриджит. Тем более Франческо скоро подарит серьги из изумруда, а бус не жалко. Потом к серьгам подберу новое ожерелье. Бусы из розового жемчуга отдам Розы, она заслужила. Софи отдам бусы из сапфира, а Марго... Да, вот эти бусы из рубина отдам Марго, – говорила вслух, подбирая украшения каждой нянечке.

Взяла украшения, что оставила для себя, и положила обратно в ящик комода, остальные, для нянечек, положила в пустую шкатулку. После нашего разговора нянечки должны были собрать все мои вещи, приготовить на завтра платье в дорогу, упаковать свадебное платье, а также любимые наряды. Остальные вещи должны будут привезти в течение двух месяцев после венчания.

Вышла из комнаты, ещё нужно было найти Розы, чтобы решить вопрос чрезвычайной сложности, который мог подвергнуть разладу мой брак. Спустилась по лестнице, пройдя в трапезный зал, и увидела там Розы, она сидела с кухаркой и перебирала крупу.

– Розы, ты мне нужна, – сказала я, войдя в трапезный зал.

– Конечно, миледи, – она бросила крупу, вытирая руки о фартук.

– Здравствуйте, миледи, – обратилась ко мне кухарка с улыбкой, я кивнула в ответ.

– Пойдём, – пригласила Розы, переведя взгляд на нянечку. Мы поднялись в комнату.

– Розы, садись со мной рядом, – позвала, присаживаясь на кровать.

– Вас что-то беспокоит, миледи? – спросила Розы.

Вздохнув, начала ей рассказывать.

– После венчания мне нужно будет пройти консуммацию брака в присутствии свидетелей со стороны церкви, Его Святейшества Папы и свидетелей с моей стороны.

– Он что, извращенец? – с неприятием удивилась Розы.

– Представляешь, как мне это пережить?! Буду при всех обнажённая, и на меня будут смотреть сквозь просвечивающую ткань! – возмущённым тоном ей высказала.

– Миледи, вы же потеряли свою целомудренность! – сказала Розы.

– Тихо, Розы! Никто не должен об этом знать!

– Миледи, что я могу для вас сделать?

– Я не знаю, мне нужна кровь... Наутро заберут простыню с постели. Мне ещё нужно сказать об этом Франческо. Фу, какой стыд!

– А Франческо тоже знает, что вы не девственница? – удивлённо спросила Роза, я замолкла секунды на три. – Ах... вы с ним были? – обрадовалась она.

– Только никому не рассказывай, времени нет. Ты должна пойти к кухарке, сказать, чтобы она сегодня к полуночи зарезала петуха. Кровь пускай нальёт в банку, а петуха завтра приготовит на обед, банку же передаст тебе.

– Хорошо, миледи.

– Я на тебя надеюсь. После сборов заберёшь у неё банку и осторожно передашь мне, чтобы никто не видел. Я буду ждать у себя.

– Думаете, получится?

– Надо ведь что-то попытаться сделать.

– Ясно, миледи.

– Подожди, банка слишком большая, – подойдя к комоду, принялась копаться в нём, достала маленький пустой пузырёк от эфирных масел, в который можно было налить кровь, и передала его Розе.

– Ступай, – Роза ушла выполнять задание.

Нянечки должны были уже скоро прийти. Тем временем взяла свой дневник, присела за стол и начала писать.

«Дорогой, мой дневник! Каждый день – это как испытание, проверка на прочность уз с моим любимым Франческо. Может, действительно было бы легче, если бы мой муж был французом? Мне не надо было столько переживать. Но тогда, возможно, и любви бы у нас не было. Я искренне надеюсь, что мой любимый ко мне равнодушен тоже, его глаза сияют, когда он меня видит, я это чувствую. И пусть даже мы познали плотские узы до нашей свадебной церемонии, верю, что будем вместе. И даже этот обряд консуммации брачной церемонии нас не сможет разлучить. Я не могу его просто так отпустить, я не хочу этого! Я должна бороться за свою любовь! Ни даже та знахарка, ни её безумные предсказания, ничто не сможет нас разлучить в данный момент. Я всё выдержу! Спасибо, что веришь в меня.

Мой отец видит во мне только девушку на выданье, более близких чувств я уже у него не вызываю. Всю любовь и тепло он отдаёт другой, своей любовнице. Как только уеду, она приедет в усадьбу жить с ним. Как им не стыдно, если в соседней комнате находится матушка! Она ведь всё равно об этом узнает, хоть и больна. Как она это воспримет? Даже за ужином, когда говорили о консуммации брака, отец ничего не сказал. Не ответил, что против, лишь бы я вышла замуж и уехала.

Печаль возвращается... Как мне не хватает матушки, мне нужно её сегодня увидеть перед отъездом и проститься с ней, обязательно».

Я хотела писать дальше, но пришли нянечки, и отложила дневник в сторону, Роза опаздывала.

– Роза не пришла, миледи, – сказала Марго, нянечки выстроились передо мной в линию, а я так же сидела за столом.

– Дождёмся её, она должна скоро подойти, – не успела договорить, как вошла Роза.

– Извините за опоздание, миледи, – сказал она, кланяясь.

– Подойди ко всем, – попросила, встав из-за стола.

– У вас уставший взгляд, миледи, – сказала Бриджит.

– Да... Завтра ещё вставать рано, – ответила ей.

Рози встала в ряд с нянечками. Я подошла к шкатулке и повернулась к ним.

– Дорогие мои, вы были со мной и разделяли все мои взгляды, были послушны и делали всё, о чём вас просила. Вы мои любимые нянечки. Я скоро стану женой герцога Романского, и, возможно, с вами не будем так часто видеться, как сейчас. В знак любви к вам хочу на память подарить то, что всегда будет напоминать обо мне, – открыла шкатулку и каждой по очереди раздала украшения.

– Какая прелесть! – сказала Бриджит.

– Спасибо, миледи, – сказала Рози.

– Спасибо, – сказала Марго.

– Вы самая лучшая, госпожа! – сказала Софи, улыбаясь во весь рот.

– Я буду очень рада, если вы будете хранить или носить эти украшения. Как вам будет угодно, – ответила им, очень довольным. Улыбаясь, мы обнялись, и у нас получилась большая куча «обнимашек». Все друг за другом, было очень мило.

– Я рада, что вам очень понравилось, – сказала я, – надо теперь собирать вещи.

– Хорошо, миледи, – хором согласились нянечки и разошлись по комнате, начиная упаковывать одежду.

– Рози, принеси мне что-нибудь вкусненькое, – спросила, переглядываясь.

– Да, миледи», – сказала Рози, покидая комнату.

– Миледи, вам нельзя на ночь кушать, надо блюсти фигуру! – сказала Марго.

Меня такое замечание немного смутило.

– Марго, я же могу один раз позволить себе расслабиться и поднять настроение? Сегодня и только сегодня, – ответила ей.

– Да, миледи, как скажете. Вам понадобятся силы на завтра, – сказала Марго, складывая в сундук платье лилового цвета.

– Да, а теперь, Бриджит и Софи, помогите мне снять платье, – попросила нянечек. Они развязали корсет, вытягивая шнуровку из-под ткани, я подняла руки вверх, они стянули платье, потом подол, затем я сняла нижнее платье, которое было за основным. Софи подала ночную белую длинную сорочку, одевая вместе с Бриджит через верх, и застёгивала пуговицы возле шеи.

– Пойду, попрощаюсь с матушкой, а вы пока занимайтесь сборами, – распорядилась.

– Хорошо, миледи, – ответили они опять хором.

Я направлялась в соседнюю комнату, к матери, взяв с комода подсвечник. Матушка лежала в постели и уже спала. Присела рядом на кровать, поставив свечу на пол.

– Матушка, завтра я уезжаю. Я выхожу замуж за человека, которого люблю. Уезжаю и буду по вам скучать, – говорила, но она меня не слышала, её сон был крепок, и не хотелось её будить, не хотелось тревожить. Её демоны, когда она была во здравии, часто приходили к ней, и с каждым разом уже не отличала реальность от своих фантазий. Поцеловала её в лоб, она шевельнулась, я встала с кровати, взяла свечу и направилась к выходу.

– Эмма... – услышала голос матери.

– Да, матушка, – обернувшись к ней, я посмотрела на неё.

– Я вижу чёрное пятно.

– Матушка, вам нехорошо?

- За тобой, Эмма, за тобой.

- Здесь никого нет, - сказала я, обернувшись.

- Чёрное пятно, - говорила матушка и уже не смотрела на меня.

Мне стало дурно. Было больно слушать и видеть, как болезнь мучает матушку, поэтому и пришла ночью, когда матушка уже спала. Тяжелее с каждым разом было видеть её в таком состоянии, порой не сдерживала слёз, хоть я и обещала себе, что она не увидит, как я плачу.

- Матушка, я завтра уезжаю, выхожу замуж.

- Чёрное пятно! - сказала матушка так громко, что я испугалась, тут вошёл отец.

- Эмма, зачем ты разбудила свою мать! - обратился ко мне и подошёл к ней.

- Я хотела с ней попрощаться.

- Принеси отвар, он у кухарки, я пока побуду здесь.

- Хорошо, - сказала я и спустилась по лестнице в трапезный зал. Розы была здесь вместе с кухаркой.

- Мне нужен отвар для матери, - сказала кухарке.

- Сию минуту, миледи, подождите, - ответила она и вышла в подсобку.

- Всё получилось? - спросила я Розы шёпотом.

- Да, миледи, - ответила Розы.

- Приходи после полуночи ко мне, - сказала я ей.

- Вот миледи, возьмите, - вернулась кухарка, передав чашу с отваром.

- Доброй ночи, - попрощалась я.

- Доброй ночи, миледи, - обратились они вдвоём.

Поднялась наверх и зашла в комнату матушки с чашей и передала отцу. Он сидел на кровати рядом с матерью.

- Ступай, Эмма, - сказал отец.

- А можно... - не успела договорить, как отец прервал.

- Иди, ложись спать, - сказал повышенным тоном.

Мне это не понравилось, я надула щёки и ушла.

«Даже, поговорить уже нельзя!» - рассуждала сама с собой.

И так расстроилась, что горечь подступила к горлу, и не смогла сдержать слёз. Вначале шептала, выйдя из комнаты, в углу, но потом быстро прошла на балкон, что находился в конце коридора. Не желала, чтобы меня кто-то видел, хотела побыть одна:

«Мамочка! Мамочка, как же я буду без тебя! Как же я буду без тебя в этой жизни! Господи, как же я буду жить без человека, которого любила, буду жить вдали, совсем в другой стране. А вы меня даже совсем не поняли, что выхожу замуж! Вы совсем больны! Вы не можете даже порадоваться за меня! Всем сердцем трепетно отношусь к вам, но любовь к матери... Я теперь не смогу навещать вас по ночам, как сегодня. Как же я смогу почувствовать ваш запах, обнять вашу грудь и почувствовать ваш летний аромат лесных ягод, прямо как в детстве. Простите меня, умоляю! Простите, что уезжаю! Маменька, ну как же так?! Простите, что забыла о вас и увлеклась так сильно Франческо! Простите, что не навещала вас долгие годы! Простите меня за то, что я самая плохая дочка и не заслуживаю вашей любви! Простите за то, что не выполнила

вашу просьбу касательно обряда, простите, что бросила знахарку, которая пыталась меня убить. Как же я вас смогу оставить?! Совсем одну, совсем одну!!!»

И только тогда, когда мне действительно пришлось уезжать, осознала вполне, как взрослая женщина, что не увижу матушку первые полгода. Она всегда ведь рядом была, в соседней комнате, а сейчас уже рядом никогда не будет. Возможно, теперь смогу навестить матушку, будучи замужней, и показать своих внуков с разрешения мужа и отца.

«Мамочка, мамочка, мамочка...» – повторяла шёпотом и ревела. Ревела как дитя. Как дочь, которая не может помочь совершенно ничем, и даже боится приходить днями в комнату матери.

Ну что же я за дочь! Господи, не оставляй мамочку одну, не оставляй!

Успокоилась и постояла на балконе ещё пару минут. На дворе осень, а я выскочила на балкон в ночном платье. Так можно и внезапно заболеть.

Потом просто смотрела на сад, тёмный красивый сад. Царила тишина, звёзд на небе было мало, наверное, облака прогоняли по небу свои толстые животы.

Зашла в комнату, нянечки ещё собирали мои вещи, а подарки уже висели у каждой на шее, это потешило моё эго.

– Миледи, Розы нет, – сообщила Марго.

– А, Розы... Ей нездоровится, – ответила я.

– С ней всё хорошо? – спросили нянечки.

– Да, просто мигрень, – выдумала на ходу и прилегла на постель. – Почему так долго? – спросила нянечек.

– Осталось последние платья упаковать, миледи, – ответила Марго.

– Мы сейчас закончим, не будем вам мешать, а то завтра рано вставать, – сказала Бриджит.

Я уже закрыла глаза, и слышала, как ворчит шёпотом Софи, она ревновала меня к Розы.

– Софи, ты можешь не ворчать, – обратилась к ней, лёжа с закрытыми глазами, – я хочу спать.

– Хорошо... миледи, – ответила Софи недовольно.

Меня раздражала Софи, слишком уж она была эмоциональной, если бы я прожила в усадьбе ещё год, то попросила бы отца выгнать её. Наглость для неё не выльется во что-то хорошее. Её ревность начинала нервировать.

– Всё! – громко и радостно сказала Марго.

– Марго, зачем так громко! – спросила её.

– Ой, миледи, простите... Мы закончили, – ответила Марго.

– Доброй ночи, не будем вам мешать, – сказала Бриджит.

– Доброй ночи, – ответила нянечкам, Софи ушла молча. Я залезла под одеяло.

До полуночи оставалось полчаса, я решила немного полежать с закрытыми глазами и не заметила, как заснула. А проснулась из-за Розы, она меня разбудила, потому что принесла маленький пузырёк с кровью петуха. Я взяла его и положила к себе в шкатулку, рядом с комодом.

– Спасибо, – сказала я Розы. Она обняла меня и пожелала счастливого пути.

– Не спеши прощаться, ещё завтра утром увидимся, – сказала я Розы.

- Доброй ночи, миледи, - простилась Роза, а я уже закрыла глаза, и не было сил ответить ей.

После своих слёз немного успокоилась, выплакавшись, оттого сразу заснула.

7. Двадцать четыре часа до замужества

Стук в дверь... И чувствую, что на кровати уже кто-то сидит и шепчет мне на ухо:

– Миледи, вставайте, уже пора, – это был радостный голос Розы, под такой надо всегда вставать с хорошим настроением.

А встаю я обычно очень тяжело, потому что не высыпаюсь. Вроде стараюсь лечь не так поздно, но вставать рано всегда приходится с трудом. Моё сознание было увлечено сном, но то был какой-то дурной сон. Я не верю в приметы, не верю во все эти штучки, в которые верит моя матушка. Даже, возможно, у меня есть магический потенциал, но не хочу иметь с этим ничего общего, с миром, который неизвестен большинству живых людей.

Приснился молодой парень моего возраста, он проявлял ко мне чувства, а я проявляла в ответ, дарил цветы. Будто я была в другой жизни, в другой реальности. Парень позвал купаться к водопаду, мы были в воде, он протянул руку, чтобы я последовала за ним, я так и сделала, его обнимая. Он приблизился и коснулся губами, опустив под воду, я закрыла глаза, и мы стали целоваться. Вначале это было очень нежно, но не хватало воздуха, и надо было вынырнуть, чтобы вдохнуть глоток. Попыталась вырваться, но он не давал и крепко держал под водой, продолжая целовать. Если не отпустит, то утопит. Я уже переставала шевелить губами и пыталась вырваться из объятий, и тут Розы опять спасла, только теперь во сне. Я открыла глаза, когда услышала её шёпот.

– Это же просто обыкновенный сон, я не придаю значения тому, во что не верю. Эту фразу надо почаще повторять.

Я собранная, переживания убаюкивают мой пыл, но только стоит отвлечься, становлюсь такой же, как всегда – ветреной, как юла, только повод дать повеселиться.

– Ты такая довольная, – обратилась я к Розы, – радуешься, что уезжаю? – прищурившись, её спросила.

– Миледи, нет! – громко сказала она, – я за вас радуюсь! За вашу личную жизнь!

– Мне очень приятно, что ты так говоришь, – ответила, – не забывайте меня. Иди сюда, – обратилась я, раскрыв руки для объятий.

Розы обняла, мы сидели на кровати. Раздался ещё стук.

– Миледи, разрешите, – зашли Марго, Бриджит и Софи.

– Идите, сюда тоже, – сказала я им, они довольные прыгнули на кровать, опять обнялись все вместе.

– Миледи, мы вас так любим, – сказала Марго.

– Мы будем скучать, – сказала Бриджит.

– Я тоже буду скучать. Ну, всё, пора... Надо одеваться, – прервала нашу идиллию.

Нянечки встали, Марго взяла приготовленное платье из шкафа. Бриджит вместе с Марго начали меня одевать: платье было тёмно-синего цвета, подол украшали большие золотые расписные узоры в виде цветов. Затягивая корсет плотнее, декольте на сантиметр было припущено, обнажая верхнюю часть груди, она как бы выпадала из платья, что придавало определенному рода пикантность образу. Софи расчёсывала мне волосы, а Розы из буфета доставала заколки, которые украсят причёску на этот раз.

– Миледи, вы опоздаете на завтрак, – сообщила Марго.

– Софи, поторопись, – обратилась я, Софи не понравился мой тон, и исподтишка стала делать медленнее. Понимая это, я не хотела портить себе настроение перед поездкой и ругаться с Софи. Нянечки, видя происходящее, притихли.

– Розы, давай помогай, – позвала я Розы, которая искала украшения.

- Да, миледи, - сказала она, достав золотую тесёмку.

- Софи, отдай гребень Розе, ты сегодня лучше отдохни, - лицо Софи было сердитым, она передала гребень Розе и направилась к выходу.

- Софи, я тебя не отпускала! - покричала ей вслед, Софи остановилась, стоя спиной.

- Софи, повернись! - развернувшись, она смотрела в пол. Я хотела кричать, но сдержала себя.

- Сядь с Марго, - приказала, Софи присела на софу.

- Розе, продолжай, - Розе подбежала ко мне, доплетая причёску, с которой не справилась Софи.

Нянечки переглядывались друг с другом осуждающим взглядом, тем самым недовольно реагируя на действия Софи.

- Готово, миледи, - сообщила Розе.

- Ступайте, я спущусь минут через пять, пускай кучер отнесёт багаж в карету, - сказала нянечкам.

- Хорошо, миледи, - ответила Марго, нянечки ушли, кланяясь поочередно.

Волосы были завиты локонами, прядь сбоку заплетена тонкой косичкой с золотой тесёмкой. Я ещё находилась в комнате, хотелось попрощаться с ней. Присела за стол, на ум пришла пара строчек, которые стоило записать в дневник.

Гоню все мысли от себя, Гоню плохие мысли, Но даже если и судьба?! Меня не испугать, Я буду гнать их до конца.

Взяла с собой дневник, чернила, перо и шкатулку, в которой находился пузырёк с кровью петуха, положила всё в небольшой сундучок. Взяв его с собой, прошла ещё раз по любимой комнате, запоминая её, и прошла вниз. Спускаясь по лестнице, увидела кучера и рядом нянечек, которые о чём-то беседовали.

- Положите это в кабину со мной, - передала сундучок кучеру, направившись на завтрак в трапезный зал. Отец уже сидел и ждал меня.

- Что ты надела? - недовольно спросил отец, и внезапно встал комком в горле, страх пробежал дрожью по коже.

«Неужели он узнал о моих встречах с конюхом!» - подумала про себя и хотела провалиться сквозь пол, на котором держались мои милые ножки.

- Это платье? - спросил он нервничая.

- Платье, - ответила я, не понимая, но через секунду до меня дошло, что речь пойдёт о платье, и расслабилась, будто после облегчения, которое я сдерживала целый день, и повторила ещё раз ответ, - да, это платье, - потом посмотрела на своё декольте.

- Накинь наверх что-нибудь, а то уже опаздываем. Позорить ещё будешь! - грубо сказал отец, у меня испортилось настроение.

«Да что же это такое! Всегда что-то не так!» - подумала про себя.

Чуть погодя зашёл кардинал.

- О, кардинал! Как вам спалось? - отец, спрашивая о самочувствии, поменялся в лице, и уже улыбка была на его устах.

- Спалось хорошо, проголодался только, - ответил кардинал, садясь за стол.

На столе уже было подано всё вкусное для нашего удовольствия, мы лакомились свежими ломтиками овощей с сыром и отведали манный тыквенный суп.

- Доброе утро, кардинал, - сказала я.

- Миледи, - и обратив внимание на моё декольте, продолжил, - какое изумительное платье.

- Благодарю, - с улыбкой на губах обратилась я к нему, отец повёл бровью и сделал вид, что не слышал нас. Мы приступили к трапезе.

- Сегодня будет ясно, - сказал кардинал.

- Да, соглашусь. День в пути, - ответил отец.

- А вы, миледи? - обратился ко мне кардинал.

- Да, кардинал? - произнесла, отрываясь от трапезы.

- Вы всегда так прелестно выглядите?! - улыбаясь, смутил кардинал.

- Вы смотрели на часы? - ввязался в разговор отец, возмущённый тем, что кардинал пытался заигрывать со мной. Я же, покраснев, опустила глаза в пол, мне не хотелось отвечать на взгляд кардинала.

Это же кардинал, он мне как отец, только святой отец, в голове просто не укладывалось: это просто превратно и отвратительно.

- Уже время? - ответил кардинал, глядя на отца высокомерно.

- Уже пора, - настойчиво ответил отец. Меня охватили непонятные чувства, стало жутко и тревожно: не хотела больше находиться за столом, вытерев рот салфеткой, встала.

- Извините меня, забыла ещё одну необходимую вещь взять, - сказала, кланяясь кардиналу и отцу.

Выйдя из трапезного зала, выдохнула полной грудью, был неприятен взгляд старого кардинала на мой бюст.

«Отъел свои щёки на казну Святой Церкви, надел красную мантию и теперь думает, что ему всё дозволено. Мерзость!» - говорила себе.

Выходя, увидела Розы и велела ей принести накидку. Розы быстро подсуежилась.

Села в карету со своим сундучком и накидкой в руках, ожидая отца и кардинала, кучер уже был готов отправляться в путь. Через пару минут ко мне присоединились отец и кардинал и сели напротив. Карета тронулась, и мы поехали, я махала рукой нянечкам, которые провожали во дворе.

- Удачи, миледи! Счастливого пути! - доносилось из усадьбы.

Я смотрела на родной дом, мою любимую усадьбу с такой глубиной и серьезностью души, что увлажнились глаза.

«Ещё и матушка... Жалко, что она не может в этот момент быть со мной и поддержать свою единственную дочь. Мне так этого не хватает!

Не хватало материнских объятий и слов. Не хватало фразы от матушки, что всё будет хорошо, поддержки. За всё детство и когда её не стало рядом, за все юные годы пустоты, которую нельзя было заполнить никакой любовью, даже мужской, а только любовью матери. Можно, конечно, отвлечься на другую любовь, и в моём случае так и поступаю. С одной стороны, очень трудно и тяжело находиться в одной усадьбе с матушкой, с которой нельзя поговорить и нельзя помочь, а понимать, что с годами ей становится только хуже - угнетает и по сей день. Сердце обливается кровью, видя её в таком состоянии. Хочется протянуть руку, вызволить из этой болезни и печали. Но я не в силах помочь. Легко, но и непросто понять, что это неподвластно нам.

Может, я эгоистка, что вспоминаю об этом только тогда, когда появляются серьезные моменты в жизни. Но факт, что они появляются, и я осознаю, что у меня не всё так хорошо, как хотелось бы. Или я так думаю. Уф, запуталась!

Ты сейчас должна сидеть рядом в карете, и мы должны ехать в Ватикан, но тебя нет рядом, нет тебя, и никогда не будет. Маменька, надежда на твоё выздоровление никогда не гасла, её, может быть, и не было. Не знаю...

И эта грусть прошла со мной через годы, тоска по тебе... Ты вроде есть, но тебя и нет, это выводит из состояния равновесия. Переменчивое настроение... Всё, что происходит со мной, теперь воспринимаю острее, чем раньше. Может, я плохая дочь? Надо гнать эти мысли, долой!» – мысли бродили беспорядочно, глаза стали красными, и сдерживала себя, чтобы не разреветься на виду у всех.

Отвлеклась, перекинув взгляд на отца, который дремал сидя, и на кардинала, который пиялся на мою грудь. У меня это вызвало недовольство, я надела накидку, прикрывшись.

«Кто знал, что кардинал окажется извращенцем, я же совсем юна! Может, у них все такие глупцы?! То Его Святейшеству подавай голые ягодички невинной девицы, в этом случае якобы меня, то теперь этот кардинал, у которого всю дорогу текут слюнки. Это же просто такое платье, и всё! Может, кризис среднего возраста у кардинала? Это ответ?» – подумала про себя.

Я пыталась заснуть, ехала с закрытыми глазами, не хотела видеть, сидящего передо мной старого извращенца-кардинала. Передо мной появлялись всякие разные картинки, но направила мысли на Франческо, стало спокойней, и заснула.

К полудню мы заехали в деревню, чтобы напоить лошадей и перекусить.

Уже смеркалось, молчали всю дорогу: отец спал, я тоже временами просыпалась и видела отвратительную толстую рожу отъевшегося кардинала, который смотрел на меня, потом опять закрывала. Шестнадцать часов пути, и мы будем в Ватикане. Очень хотела увидеть Франческо, страх перед консуммацией брака, страх, что опозорю себя и семью, сдерживал мои эмоции, и было в тягость улыбаться. Но если велено, я не могу противиться уготованной участи, если отец сказал выйти замуж, хоть и со слезами на глазах у алтаря, мне придётся выйти замуж. Я – женщина, права голоса мне никто не давал, даже отец не будет слушать в случае провала с брачной церемонией. Он откажется от меня и оставит в какой-нибудь деревушке.

Пульс слабо прощупывался, я переволновалась. Оказалось, что упала в обморок, остановившись в одном из французских городов, когда садилась в карету после обеда, очнулась уже в ней. Приоткрыв глаза, увидела кардинала и очень сильно испугалась, побоялась, что причинит мне боль.

– Тихо, дитя, – сказал мне кардинал, заканчивая читать молитву, перекрестив.

– ...Во имя отца, духа святого, аминь, – говорил кардинал.

– Ты меня испугала, – сказал отец, сидевший напротив, прощупывая пульс.

– Я просто переволновалась, – призналась, понимая, что упала в обморок, – мне стало дурно.

– Как сейчас самочувствие? – спросил отец.

– Благодарю, всё в порядке.

– Поехали, – выглянул из окна кареты отец, обращаясь к кучеру.

Карета тронулась, наш путь был уже не так далек. Я сидела молча, отец с кардиналом завели диалог, но я их не слушала. Настроение не радовало, и слушать их разговор не хотела.

Думала о том, что моим свидетелем будет отец, так как никого не будет из нашего рода в Ватикане. Это такой стыд... Но должна гнать эти мысли. Я люблю Франческо, и должна думать только о нём. В тот предстоящий момент, когда буду с ним, хоть меня и будут лицезреть те, кого видеть я не захочу.

Как мне успокоить свою душу, как её мне успокоить! Я не хочу мучить себя, Франческо!

Я надеюсь на помощь своего будущего мужа. И должна верить, что в его объятиях не буду чувствовать своё бесстыдство, бесчестие, что никто не узнает о нашей связи с ним до венчания, что это будет всё лишь дуновение зависти нашему общему счастью.

8. Двенадцать часов до свадебной церемонии

Виднелись громадные колонны – пересекли Тибр и въехали через большие столпища камней. Это Ватикан... Да, это Ватикан, убеждалась в этом, глядя на открытые ворота.

Было уже темно, и мы направлялись в дом кардинала, где должен был встретить Франческо. Поместье Франческо было далече, поэтому кардинал принял нас в своём доме радушно, как званых гостей.

Увидеть Франческо! Я очень соскучилась, расстояние ещё больше усилило мои чувства к нему. Было тихо, людей почти нет на улицах города, мы подъехали к красивому большому поместью.

«Здесь живёт кардинал?» – промелькнула мысль.

Это был роскошный дом, внутри которого, глядя вверх, можно было бы приоткрыть уста, наслаждаясь шедеврами художественной росписи. Потолки были украшены словами из молитв, распылённых золотом. Мебель из кожи бурого цвета.

Нас никто не встречал, кучер сам взял наши вещи. Франческо сидел на диване с бокалом красного вина, мне стало немного неловко при виде его, казалось, что не видела очень давно. Франческо заметил нас, обрадовался, встал и подошёл.

– Милости просим, герцог... Миледи, – кланяясь отцу, жестом попросил мою руку для нежного поцелуя.

– Франческо, дорогой, я так вымотался с дороги, – сообщил ему кардинал, зовя пальцем слугу. Тот тут же подбежал к кардиналу и шёпотом ему что-то сказал, я не расслышала. Слуга вышел из комнаты и через минуту уже нёс графин вина и бокалы для моего отца и самого кардинала, присевших рядом. А мы с Франческо присели на диван.

– Франческо, мне надо тебе кое-что рассказать, – шёпотом обратилась к возлюбленному.

– Ну что, Франческо... Готовься... Завтра, – перебил кардинал.

– Мы готовы, – сказал он, улыбаясь и глядя на меня.

– А ты в курсе?

– В курсе чего? Церемонии? – спросил Франческо.

– Церемонии брачной ночи со свидетелями, – сказал кардинал, выпивая глоток вина. Франческо впал в небольшое недоумение, и ему явно это было неизвестно, он странно посмотрел на кардинала.

– Нет, я только сейчас об этом узнаю. Мне ничего не сообщали, – сказал Франческо.

– Я был во Франции на приёме у короля, гонец прибыл и доставил дополнительно письмо от Его Святейшества, – ответил кардинал.

Франческо эта новость явно была не по душе, и я знаю, почему. Он задумался.

– С вашего позволения, я пойду отдыхать, устал очень с дороги. Вы ужинать будете? Я, право, не смогу, – спросил у нас кардинал.

– Я бы перекусил, – ответил отец.

– Франческо, составь компанию герцогу. Миледи? – попросил кардинал.

– Простите, но я тоже устала, пойду отдыхать. Уже поздно, – ответила ему.

– Тогда прошу меня извинить, проходите в трапезный зал, вам подадут ужин, – сказал кардинал, тяжело вставая с дивана; он подымался наверх по лестнице, скрипящей под тучным телом.

Дом был двухэтажный, кардинал себе ни в чём не отказывал, жил как граф, видимо,

жены у него не было. Но меня это не волновало ни капли, я думала о завтрашнем дне.

– Я покажу твои покои, – решил проводить меня Франческо. – Герцог, я скоро присоединюсь к трапезе.

– Хорошо, – согласился отец.

Мы поднялись наверх, отец остался с бокалом вина на софе.

Моя комната была третья по правой стороне, вещи уже были внутри. Комната была просторной, большой подсвечник стоял возле кровати, где горели свечи.

– Идём, присядем здесь, – пригласил Франческо, указывая рукой на кровать.

Мы, слегка прикасаясь телами, смотрели друг на друга, он прикоснулся к моей щеке, поцеловались.

– Как я по тебе скучала, Франческо, – призналась я.

– Милая, я тоже, – ответил он. – Как нам завтра быть? – внезапно спросил, продолжая целовать в губы.

– Я придумала.

– М-м... Рассказывай.

– Когда начнётся процесс?

– Процесс? – заулыбался Франческо, – такой процесс? – шутил он и заодно развязывал мне корсет.

– Да, – засмеялась в ответ, продолжая его целовать, – я спрячу у себя бутылёк с кровью, а когда будешь снимать мою ночную рубашку, аккуратно прольёшь его на нашу простынь.

– Какой хороший план, мне это нравится... Тогда проведём репетицию, – сказал Франческо, целуя мне грудь.

Мы с ним согрешили второй раз, разделяя обласканное ложе. Я так соскучилась по его поцелуям, душа словно купалась в зефире, когда была с ним. Потом Франческо ушёл к отцу, а я легла спать.

9. Невеста

Меня разбудила служанка. Я была ещё сонной, но в предвкушении сегодняшнего дня встала ранним утром. Служанка уже приготовила ванну, я сидела и отмокала в горячей воде, она же разбирала мои вещи и распаковывала венчальное платье из сундука. Я наблюдала за ней в тишине.

– Как тебя зовут? – спросила.

– Оливия, миледи, – ответила служанка, она была совсем юна, цвет волос был таким же, как у меня. Случайно увидела на её шее тёмные рубцы.

Неужели это дело рук кардинала? Не знаю, почему так подумала о кардинале, может, потому что он мне не нравился. Но действительно хозяин в этом доме только один – кардинал.

– А что это у тебя за тёмные пятна? – спросила я, служанка уже находилась возле меня с мочалкой.

– Это просто я упала неудачно, миледи, – ответила она, смотря в пол.

– И это как же ты так упала? Может, тебя ударили?

– Нет, миледи. Это случайность.

– Оливия, скажи мне правду, – потребовала, вцепившись в её руку.

– Мне нельзя говорить, – сказала она, напугавшись.

– Я не скажу ни одной живой душе, Оливия, обещаю, – сказала я, она замолчала. – Кто это сделал с тобой? – мне стало не по себе, немного стянула её кофту с горловины – тёмный рубец продолжался, и на это было неприятно смотреть.

– Это мой хозяин, – сказала она, взгляд её так же смотрел в пол.

– Кардинал? – с удивлением спросила.

– Да, миледи, – сказала она, отходя подальше.

«Да... Видно её совсем запугали, – подумала я про себя. – Кардинал? Как такое возможно? Служитель Бога, миротворца нашего. Неужели это всё притворство?! Бедная девочка!»

Домыв меня, Оливия вытерла досуха, обернув в длинное сухое полотенце, и я села на кровать. Возникла идея, скорее всего, идея использованная недавно. Я стала рыскать по своим сундукам, взяла рубиновые серьги и отдала ей.

– Никому не показывай, продай эти серьги, получишь дукаты, сможешь уехать отсюда подальше. Это всё, чем я могу тебе помочь, – мне стало жалко её.

«Если ты женщина, разве можно так обращаться, будто женщина – скотина, это ведь тоже человек», – думала про себя, глядя на неё.

Оливия обрадовалась.

– Спасибо, миледи. Вы так добры, – сказала она, покраснев.

– Спрячь это подальше, – посоветовала и улыбнулась, смотря, как она прятала мой подарок в корсет.

Потом она расчёсывала мне волосы, мы молчали. Я думала, о предстоящем свадебном обряде, о Франческо, но о свадебном обряде больше, ведь там будет мой отец.

«Не хочу, чтобы он был там и смотрел на меня с Франческо, не хочу. Ох уж этот мерзкий старый кардинал! Жаль, что я не могу об этом рассуждать вслух. Нашёл же отец себе друга!» – рассуждала мысленно.

- Миледи, вам пора позавтракать, - сказала Оливия.

- Ты уже всё сделала? - спросила я.

- Да, миледи, - Оливия поклонилась.

Я встала с кровати и подошла к зеркалу, Оливия расчесала мои густые светлые волосы, их красота всегда всех обольщала. Прилежно по бокам заколов заколки в виде жар-птицы золотистого цвета, которые напомнили, что пора прощаться с девичьей жизнью: скоро стану женой, женщиной, матерью.

- Миледи я вам приготовила это платье для завтрака, - я обернулась, Оливия держала моё платье салатного цвета с красивыми вшитыми в корсет цветами золотистого цвета. Это было одно из самых любимых платьев. Я очень любила цветы, поэтому портнихи постоянно расшивали их на моих платьях.

- Чудно, - заулыбалась я, - давай одеваться.

Оливия натянула на меня платье и своими маленькими ручками зашнуровывала корсет, затягивая его. И вот я готова.

- Оливия, отвернись на минуту, - сказала я, и Оливия выполнила мою просьбу без колебаний. Тем временем я взяла из сундучка пузырёк с кровью и положила себе около бюста, чтобы никто не увидел.

- Можешь поворачиваться, - разрешила.

- Вы, миледи, как белая лилия, такая красивая!

- Да, мне уже кто-то такое говорил, - я улынулась в ответ и вспомнила о своих нянечках.

- Я к вам приду после завтрака, миледи, - сообщила Оливия.

- Хорошо, можешь идти, - ответила я, разглядывая себя в зеркале и улыбаясь.

Спустилась на завтрак в трапезный зал. За столом были только отец и кардинал, я присела, приветствуя их.

- А Франческо присоединится? - поинтересовалась.

- Миледи, разве он вам не сказал? Он рано позавтракал и уже уехал. Хлопоты по венчанию... - сообщил кардинал.

Я промолчала, и улыбка исчезла с лица, потому что не была осведомлена.

Франческо ничего вчера не сказал, наверно не успел. Кардинал благословил еду, и мы начали трапезу. С утра подали суп из цыплят, сдобу и вино.

«Сколько можно пить!» - думала я про себя, глядя на кардинала и отца.

- За твоё счастье, дочь! - сказал восторженно отец, и они подняли бокалы.

После трапезы поднялась наверх надевать подвенечное платье. Оно уже лежало на кровати. Красивое, белоснежное... Я просто парила в облаках от счастья.

Оливия осторожно сняла платье салатного цвета, в котором я была, оставила в сорочке, а бутылёк располагался в укромном месте. Потом я села на кровать и передохнула немного, пока завтрак переваривался. Раннее прохладное утро, в моей душе трепет.

Сразу же после венчания мы поедем к Франческо, а отец уже соскучился по своей любовнице и сообщил, что утром возвращается обратно во Францию, а я остаюсь в Ватикане.

- Миледи, вы готовы? - спросила Оливия, глядя на моё платье.

- Да, - я встала с кровати. Оливия взяла платье, за которым тянулся большой шлейф, и

подошла.

- Нам будут нужны помощники, - сказала я, - у вас ещё слуги есть?

- Только я и Антонио, и ещё две кухарки.

- Да, не густо, - сказала я, - а служанок вообще нет?

- Нет, только я, - ответила Оливия.

- Придётся всем поместьем помогать.

- Миледи, я одна справлюсь, - сказала Оливия.

- Справишься? Платье только не испортить.

- Не испорчу, миледи, - ответила Оливия и начала надевать платье. Минут десять она затягивала корсет, спина даже затекла. Я ждала, когда она закончит свою работу.

Последним штрихом была белая вуаль, которая прикрыла лицо. Оливия держала шлейф, я медленно спускалась вниз, говоря ей о том, чтобы она положила мой сундучок, оставшийся в покоях и в котором лежал мой дневник с чернилами и пером, в большой сундучок с платьями.

10. Венчание

Я ехала в карете в Святую Церковь, впереди мчались всадники с нашими флагами, флагами Франции. Сердце билось всё сильнее и быстрее, рядом со мной ехали отец с кардиналом. Я уже не обращала внимания на кардинала, мои мысли были наполнены тревогой, но это была нежная тревога с приятным волнением о грядущем.

Шлейф так и тянулся на пять футов. Цельнокроеная туника была украшена вышивкой по рукавам и горловине. пышная юбка имела много складок и драпировок, что придавало платью несравненное изящество. Бархат и шёлк переплетались на груди, а золотая тесьма была вшита на боку с обеих сторон платья. Мои белокурые локоны свисали до пояса.

Нас ожидали слуги, выстроенные в колонну, которые помогли мне выйти из кареты. Несколько слуг, взяв шлейф платья, шли за мной. Колоссальная роза над входом, вся составленная из разноцветных стекол, надолго приковала внимание. Невольно задумываешься, невольно углубляешься в себя. Каменные изображения святых при входе, окружённые каменными кружевами и цветами, как будто оживились при блеске солнца в присутствии такого живого собрания и милостиво смотрели на нас. Мы вошли в этот небесный дворец: по обеим сторонам зала стояли кардиналы, все на одно лицо. Это, наверное, обман зрения из-за их красных мантий и красных шапок с большими золотыми крестами на груди, а на пальцах – красивые перстни из золота, рубин сверкал от солнечного света. Отец взял меня под руку.

Взор остановился на высоком алтаре в углублении апсиды и на роскошной проповеднической кафедре, украшенной скульптурными изображениями и высоким навесом. Я заметила изваяния под верхними громадными окнами, окаймляющими дивным кружевом весь средний неф. Только сейчас я начинала разглядывать разноцветные изображения на стёклах по обеим сторонам церкви. Прямо перед нами сидел на пьедестале Папа Римский, высокая шапка с крестом красовалась у него на голове. Он был уже в годах, но вполне обаятельным мужчиной. Чуть ниже стоял мой Франческо. Он был так красив! Кудри будто ещё гуще стали завиваться, он смотрел на меня, а я на него. Справа стоящий от Его Святейшества кардинал представил нас:

– Ваше Святейшество, перед вами герцог Жозеф Орлеанский и его дочь, герцогиня Эмма Орлеанская, – громко произнёс неизвестный мне кардинал, он был худощавого телосложения приятной внешности, но весьма молод. Как и у моего Франческо, его тоже украшали кудри. Приглядевшись, узнала. Это же Чезаре Борджиа, сын Его Святейшества Папы Римского Александра VI.

Звуки органа гремели над нами, наполняя собой церковь. Мы сделали большой поклон Его Святейшеству и пошли медленно. Все на меня смотрели и переговаривались шепотом. А я смотрела только на Франческо, очень волновалась, и лишь его взгляд меня спасал от волнения и робости. И вот уже прошли через весь зал: большие купола, очень высокий потолок, красивые расписные узоры, мрамор, золото, различные глиняные изделия украшали стены. Чувства и мысли возвышались от божественной красоты и царящей вокруг ауры. Только спустя какое-то время я начинала осматриваться, вглядываясь в отдельные части грандиозного находящегося внутри божества.

Ряды опор, разделяющие нефы, были сделаны в виде аркад на колоннах, пролёты между ними имели плоские перекрытия по деревянным балкам. Массивность, тяжеловесность, толщина стен, которая подчёркивалась узкими проёмами окон, придавали облику церкви величественность. Казалось, что Господь, которого пытается представить себе наша ограниченная природа, обитал на самом деле под этими сводами и нисходил здесь когда-то до непосредственного общения со смиренными христианами, преклоняющимися перед ним.

Отец отпустил мою руку и отошёл в сторону. И вот мы стоим с Франческо перед Его Святейшеством Папой Римским Александром VI. Руки дрожат, но как только Франческо дотрагивается кончиками пальцев до моих, волнение растворяется. Франческо поднял фату и открыл мне лицо, мы преклонились на колени. Музыка остановилась. Папа Римский смотрит на нас и произносит церемониальную молитву.

«Так вот какой он, великий Папа Римский... Он словно пророк, великий и богатый

властитель. На нём красивая белая мантия, складная речь, тембр голоса – приятный и величественный. Ощущается, будто мы смотрим на него как на Бога, всемогущего и властного, несокрушимого. Все слухи, которые ходили вокруг – лживые помыслы. Он был чист, словно ангел, наш прародитель, тот, за которым все пойдут. Складывалось представление о нём как о незаурядном человеке: он знал своё дело как великий оратор и благодетель, бальзам для упокоения наших душ. Он спаситель», – думала про себя и смотрела на него, раскрыв свои большие глаза, словно ничего подобного и величественного больше в этом мире не увижу. Пусть он просто человек, но как преподносит, что на ступень выше людей! Будто мы только тянемся к нему, пытаюсь постичь ту истину, что в нас заложена, найти ответы на вопросы, которые знает только Папа. И благодаря ему мы верим, что можем её достичь.

Папа Римский произнёс речь, окрестив нас, мы поцеловали его перстень. Затем встали, и кардинал де Равуа, тот самый друг моего отца, поднёс нам кольца. Обменялись кольцами, и рядом стоящий кардинал, у которого были такие же кудряшки, как и у моего Франческо, сын Папы Римского, прочитал папирус от Его Святейшества Папы.

– «Пусть ваш крепкий союз будет таким же прочным, как и союз между нашими странами Францией и Ватиканом – пауза, – можете теперь поцеловаться», – все в зале улыбнулись.

Мы повернулись друг к другу, Франческо поцеловал меня в губы. Чезаре Борджиа вручил ему папирус о законном бракосочетании, о дружельюбном соглашении и плотном сотрудничестве между нашими странами.

– Долгой счастливой семейной жизни, дети мои, – сказал Папа Римский, мы сделали ему большой поклон. И снова запел орган. Папа Римский позвал кардинала де Равуа, который нас сопровождал, и что-то ему прошептал, мы тем временем ждали дальнейших указаний.

– Я тебя люблю, – прошептала я Франческо, он улыбнулся и поцеловал меня ещё раз. Кардинал, с которым мы приехали, сказал:

– Пройдемте за мной, – мы втроём, я Франческо и отец, идущий за нами, пошли за кардиналом. Выходя из зала, кардинал сообщил следующее:

– Его Святейшество сегодня очень занят и он не сможет присутствовать на вашей консумации брака. Он поручил присутствовать мне от его имени, и вы, герцог, конечно. Церемония пройдет сегодня же, всё необходимое подготовим у меня в поместье.

Я немного обрадовалась, что Его Святейшества не будет: хотя кардинал де Равуа меня не очень радовал, но Папа Римский – это было бы уже слишком.

Я держала Франческо за руку, мне хотелось побыть с ним наедине, я была так счастлива! Это был мой самый счастливый день, и, конечно же, этот день ожидает каждую девушку в этой жизни. Стать женой, быть с любимым мужчиной, подарить ему детей.

Мы медленно выходили из зала, моё платье не позволяло быстрые движения. Дойдя до кареты, усадили последней вместе с моим длинным шлейфом. И поехали обратно в поместье к кардиналу.

Впереди поскакал гонец, дать распоряжение слугам кардинала о хлопотах по предстоящей церемонии консумации брака. Консумация при свидетелях подразумевала не только нашу брачную ответственность перед нашими семьями, но и дальнейшее сотрудничество между нашими странами.

Для церемонии плотских брачных уз выбрали комнату, где остановился Франческо, она по размерам была больше моей, вполне уютной и светлой, капрон прикрепили на входе. Простыни были шелковые, белые, в комнате имелось зеркало, комод, две софы. За стеной есть ещё проход, там можно было уединиться и принять ванну. Нас встречали слуги, Оливия тоже там была. Мне стало грустно без своих нянечек, особо родственников у меня не было, да и общаться с тётушкой и кузинами особо и не хотелось... Стоило только вспомнить...

Подъезжая к поместью, я увидела, как к подъезжающей карете выходит тётушка.

– Тётушка? – вопросительно сказала вслух.

– Забыл сказать совсем, это сюрприз для тебя, – ответил отец.

«Чёрт, я не хотела, чтобы они были на моём венчании! Если ещё и кузины приехали, то они к концу дня окончательно испортят настроение. Но я с Франческо, значит, всё будет в порядке!» – думала про себя, а в душе начали скрестить кошки – ну, не нравятся они мне, не нравятся!

Я вышла из кареты, слуги, подбегая, помогали со шлейфом платья.

– Дорогая Эмма! Поздравляю тебя! – подбежала тётушка, обнимая.

– Спасибо, – ответила я с улыбкой.

– Ну-ка, дай-ка посмотреть на жениха, – сказала она, Франческо тем временем выходил из кареты, она подбежала и к нему обниматься.

– Мадам, – не успев и поклон сделать, Франческо уже находился в объятиях.

– Одобряю, одобряю... – сказала она, рассматривая его с ног до головы.

Мне, правда, было стыдно за свою тётушку, Франческо поглядывал на меня, не понимая, кто же эта женщина.

– Тётя, – сказала ей как замечание.

– Ах, прошу прощения. Графиня Мария де Вероз, родная тётушка Эммы, – представилась она, сделав поклон.

– Франческо... – наклоняясь к тёте, сказал он, не договорив, но та подхватила его на поклоне, жестами показывая, что надо уже пройти в дом.

– Эмма, дорогая, теперь кузины приболели после моего выздоровления. Нам очень жаль, что они не смогли сегодня быть здесь, – сообщила тётушка.

На улице было прохладно, наступил же октябрь, ветер поддувал моё платье. Отец представил тётю кардиналу, и мы вошли внутрь поместья.

«Интересно будут ли ещё сюрпризы?» – думала про себя.

Франческо взял меня за руку, и мы как два влюблённых голубка направились по длинному проходу в поместье. Слуги семенили за нами. Кучер отогнал лошадей с каретой.

«Я счастлива как женщина! Как же я счастлива! О Боже, спасибо тебе за мужа! Спасибо тебе за любимого мужа! Я люблю Франческо! Да, может быть я просто слишком влюбчива, но ощущаю дрожь и трепет рядом с ним. Хочу довериться ему полностью, хочу быть с ним всегда, разделять всё, о чём он попросит.

Словно все эти долгие годы маленький светлый шарик находился во мне, он ждал чего-то и боялся, и вот наконец-то превратился в большой светящийся шар, освещающий внутри так ярко, что не вижу, кроме Франческо, никого. И этот шар будто несёт, а я плыву, я летаю, словно в животе порхают чьи-то крылья. Вот оно, счастье! Это не передать словами, это надо почувствовать, ощутить! Упоительные нежные чувства... Только бы это счастье длилось как можно дольше!»

Кардинал, конечно же, подготовился, в зале уже был накрыт длинный стол с белыми скатертями. Мы с Франческо сели рядом за стол по центру; с моей стороны сел отец, со стороны Франческо сидел кардинал. Еды множество, запах необычайный, поэтому аппетит просыпался сам по себе: пироги с голубями, жареный гусь с маринованным луком в красном соусе, лосось с кресс-салатом, филе миньон с грибами, красное вино и ещё много соусов стояло по краям стола.

Гости расселись, я думала, что гостей как таковых не будет, но всё-таки они были, в

основном – друзья отца: графы, герцоги, пара кардиналов тоже присутствовала, наверно это были друзья де Равау. Он приподнялся, постучав ложкой по бокалу, все замолчали.

– Да благословит Всевышний этот брак! Герцог Орлеанский, я вам благодарен за приглашение, прошу вас, – сказал кардинал, обращаясь к отцу и сел на место.

– Господа, – вставая, начал отец, – сегодня я хочу поднять бокалы и выпить за здоровье моей дочери, за будущее прибавление в семействе. Спасибо всем, кто разделяет с нами эту радость! – все взяли бокалы и глотнули приятную горечь виноградной лозы. Мы с Франческо поцеловались. Только радость жила в моём сердце.

Потом мы танцевали с Франческо вольту, музыканты играли, все веселились. Для меня существовал только жених, мне хотелось ощутить тепло его тела на моём и никогда не отпускать. Хотелось почувствовать его крепкие руки на груди, а опьянённые и нежные поцелуи – на шее. Хотелось, чтобы мы стали единым целым, почувствовать его частичку в себе, соединить наши души и полностью отдаться любви.

Вечер прошёл быстро, а нас с Франческо ожидало испытание любви. Гости ещё веселились, мы же ушли. Оливия поднялась со мной в опочивальню. Я незаметно убрала в шкатулку бутылёк с кровью. Оливия сняла с меня платье, сделала омовения, надела платье ночное, сняла заколки и расчесала волосы. Потом смазала приятными эфирными маслами.

– Оставь меня, я сама подойду, – попросила её.

– Хорошо, миледи. Комната приготовлена, она будет третьей по счёту после вашей. В самом конце, – сообщила Оливия.

Я достала из шкатулки бутылёк и вновь спрятала на груди. Побаивалась, гнала мысли, что там будет отец. Набравшись мужества и посмотрев в зеркало, вышла. Перед входом в комнату стояло трое: отец, незваная тётя и кардинал; вход в комнату был занавешен капроном из гипюра. Отец с кардиналом сели за стол перед входом и начали играть в шахматы. Капрон отделял вход как дверь. Тётя прошла со мной, Франческо уже стоял возле кровати, ожидая. Я заволновалась. Тётя зашла за стену, где находилась ванна, именно она должна была показать простынь, чтобы все могли убедиться в моей невинности.

– Не бойся, смотри только на меня, – сказал Франческо, взяв за руки, я его послушалась. Он снял ночную рубаху, потом с меня – ночное платье, взяв пузырёк себе. Мы стали целоваться, его левая рука прикоснулась к моей груди, я глотала его сладкие губы, закрыв глаза, и я уже позабыла о том, что кто-то на нас смотрит. Он аккуратно положил меня на кровать, я ощущала, как прижались его большие плечи, возбуждаясь, трепетала, пока он целовал грудь. Ладонь прошлась по животу, оставляя лёгкую дрожь, рука устремилась к моему цветнику, а рядышком он пролил пузырек на постель, скинул его аккуратно с кровати на пол. Принялся целовать шею, и я покрылась дрожью, словно бутон открылась и почувствовала его в себе. Тело напряглось, я выгнула поясницу и снова была на седьмом небе, издавая писк. Отголоски моего забвения были слышны наблюдающим.

После писка тётюшка выбежала из-за двери, мы же были ещё нагими. Встали с постели, а она взяла простыню с якобы моей кровью и понесла кардиналу. Убедившись в моей невинности, все покинули комнату, и мы с Франческо остались вдвоём.

– Ещё раз? – прошептал Франческо, будто читал мои мысли, я улыбнулась в ответ. – Поворачивайся, – я, не задумываясь, послушалась.

Встала на четвереньки, он ударил по мягким и подтянутым ягодицам, и снова ощутила дрожь по своей коже.

Словно ручная собачка, я дёргалась из стороны в сторону, он был немного груб. Вначале стало слегка больно, я держала руки перед собой, чтобы не съезжать с кровати, но потом было приятно, и теперь были слышны не мои стоны, а стоны Франческо. Последний акт закончился одышкой и быстрым дыханием, потом Франческо второпях надел длинную рубаху. Я тоже, встав с кровати, натянула ночную рубаху и хотела его поцеловать на ночь, но он ушёл, не взглянув на меня, тем самым немного озадачив. Я забрала бутылёк

и тоже направилась в свою комнату.

Дело было сделано, теперь я могу жить с Франческо дальше спокойно. Зайдя к себе, услышала шаги, направляющиеся в сторону моей комнаты, открылась дверь.

«Неужели это мой любимый Франческо?» – подумала.

Затаила дыхание и была уверена, что это он, но то была Оливия, я ей точно не обрадовалась.

– Миледи, прошу прощения, вам нужна моя помощь? – спросила Оливия, наклонив голову вниз, будто это была она пристыжена перед отцом.

– Нет, иди спать, – сказала я, уже не так обходительно, как я говорила с ней раньше.

Настроение резко изменилось. Я надеялась, что сегодня ко мне придёт Франческо, что мы заснем с ним вместе, обнимаясь, и проснемся с первым лучом солнца, который проронит солнечные зайчики на наши лица. А проснувшись, первым делом увижу его, поцелую, и предадимся любовным утехам снова и снова. Но этого не будет, завтра рано утром уезжаем в поместье Франческо, в мой новый дом, который находился за городом. Знаю только, что оно в глуши, поместье вроде большое, завтра и поглядим.

Легла на кровать, накрылась шёлковыми простынями и закрыла глаза, нотки эйфории и воспоминания о ласках ещё щебетали в груди, засыпая, я вспоминала Франческо раз за разом. Всё прошло быстро, мои волнения исчезли, я не чувствовала стыда. Словно невинная девушка, которая выпачкала свою перину, я вошла в брак целомудренной. И эта ложь для моего отца лучше, чем горькая правда о том, что когда-то я была с конюхом и что отдалась своему будущему мужу при первом же знакомстве. Отец мне не простил бы таких поступков, и Франческо бы не простил, если узнал бы, что моим любовником был простой слуга, совсем не знатных кровей, без титула.

Где тогда была моя голова, но конюх был мне нужен, он стал утешением, моим первым наслаждением, первой влюблённостью, хоть и недолгой. Он спасал от плохих мыслей, от всего гнетущего, что сердце и душа напроорочили, от грусти и тоски по матери. Думаю, что с Франческо я совсем забуду о заботах. Меня ждёт новая жизнь, новые впечатления, новые ласки, забвение в любви, чтобы упиваться, как свежей лозой по вечерам.

1. Новый дом

Раннее утро, я ещё спала. Оливия разбудила, аккуратно стуча в дверь.

- Ваша светлость, пора просыпаться, – сказала Оливия.
- Да, – незамедлительно ответила, поднимая вверх руки и растянув их вдоль тела.
- Ваша светлость, вас уже ожидают на завтрак.
- А почему так рано?
- Ваша светлость, я к вам уже не первый раз стучусь.
- Чёрт, Оливия. Надо было зайти и разбудить, – сказала рассерженно, вставая с постели.
- Извините. Я как раз так и сделала, – тихо произнесла Оливия.
- Надо было раньше так сделать, – ответила я, – не стой, давай быстрее одеваться.
- Хорошо, ваша светлость.

Я присела на стул, Оливия смочила полотенце в кувшине с водой, стоящем недалеко от кровати, и сделала омовение лица. Потом принесла тёмно-синее платье.

- Это подарок от вашего мужа, – сообщила Оливия, внося платье.
- Цвет морской глубины, просто прелесть! – сказала я, покружившись с платьем. – Одевай скорее!

Оливия уже затягивала корсет. Заметила, что сегодня Оливия была без настроения, будто у неё что-то произошло, грусть жила в её глазах.

- А кто меня ожидает в трапезном зале? – спросила.
- Ваш муж и отец, ваша светлость, – ответила Оливия.
- А кардинал не проснулся ещё?
- Нет ещё, ваша светлость, – ответила Оливия, я усмехнулась.

«Меньше пить надо», – подумала про себя.

Оливия уже расчёсывала мне волосы, а я сидела напротив зеркала.

- Оставь так, нет времени, – сказала про причёску. Белые кудри просто свисали до пояса, Оливия тем временем взяла пудру и немного нанесла её на лицо.

- Я поеду в этом платье, – сообщила Оливии, встав со стула, и покрутилась вокруг зеркала, полюбовавшись ещё раз собой. Рукава платья были сделаны из гипюра, довольно спокойный насыщенный и глубокий цвет выделял белый цвет кожи.

Потом мы спустились вниз, Оливия проводила на завтрак в трапезный зал. Я не хотела видеть отца, хотелось просто побыть с Франческо. Было как-то неудобно видеть отца после вчерашнего.

Стыд, что ли, проснулся? Хотя постыдного ничего не было, просто он меня видел обнажённой, да и ладно. Но он видел мою интимную часть жизни?! Бр-р-р... Это противно, если бы я видела интимную часть жизни своих родителей, было бы неприятно.

Вошла в трапезный зал, отец с Франческо о чём-то разговаривали, я прервала их беседу, входя и садясь напротив Франческо возле отца.

- Доброе утро, отец... Доброе утро, мой муж, – улыбнулась.
- Ты прекрасно выглядишь, – сказал Франческо.

- Доброе утро, дорогая, - сказал отец.
- Отец, ты тоже уезжаешь? Уже так скоро, не передумал? - спросила.
- Да, надо домой... Дела... - ответил отец и продолжал есть луковый суп.
- Как спалось, жена? - спросил Франческо, я ответила на его улыбку:
- Хорошо, спасибо, - начав трапезу.
- Кардинал спустится позже, - сообщил Франческо.
- Да?! А я думал, он уже позавтракал, - сказал отец.

Как говорится, не вспоминай о том, кого не хочешь видеть, а то «выплывет». Вот и кардинал, тут как тут.

- О, доброе утро! - сказал отец входящему в трапезный зал кардиналу.
- Доброе утро, мы как раз вас вспоминали, - сказал Франческо.
- Доброе утро, господа... Эмма... - обратился кардинал к нам. - Надеюсь, о хорошем вспоминали? - сказал кардинал, посмеиваясь.
- Кардинал... полно вам, - сказал отец, мы посмеялись в ответ.

Франческо был так красив! Густые тёмные кудри блестели, словно судьба нас соединила, ведь у нас у обоих волосы завивались. Гм... так интересно.

Мы закончили трапезу. Луковый суп был очень вкусным.

- Эмма, ты уже собралась? - спросил отец.
- Да, мне подыматься не нужно. Я собрана, - ответила.
- Я тоже, - подхватил Франческо, - ну что, тогда едем!
- Да, - подхватила. Мне не терпелось уехать с Франческо, хотелось побыть с ним наедине, уже скучала по нашим плотским ласкам.

«Скорее бы...» - говорила про себя, поджимая нижнюю губу.

После трапезы я попрощалась с отцом, мы обнялись напоследок. Всего доброго - пожелала кардиналу. Карета и кучер были уже готовы, вещи были собраны, наш багаж первым делом загрузили в карету.

А у меня сегодня только хорошее настроение, всё, о чём переживала, наконец-то закончилось, и начнется новая жизнь вдвоём с Франческо. Я летаю, как бабочка порхаю от любви, а тело горит как свеча, тело жаждет новых поцелуев.

Мы с Франческо уже отъезжали от поместья кардинала, посмотрела последний раз на отца, грусть во мне всколыхнулась, вспомнила о маме.

«Как она там, бедняжка...» - сказала про себя, но повернулась к Франческо, и прошлых мыслей словно и не было, он забрал все тревоги поцелуем.

Я справлюсь, я теперь не одна.

Мы ехали полтора часа, поместье Франческо находилось за городом, наверное, оно очень большое. Я задремала на плече Франческо, так мы и ехали, время пронеслось быстро, и мы уже оказались на пороге нового дома.

Территорию поместья охраняли ворота, от них к входу вела широкая аллея, обрамлённая лимонными деревьями. Я была пленена красотой поместья. И, выходя из кареты, не ожидая, что мне так понравится, сказала первое, что вырвалось:

- Какая красота...

Поместье было окружено зелёными холмами, с элегантным домом, утопающем в зелени, с бамбуковым тростником, со столетними дубами и липами. Также вокруг был разбит парк с соснами, ливанскими кедрами и магнолиями, здесь же красовались в вазах лимонные деревья, была беседка, в которой можно наслаждаться прохладой в жаркие летние дни. Входом в дом служила большая дверь, расписанная узорами. Внутри, в гостиной, имелись ещё одни широкие стеклянные двери, это был выход на просторную террасу, с которой открывался прекрасный вид на парк и очаровательные холмы.

- Это всё для тебя, - сказал Франческо.

Затем вошли внутрь, я побежала осматривать поместье. На удивление было пусто, не увидела слуг.

- Эмма... Ну куда же ты!

- Любимый, подожди, глаза должны увидеть эту красоту! - ответила, уже находясь на втором этаже. Моё ребячество проснулось.

Поместье имело просторные и светлые комнаты, украшенные декоративными деталями в стиле либерти и цветными витражами. На первом этаже была гостиная с прекрасным камином, столовая, кухня, ещё одна маленькая кухня с камином, трапезный зал для завтраков, ванная комната, прачечная, кладовая и помещение для нагревания воды. Второй этаж - два съюта, каждый с собственной ванной, один съют с будуаром, ванной комнатой и большой террасой, три спальни с общей ванной комнатой, гостиная с большими окнами и небольшой террасой. Самая большая комната - наверное, это комната Франческо, - здесь ванная комната, и была ещё лестница, которая вела на небольшую башенку, откуда открывался великолепный вид.

Я спустилась вниз счастливая и влюблённая, целуя Франческо, и побежала к флигелю поместья, который заметила, когда мы подъезжали.

- Эмма, ещё столько дней, ты успеешь всё посмотреть! - крикнул мне вслед Франческо, но впечатления настолько захлестнули, что хочу посмотреть сейчас, ведь я буду жить здесь с моим любимым мужем.

- Франческо, я только быстренько посмотрю, и обратно, - ответила, возвратившись ненадолго к Франческо и взяв его за руки.

- Давай быстрее, я хочу тебе кое-что показать... - сказал Франческо, целуя в шею. Я вырвалась и направилась к флигелю.

Первый этаж был с огромными окнами, там была устроена оранжерея и подсобное помещение. Второй этаж - с трапезным залом, гостиной, двумя спальнями, ванной комнатой, небольшой террасой и подсобным помещением.

Сзади поместья были три тропинки, которые вели через лес дубовых, оливковых и других различных деревьев. Ветки были усыпаны жёлтыми листьями, царилась осень.

Я вернулась обратно, кружась и улыбаясь вокруг моего возлюбленного.

- Ну, что ты хотел мне показать? - спросила я.

- Ещё одну тайную комнату. Ты же хочешь всё посмотреть? - ответил супруг, взяв за руку.

- Да, хочу, - сказала я, обнимая его и целуя в щёку.

- Пойдём, - он повёл через маленький трапезный зал с камином, не доходя до трапезного зала для завтраков. Оказалось, что я не увидела ещё одну дверь напротив, это был вход в библиотеку. Много книг на полках, комната была не очень большой, весьма интересно. Зашли внутрь, после полок имелось небольшое пространство; он приоткрыл на полу люк, на котором было закреплено большое кольцо, которое можно было надеть на руку.

«Неужели меня ждёт ещё один сюрприз, о котором не догадываюсь?» - думала про себя. Франческо взял догорающую свечу в подсвечнике.

- Дорогая Эмма, сегодня я познакомлю тебя с моим другом. Он будет рад тебя видеть, надеюсь, ты сможешь оказать ему услугу, – сказал муж.

- А он, что ли, там живёт? – спросила я.

- Дорогая, нет, конечно, – ответил Франческо, посмеиваясь. Я была немного в смятении.

- А что это за сюрприз такой? – спросила неуверенно.

- Дорогая, это же сюрприз! Его рассказывать нельзя. Не бойся... Ты же мне доверяешь? – ответил Франческо, обхватывая за талию.

Внизу люка находилась длинная лестница, мы спустились. И охватили странные чувства.

«Не уверена, что хочу увидеть этот сюрприз. Но если так сказал Франческо, то почему доверяю любимому мужу?», – уверяла себя.

Внизу находилась большая деревянная дверь на замке, сюда, наверное, редко кто спускался. Франческо открыл замок, и дверь распахнулась.

- Держи свечу, дорогая. Вот и мой сюрприз, – сказал Франческо, передавая свечу в подсвечнике. Я засомневалась немного.

- Не бойся, дорогая, я пойду с тобой.

- Хорошо, – ответила, глубоко вздохнув, мне хотелось быстрее остаться наедине с мужем, почувствовать вкус его губ, что не сдержалась и опять его поцеловала.

2. Заточение

Мы вошли в комнату, которая находилась в подвале: потолки высокие, окон не было. Но я увидела небольшую решётку сверху – наверно, выход на террасу позади поместья: не могла разглядеть, так как находилась слишком высоко. Небольшой мрак окутал комнату, и много свечек стояло вдоль стен. В комнате была кровать с шёлковыми простынями, комод, напротив которого зеркало и уборная.

«Неужели Франческо хочет здесь предаться любви со мной?» – подумала: всё было готово к этому – романтический сумрак, шёлковые простыни, одеяло из соболиной шкуры.

Принялась обходить углы комнаты. Прошла вглубь и увидела какие-то кольца, закреплённые в пол и в стену, большие и железные, будто здесь кого-то держали на цепях. Внезапно услышала стук двери, оборачиваясь, не увидела Франческо, потом услышала, как замок защёлкивается.

– Франческо, подожди! – бросилась к двери, оставив догорающую свечу на полу, – это шутка? – я не могла понять и смеялась, разговаривая с дверью. – Любимый, хватит шутить! Открой дверь! – но в ответ ничего не услышала.

«Может, он что-то захотел взять с собой? А зачем тогда закрывать дверь? Может, он хочет разыграть? Что это за игра такая?» – думала.

Но эта игра совсем не нравилась, не понимаю, в чём здесь дело. Просидела под дверями около получаса, наверное, ожидая, что придёт Франческо. Но никого не было.

Начала нервничать, переполняли чувства ярости и смятения. Встала и начала стучать по двери!

– Франческо, открой! Ну хватит уже! Мне это не нравится, – громко кричала, потом подбежала к маленькой решётке, которая находилась сверху, и стала кричать, направив свою голову вверх, – Франческо!!! Открой дверь!

В голове стало появляться намного больше кратких фраз, чем могла себе предположить.

«Какая ещё опасность?!»

«Я в плену?»

«А может, это шутка?»

«Я хочу домой!»

Пробыла в этой комнате ещё с полчаса. Бродя, рассматривала стены, вдоль которых висели картины, но смотрела будто сквозь них, озабоченная другим. Принялась придумывать всякие отговорки, думала о неполадках с дверью. Может, мне показалось, что её закрыли на ключ? Но тогда почему же она не открывается?! Что за чушь я несусь!

Комната была тихой и спокойной, она навевала воспоминания о детстве, о том, как я искала маму в пустой комнате, как ревела и как было грустно одной. Мне здесь не нравилось, я не хотела вспоминать то, что было когда-то, это причиняло боль. Появилось ощущение, будто пришли в гости старые воспоминания.

Томящаяся душа была в ожидании ответов на сомнительные обстоятельства. И вот на моё счастье дверь открылась, вошёл муж и мужчина в коричневом плаще.

– Дорогая, как ты себя чувствуешь? Извини, что долго не приходил. Ты приболела немного. Тебе надо поправиться. Ты не помнишь, как упала в обморок? – спросил у меня заботливым тоном.

– Ты шутишь, Франческо? Этого не было сегодня, – его слова застали врасплох. Была в замешательстве, но точно знала, что это неправда. – Я не больна.

Тем временем мужчина в коричневом плаще открыл маленький деревянный чемоданчик и сказал, что надо пустить кровь для того, чтобы я ясно себя чувствовала.

– Я ваш лекарь. Вам не стоит бояться. Если вы действительно не больны, это вам никак не навредит. Успокойтесь, дитя моё, – говорил этот незнакомый мужчина в коричневом плаще.

– Нет, Франческо, выпусти меня! Я не хочу здесь оставаться, – громко сказала я и направилась к двери, но Франческо загородил путь.

– Милая, я буду рядом с тобой, – повторял супруг.

– Пропусти! Я уйду! – опять сказала я и хотела ринуться к двери, но Франческо взял крепко руку. – Ты мне делаешь больно! – просила отпустить меня, глядя ему в глаза, но они были какими-то злыми, не такими, которые видела всегда.

«Что здесь происходит?! – думала про себя. – Что они хотят со мной сделать...» – и стало страшно.

– Садись на кровать, – сказал Франческо и повёл силком, я начала вырываться.

– Франческо, что ты хочешь сделать? – говорила в панике, но от его сильных рук моё хрупкое маленькое тело не могло избавиться, он усадил на кровать, присев, он посмотрел мне в глаза.

– Эмма, дорогая, я твой муж. Слушайся меня, и всё будет хорошо, – говорил Франческо.

– Но я не больна, – повторила ему.

– Я верю тебе, поэтому позволь лекарю тебя осмотреть. Потом мы пойдём наверх, хорошо?

– Мы правда пойдём наверх? – я уже была очень напугана.

Но это же мой муж, я его знаю, это же Франческо.

– Верь мне и не бойся, – сказал он, целуя в лоб.

Франческо почти убедил, ко мне подошёл лекарь.

– Приляг, это ненадолго, – опять сказал Франческо, я не знала, что делать, и мне это не нравилось.

– Хорошо, только обещай мне, что потом уйдём из этой комнаты, – сказала я ему.

– Обещаю, – говорил, держа за руку, а я не успела опомниться, как почувствовала боль в руке, кровь постепенно начала выступать, а глаза закрывались, погружая в сон.

Сны – они действительно удивительны. Однажды приснился такой, где я была очень счастлива, я встретила любимого человека и была готова сбежать с ним, вопреки всему миру. Во сне столько можно всего сделать: влюбиться, бояться, прожить чью-то жизнь, сделать вещи, которые не осмелился бы в настоящей жизни. И это так прекрасно! Порой во сне чувствую, что действительно живу, а в мире – просто существую. Так вот, чтобы не чувствовать себя, что существую, влюбилась в Франческо. Я теперь могу любить, могу кокетничать, могу веселиться. Порой хочется, чтобы сны не заканчивались, воистину хорошие сны. А в жизни я бы пожелала себе – да не поколебалась бы вера моя, ибо всё, что будет сделано, станет концом моего начала.

3. Первый день в заточении

Чувствовала тяжесть и сухость во рту. Я лежала на кровати. Наверное, действительно приболела, потому что ощущение слабости не покидало. Меня оставили один на один со страхами, неуверенностью, одиночеством.

В комнате был всё тот же сумрак, свечи так же горели. И висели те же картины, и я их смогла наконец-то разглядеть. На них были изображены восстания. Без окон не понять, день сейчас или ночь. Я решила набраться сил, встать и походить.

– Они же не смогут меня держать здесь вечно, – сказала вслух.

Я обошла комнату, пригляделась к железным кольцам, прибитым к стенам и полу.

– Что это за место? – вновь сказала вслух, испугавшись, стало жутко и страшно.

Подошла к двери и стала стучать, громко крича, чтобы отворили.

– Надеюсь, меня хоть кто-нибудь слышит. Откройте дверь. Франческо! Открой дверь! Эй! Откройте дверь. Я жена Франческо де Романо.

Послышался скрип, видимо, кто-то услышал. Дверь так резко открылась, что я упала.

– Милая, осторожно! – громко сказал муж и ринулся ко мне, пытаясь помочь подняться.

– Франческо, я хочу уйти. Я здорова. Почему я здесь? Ты что-то от меня скрываешь? – говорила быстро, приходя в чувство от испуга.

– Милая, давай присядем, – мы сели на кровать. – Эмма, это ради твоей безопасности. У тебя появились некоторые пробелы в памяти и наблюдаются внезапные обмороки. Ты, наверное, этого можешь и не помнить. Ты мне веришь? Я тебя очень люблю, поверь. И не хочу причинить зла.

– Так почему я в такой тёмной комнате?

– Мы поставим больше свечек. Лучше другим не знать, что ты больна. Ты подлечишься немного, и мы обязательно с тобой сходим на бал в честь празднования дня весеннего равноденствия. Не бойся, я с тобой, и всё будет хорошо, – Франческо нежно поцеловал в щёку.

– Но праздник дня весеннего равноденствия после зимы?

– Ты будешь как раз здорова, и у нас к тому времени, возможно, появится ребёнок, любимая.

– Хорошо. Я тебе верю, – ответила, обняв его крепко. – Я тебя люблю, Франческо.

– Я тоже тебя люблю, – ответил он, поглаживая по спине.

Это был предпоследний день, когда я видела мужа, но тогда об этом совсем не догадывалась. Вот что делает слепая влюблённость. А как иначе, если душа наполнена ярким светом, если дышишь полной грудью, когда в мыслях только он, когда бабочки в животе, когда его глаза не дают покоя днём и ночью, их не хватает и хочется поскорей увидеть эти красивые голубые глаза. Когда чувствуешь, что этот человек полностью защитит своим телом и своими ласками; если он уходит, хочется ощущать его взгляд, когда оборачивается. Это так запечатлевается на сердце, что дороги назад не может быть. Есть либо продолжение, либо страдания. Когда он рядом, то чувствую его тепло, и даже на расстоянии хочется прикоснуться к нему. Воистину любовь, воистину надежда, воистину вера! Любовь – такая огромная сила чувств, что при малейшем её колебании может разрушиться, как хрусталь или как домик, построенный из карт. И собрать заново по кусочкам опять не удастся, это уже потеря навек.

Позже Франческо принёс жидкий бульон. Я его съела, чтобы набраться сил. Я ему верю и я его люблю.

– Милая, ты не хочешь написать отцу о своём здоровье, или хотя бы рассказать, как у

тебя дела? Я думаю, что надо написать что-то хорошее, чтобы он не волновался по пустякам. Мы ведь всё равно скоро встретимся с ним? Как ты думаешь?

– Хорошо.

– Тогда я попрошу, чтобы тебе принесли чернила и бумагу. Ладно, я тебе не буду мешать отдыхать, тебе нужен покой, – сказал он и поцеловал в лоб. Я легла на подушку, глаза снова закрылись, и заснула.

4. Второй день в заточении

Это утро... По крайней мере, я так думала, потому что проснулась. На комодке возле кровати лежали уже приготовленные перо с чернилами и бумага. И я вспомнила об отце, что он, наверное, совсем позабыл про меня, даже ни строчки после того, как я уехала, не написал. А хотя – чем я лучше! Сама ему ничего не писала, но обязательно напишу. Привстала и взяла бумагу с пером и чернилами, положила на постель. Леня было вставать.

«Мной уважаемый, любимый отец! Пишет Вам ваша покорная дочь. Будучи замужем, сообщаю Вам, что у меня всё в порядке. Франческо ко мне относится снисходительно. Он добр, вежлив и заботлив. Спасибо Вам за мужа, этот человек стал моей опорой. С уважением, ваша любящая дочь Эмма».

Про своё самочувствие писать не стала, думаю – это лишнее. Письмо оставила на комодке и, забыв, что рядом находились чернила, их опрокинула.

«Неряха!» – воскликнула про себя и скинула грязную постель на пол.

Встала и принялась рассматривать картины, но они меня сегодня пугали. Начала снимать одну за другой, складывая на пол в стопку.

Тут открылась дверь и вошёл мужчина лет тридцати пяти, высокий, с тёмными волосами, в плаще, кланяясь мне.

– Ваша светлость, не пугайтесь, я пришёл забрать письмо.

– Как тебя зовут?

– Руфио, ваша светлость. Вам не по духу картины?

– Да, они мне неприятны. Уберите их.

– Хорошо, ваша светлость, – он подошёл и взял их с собой.

– А когда увижу мужа?

– Ваша светлость, ваш муж уехал в Ватикан по заданию Его Святейшества Папы Римского Александра VI. Он оставил меня присматривать за вами, пока не вернётся. Вам через час принесут завтрак, а после придёт лекарь для осмотра.

– Хорошо. А могу ли я прогуляться? Мне душно в этих стенах.

– Как только вас осмотрит лекарь, и только с его разрешения.

– Это не просьба, а приказ! – ответила я возмущенно.

– Извините, ваша светлость, я слушаюсь только приказов герцога, господина Франческо, вашего мужа.

– А я его жена, значит, вы обязаны меня слушаться тоже!

– Я лучше пойду, – сказал Руфио, забрав письмо и картины.

– Это какой-то фарс! – сказала вслух, потом села подле комода и, смотрясь в зеркало, расчёсывала свои густые светлые волосы.

Этим утром проронила первую слезу. Было грустно, любимые люди меня покинули, и никто не может помочь. Ещё один день в этой комнате, и точно сойду с ума уже по-настоящему. Я боялась за свою жизнь, никогда ранее не испытывала таких эмоций. Чувства неизвестности, смятения, гнева и страха. Хотелось послушать музыку, соскучилась по арфе, по тонким мелодичным прелестным райским звукам, полным безмятежности и бушующих волн.

Не прошло и часа, как принесли завтрак: на этот раз он был разбавлен белой хрустящей булочкой в клюквенном сиропе. Бульон был вкусным, как и в прошлый раз. В комнате

сразу убрали грязную простыню с пола, на комод положили новую.

Я принялась за трапезу, съела всё, не оставив и крохи. После завтрака сидела на кровати и напевала песню, которую в детстве перед сном пела матушка, когда была здорова духом.

Свет, выходи в окошко, Я верю, что ты со мной. Тьма уходит, наконец, Сдвинув ножки, Торжествует громко добро и смех, Торжествует громко добро и смех!

Я чувствовала слабость, наверное, ещё не отошла от болезни, а сегодня у меня разыгралась мигрень. Значит, прогулка отменится на сегодня. Я лежала и повторяла строчки песни, будто сейчас в стене откроются придуманные мной фрамуги и выглянет свет. А ещё будто я в темнице, и принц должен спасти от предстоящей гибели. Так смешно. Это же просто сказка. А в детстве я так верила в сказки, потому что хотелось, чтобы это было правдой. Но время неугомонно и быстротечно, и понимала, что просто хочу себя обманывать и ускользнуть из-под призм лучей этого мира, навсегда. Да, я этого хотела раньше. Поэтому меня постоянно баловали слуги, баловал отец: за каждый свой отъезд, чтобы не скучала, одаривал новыми платьями, жемчугом, просто откупался, чтобы не чувствовать никакой вины за моё недолгожданное рождение. Чувства одиночества в детстве никак не вырвать из корней проросшей депрессии. Внимание, ласку, заботу, радость и любовь нельзя купить. Это, наверное, понимает человек, которого обделили всеми словами. И я в этом числе нахожусь тоже, а вы?

Какие только мысли не приходят, когда остаёшься с собой наедине. Одна, совсем одна. Бывает, что ещё чуть-чуть, и твои мысли подведут тебя под черту, после которой ты потеряешь себя. А время так долго идёт взаперти, сколько мне ещё ждать лекаря? Это просто сумасшествие.

Стоило только вспомнить чёрта, и вот заскрипела дверь. Мысленно я восторжествовала.

«Наконец-то», – говорила про себя.

– Лекарь, здравствуйте, – сказала движущемуся мужчине в коричневом плаще, в руках у него была чаша, которую он поставил на комод.

– Здравствуйте, госпожа. Я пришёл вас осмотреть сегодня.

– Хорошо. У меня к вам вопрос. Я хотела сегодня выйти к флигелю поместья, подышать свежим воздухом, так как чувствую, что моему телу это необходимо.

– Госпожа, давайте сначала я вас осмотрю. Вижу, что вы сегодня не очень-то в хорошем состоянии выходить из комнаты, – говоря, лекарь тем временем осматривал мой лоб, – да у вас жар!

– Да? – вопросительно и не догадываясь, что всё это время у меня был жар, выкрикнула я. – Доктор вылечите меня скорее. Я хочу выздороветь и увидеть ещё не опавшие жёлтые листья на деревьях.

– Хорошо, госпожа. Конечно, я вам пропишу все необходимые лекарства, необходимые травы, которые вам надо пить. Я всё передам Руфио, а он уже прислуге. Сегодня выпейте отвар из лечебных трав, – сказал лекарь и поднёс чашу, которую оставил на комод.

Слушая внимательно лекаря, выпила полностью отвар, но стало тянуть в сон, и не было сил дальше слушать. Захотелось спать, и я закрыла глаза, а что дальше он говорил, не знаю.

5. Чудовище

Появилась улыбка на губах, я вспомнила любимого Франческо, так хотелось, чтобы он лежал сейчас рядом и ласкал, я соскучилась по нему.

Сегодня целый день пролежала, опять эта негодная слабость, а ещё меня полюбила лень. Я то спала, то открывала глаза, то наоборот. Тут заскрипела дверь.

«А может, это Франческо приехал?» – подумала.

На миг показалось, что это Руфио, но это был не он. А какой-то человек, с уродливым лицом и тоже в плаще, только длиннее, чем у лекаря. Я испугалась.

– Кто вы? Не подходите ко мне! – кричала я. – Франческо, Руфио, кто-нибудь!

Чудовище ко мне приближалось, а мне было тяжело встать. Я закрылась под одеяло и дрожала, скуля, как котёнок, от страха. Тишина... Одеяло резко отбросили и прижали меня к кровати, закрыв рот рукой, чудовище смотрело в мои испуганные глаза и похрапывало.

«Господи, что это? Неужели он хочет меня убить?» – думала про себя, так была напугана, что руки окаменели от страха.

Его ладони были такими холодными, будто это мертвец. Он наклонил голову к моей шее и укусил. Я кричала, но никто бы не смог услышать. Начала упираться руками, было больно, ведь чудовище сильное и большое. Шансов оттолкнуть его у меня не было.

Чудовище присосалось острыми зубами к шее, будто высасывало кровь, моя изнеженная шея не знала такой боли. Хотелось опять закричать громко «помогите», но беспомощность и слабость были на тот момент злейшими врагами. Слёзы текли, рука чудовища стала мокрой, я хотела её укусить, но она была слишком большой, а кости тяжёлыми и твердыми, они навалились мне на рот, прикрыв щёки. Минут пять он кромсал мою шею, я думала, что я сейчас умру, уже не могла этого больше терпеть.

Неужели он меня убьёт, истерзает, как маленькую беззащитную девочку?

Через минут пять чудовище оторвалось от шеи и просто убежало, захлопнув за собой дверь, оставив капли крови на постели. Безутешные стоны сжимали моё сердце. Я так сильно редела, что, казалось, меня должен услышать Бог. Аккуратно встала и подошла к зеркалу. Смотрела на свою рану, рыдая во всё горло. Кровь ещё текла, на шее были открытые до вен небольшие раны.

Я побежала к двери и кричала:

– Помогите! Откройте!

Мне казалось, что меня должны обязательно услышать, не хочу умирать от потери крови. Несколько минут прождала у двери, потом села подле неё и никуда не хотела уходить. Слёзы уже присохли к щекам, слабость прижимало тело ещё сильнее, а одежда была выпачкана кровью. Я не могла на неё смотреть, будто пришли и вырвали сердце, истерзали мою длинную красивую шею.

«Где ты, Бог, я тебя так люблю. Боженька, помоги мне! Я раньше всегда разделяла с тобой свою печаль, тревоги, секреты и восторг. Не оставляй меня, прошу», – говорила я, обращаясь к Создателю, но не знала, слышит ли он меня в этот момент.

Моя любовь к Богу осталась всё-таки безграничной и глубокой, такой же, как и в детстве, просто со временем чувства оседают глубоко. А потом, когда наступают такие плачевные моменты, эта любовь просыпается и всё вспоминается.

Я услышала шуршание, но подумала почему-то о крысах. Я была рада, что ошиблась, потому что это был лекарь. Он вбежал в комнату, надеясь увидеть меня в постели, но обернувшись, нашёл около двери.

– Госпожа, вам плохо?

У меня не было уже сил разговаривать, я просто кричала и ревела, как израненная кошка в бою.

– Вы что, издеваетесь надо мной?! Посмотрите, я вся в крови. Что за чудовище здесь было?

Я закрыла глаза, зажмуривая их, так как картинка была неясной. Открыв, увидела пустоту.

– Лекарь, вы здесь?

Неужели он ушёл? Или мне это почудилось? Я так переволновалась, что сознание уже показывает то, что хочу. А может, уже сошла с ума? Я стала смеяться, наверно это был нервный смех, потому что это было нелепо. Стало дурно, я подошла к кровати и просто упала на постель. Словно была под лучами ядовитого солнца, которое так и топило, тело дрожало, я была подавлена. И сама не поняла, то ли упала в обморок, то ли так быстро заснула от слабости или потери крови.

6. Попытка

Прошло несколько дней, а мне казалось, что проходит вечность. Тишина тревожит мою душу, сердце мучается, считая каждый свой стук, а уши умоляют этого не слышать. Всё зыбко, и я себя не могу простить, словно вина затаилась в душе.

Гибель, снова чувства гнева, смятения и страха. Вера... Я перестаю в себя верить и в то, что когда-то смогу выбраться из этого ада.

А что такое вера?

Я одна... Горечь упивается моим слабым состоянием. Все дни, вероятно, будут тянуться, как масляные, а я буду просить, чтобы мой грядущий сон больше длился. Все дни одинаковые, будто пористые болотные облака, в которых тону, хоть таких и не существует. И буду стараться искать хоть какое-то несовпадение действий.

Это смешно... В детстве мама говорила, чтобы я свою гордыню усмиряла, чтобы не зарекалась о вещах, которые могут произойти с каждым человеком. И я помню, что смеялась над её словами и говорила, что у неё просто слишком большое воображение. Это же не театр, это ведь жизнь. Как я жалею об этих словах, надо же, вещи, о которых говорила матушка, произошли теперь со мной.

Хочется кричать, просто сил нет, хочется реветь, да слёз не осталось, хочется убежать, только некуда. Как во мне остались ещё силы, чтобы вставать по утрам и ощущать голод, этот мерзкий голод в животе.

На комодѣ стояли чашки и суп. Неужели так долго спала? Проголодалась. Удивилась, что постель чистая и одежда тоже целая. Наверно действительно так долго спала, что не услышала слуг.

Принялась за трапезу. Съела бульон. Выпила настойку из целебных трав. Вспомнила про вчерашний день, и аккуратно дотронулась до шеи, шрамы, нанесѣнные чудовищем, ещё болели. Я понимала, что надо выбираться отсюда. Больше есть, чтобы окрепнуть.

Побыстрее увидеть бы Франческо и рассказать о том, что здесь происходит. Так по нему соскучилась! Что за зверь был вчера? Может, это дикари захватили город, а я здесь сижу в укрытии и ничего просто не знаю об этом? Они захватили наше поместье и теперь мучают меня. А вдруг я осталась одна в живых? Совсем одна с этими дикарями. Мне нужно оружие, нужно чем-то себя защитить. А чем? Принялась осматриваться и вспомнила про картины, пожалев о том, что их отдала. Вспомнила про заколку в комодѣ и стала искать её, открывая полки.

- Ура! - восторженно воскликнула: моя единственная радость после завтрака сегодня! Надела заколку, она была в виде ленты с острыми гребешками. Потом легла в постель и укрылась одеялом, почувствовав озноб.

«Когда же я выздоровею?» - спрашивала у себя.

Взяла дневник, перо с чернилами в постель и начала писать.

«Мой дорогой дневник! Я так соскучилась по тебе и по Франческо. Мне столько нужно рассказать...»

Писала, так долго писала, будто ребёнок, делясь своими секретами. Сегодня думала о море, хотелось услышать шум волн, морской бриз, прикоснуться рукой к морю и загадать желание. Быть с Франческо, бежать по берегу, по чистому белому песку, который жѣг бы ступни, но смачивая морем эту боль, я бы её терпела и бежала бы дальше, к Франческо. Весѣлая, с улыбкой, в промокшем платье, и это были бы самые счастливые моменты моей жизни.

Я редела, но редела от счастья, надеясь, что всё сбудется или этого не будет никогда. К чёрту... Трепет любви, шорох надежды в сердце, и представляла себя в объѣтиях Франческо. Хочется прижаться щекой к его губам, обнять, почувствовать его ладонь на волосах, почувствовать прикосновение к своему носу кончиком пальца, увидеть его улыбку и повторить всё сначала.

«Надеюсь, что он не имеет никакого отношения к этому чудовищу. Конечно, не имеет. Это просто невозможно», – думала про себя.

Снова потянуло в сон. Но как только собралась уснуть, послышался скрип. Открыла глаза, не шевелясь от испуга. Вспомнила про свою расчёску и приготовилась защищаться. Но тут услышала скрип уже не в дверях, а сзади, кто-то приближался. Резко обернулась и закричала.

Сегодня ясно увидела лицо чудовища, его белое уродливое лицо, большие чёрные глаза, чёрные волосы свисали до плеч, и он был в длинном чёрном плаще.

Как же я его не заметила? Замечталась?

Не успела опомниться от страха, как он схватил руки, подняв их, положил на кровать, а сам прыгнул сверху. Я вырывалась изо всех сил. Но не смогла... Я кричала, я редела.

Он, касаясь шеи, приподнялся к уху, и услышала его хриплый бас.

– Замолчи, а то сделаю больно, – сказал угрожающе. Я закрыла рот и только скулила, когда он пил кровь из шеи.

Выпив свою порцию, он просто ушёл. Я встала с постели и со всех ног побежала за ним, вырывая из своих волос ленту с острыми гребешками, хотела нанести ему удар, замахиваясь. Но он услышал, как бегу вслед, повернулся и первым ударил по лицу. Так больно и сильно, что я упала на пол и потеряла сознание.

7. Кукла

Мама, мама, мамочка! – всхлипывая и глотая слёзы, произнесла вслух.

Я пришла в сознание, не знаю, сколько пролежала на холодном полу. Но вся промёрзла, руки и ноги были холодны, тело побледнело.

– Мамочка, помоги мне! – повторяла.

Может, я уже брежу. Пусть и так, но очень хотела увидеть свою мамочку. Сердце сжималось от невыносимых чувств одиночества, несправедливости заточения. Я пала духом, становилось легче, когда выплескивала взрыв слёз. Руки дрожали уже не просто от холода, а нервно.

Состояние не улучшилось, но я могла ходить. Сегодня целый день сидела в углу комнаты и отросшими ногтями пыталась начертить на деревянном полу треугольник. Даже не знаю, зачем я это хотела сделать, просто от нечего делать. Я не знала счёт времени, но могла определить по свечам, которые днями сгорали в комнате.

Сегодня опять видела чудовище, он держался за талию холодными руками и медленно высасывал кровь из шеи. Словно раненый щенок, скулила, мне было так же больно. Для него я была едой, только живой. Его широкие скулы давили на мои щёки, после кормления у меня оставались синяки на теле и на шее. И душа так же постепенно опустошалась.

Всё чаще стала вспоминать радостные мгновения жизни, когда я могла смеяться. Что со мной стало сейчас. Эмоции приглушены, словно не живая. Целый день проводила в постели, а может, просто так сильно заболела. Нет ни сил, ни желания себя спасти. Как будто на дне океана и позволила впустить в лёгкие морскую воду, которая полностью их наполнила. Неужели я заслужила такое обращение с собой, издевательства?

Помню, что первые дни громко плакала, просто хотела умереть. Иногда желала, чтобы чудовище не останавливалось и выпило всю мою кровь. Не хотела жить, я отчаялась. Вначале он играл со мной, просто кидал по углам из стороны в сторону, я больно падала. Вначале боролась, а сейчас у меня нет сил. И я, как кукла, с которой играют, сейчас не в силах что-либо изменить.

8. Воспоминания

Сегодня он бросил на кровать, схватил руки и нюхал меня от головы до пят. Я дрожала от страха, как всегда. Потому что не знала, что он сделает. А если захочет сделать что-то ужасное? Если будет больнее, чем обычно? смогу ли вытерпеть эту боль?

Он начал рычать, от моих слёз уже намокла подушка, застонала от беспомощности. Возможно, это будут мои последние минуты, но к смерти сейчас не готова. Думала только о том, чтобы он ушёл, чтобы всё быстрее закончилось. Через пару минут он прыгнул с кровати и убежал, захлопнув дверь. Я свернулась калачиком и дрожала, и плакала.

Оказывается, всё так ничтожно, просто враньё. Вся жизнь – это сплошная боль и враньё. Проведя время наедине, взаперти, теперь воистину знаю, чего хочу, мои желания оголились. Это как озарение, я всегда знала, но не видела так ясно, мыслила туманно, пытаюсь забыть об этом; отодвигалась дальше, как могла, пряталась от мыслей, не признавая самого важного. Я хочу быть с мамой. Хотя она и больна, хочу чаще её навещать, постоянно хочу навещать. Я пряталась от неё, потому что больно было её видеть в таком беспомощном состоянии. А теперь сама в похожей ситуации, и не хочу прятаться, потому что могу её в любой момент потерять. Или, в первую очередь, она может потерять меня навсегда, если не выберусь. И больше мне никто не нужен и ничто не нужно: забирайте усадьбу, золото, даже моих любимых нянечек. Пусть даже любовница заберёт отца, всё равно он меня не полюбит так крепко, как мама. Это моё последнее желание и единственное на данный момент: оставьте с мамой, и буду ухаживать, и заботиться о ней. Я её так люблю!

Вспоминаю всё чаще, как была ребёнком, потому что именно тогда её любовь делала меня счастливой. Пусть даже и не помнит меня сейчас, но хочу отблагодарить её своей любовью. Благодаря маме я знаю, что такое материнская любовь, хоть она длилась совсем недолго.

Слёзы мне никогда не помогут, хотя зря так говорю: они выплёскивают всё зло, что накопилось – обида, страдания, можно много ещё насчитать. А потом всё равно превращаюсь в неживое существо, без всяких эмоций, опустошённая и немощная, лишь умеющая дышать.

Вспоминала о ветре, соскучилась по озорному прохладному ветерку, который любил играть с моими волосами, когда прикасался к лицу. Солнце, что ласкает лучами. Свобода... Запах озона после летнего дождя. Я уже не помню, какую форму приобретали облака после полудня на воскресный день. Белогривые динозаврики, так я их называла. А слова... Столько слов хочется сказать, а мне не с кем поделиться печалью, мыслями. Что такое радость? Смогу ли когда-нибудь стать счастливой после того, как выберусь из этой комнаты?

Я почти целые дни лежала в кровати, не было сил на движения, не было желания дальше жить. Думала о том, почему это заточение выпало на мою долю, почему именно мне суждено страдать? Неужели в прошлой жизни сделала что-то непоправимое. Всегда говорят, что смерть это не выход. А что же выход, если его действительно нет? Я совсем отчаялась.

9. Жертва

Когда чудовище приходило, я уже не сопротивлялась, но решила с ним заговорить. Он сидел подле и держал руки, всасываясь в шею. Язык слизывал капли, что не успели попасть в рот. Он медленно пил их, и я чувствовала шершавый язык на шее. Тишина царил в комнате, но мой голос иногда её нарушал.

– Поговори со мной, – сказала, не шевелясь. Он остановился и перестал лизать шею. – Как тебя зовут? – спросила я.

Раздалось рычание. Его лицо было так близко! Наши носы соприкасались. Большие глаза были небесно-голубого цвета. Кончик носа был холодным, словно лёд. Я была готова ко всему, неважно, что бы он сделал. Возможно, не умеет разговаривать?

Он отпустил одну руку и провёл пальцем по щеке. Я зажмурила глаза, на один короткий миг стало страшно, а когда открыла глаза, его уже не было. И дверь, которая всегда была заперта, была открыта. И первые мысли, которые пришли в голову, это то, что хочу домой. Надо бежать!

Встала с постели, не спеша, потому что была слаба. Очень исхудала за эти дни. Подошла к двери, тихими шажками поднимаясь по лестнице. Появилась надежда на побег, на свободу.

Сверху лестницы была ещё одна дверь. Попыталась толкнуть её, но она не открывалась. Попыталась ещё раз и ещё раз. Было заперто.

– Нет, откройся! – говорила вслух, – открывайся же!

Слёзы выступили на глазах. Я легла на ступеньки. Понимала, что всё обман, я пленница. А может, жертва будущего убийства? Меня скоро убьют. Либо этот зверь выпьет всю кровь, либо заморю себя голодом. Я понимала, что никто меня не сможет спасти.

10. Лекарь

Я смотрела на обветшалый потолок своей конуры. Надежда окончательно покинула. Открыла глаза, рядом сидел человек.

«Лекарь?» – промелькнуло в голове это слово.

Я была слаба и ощущала свою худобу, истончились руки. Шрамы, которые наносило чудовище, вредили, и психологически вынести эту боль больше не могла. Шевелиться не было сил. Хотела сказать, проронить хоть слово. Но губы меня подвели, тело предательски лежало, молча, не шевелясь.

Лекарь протянул чашу ко рту, вливая в рот горькую жижу, я прокашлялась. Резкая боль в животе, а потом внезапное расслабление. И потянуло в сон. Волнения и боль исчезли, и только приятный сон хотя бы обеспечен.

11. Отчаяние

Не знаю, сколько проспала, показалось, что лекарь просто приснился. Ран на теле, оставленных чудовищем, не могла прощупать, но следы жижи на ночной рубашке остались. Значит, это был не сон.

Перевернулась на правый бок. И лежала с открытыми глазами. Ни о чём не думала, потому что не могла больше жить с губительными мыслями. Отчаяние давило, будто я в болоте, или это замкнутый круг из которого не могла выбраться.

Боже, да что же сделать мне, чтобы открылись чёртовы двери! Разбились толстые стены! И я вышла бы из этого лабиринта, из этого ада! Никто не поможет, я не могу никого позвать на помощь. Я одна.

Одиночество быстро ест человека, наверное, поэтому всегда говорят, что человек должен быть в обществе. А я в коробке. Или в могиле. Где заживо закапывают и ждут, когда перестану дышать.

Флегматична, и в глазах нет блеска, как раньше. Ничего больше нет. Будто все попытки спастись утрачены и на спасение нет надежды. Я совсем потеряла веру в себя, не чувствую больше свою душу. Будто скатываюсь по ступенькам вниз и не могу сопротивляться, потому что устала. Так сильно устала, что тело уже не может двигаться так, как ему хочется. А может, худоба меня убьёт?

Я просто хочу, чтобы всё закончилось. А закончится ли это плохо или хорошо, мне просто уже безразлично, потому что нет сил бороться.

Я такая молодая, у меня должно было быть другое будущее – эти упоительные балы и разговоры с придворными, встреча заката вместе с любимым, утренние поцелуи в кровати, примерка любимых нарядов, вкус красного сухого имбирного эля из спелых виноградников. Неужели этого больше не увижу... Почему именно я? Ведь только начинала радоваться, а теперь угнетённая и отчаявшаяся женщина, которая просто хочет выбраться из заточения. Судьба несправедлива и так жестока.

Этот замкнутый круг... Неужели я его не смогу разорвать, неужели не могу ничего сделать, чтобы спасти себя? В душе будто стали расселяться черти, агрессия съедает её, словно я во мраке, в тёмном царстве владыки, чьё имя не произносят.

12. Разговор между телами

Дни проходили, и я не знала какой сегодня по счёту, я стала обрывать зубчики на своём гребешке и складывать их как соломинки параллельно друг другу возле зеркала на комод. Так хоть могла узнать, сколько дней уже здесь живу.

Мои раны заживали долго. В основном они становились синими, очень надеялась, что это не заражение крови.

Постоянно вспоминала себя счастливой, кружащейся в красивом салатном платье на балу, беззаботной и весёлой. А после таких воспоминаний не могла удержать слёз, потому что уже казалось, что больше никогда такой не стану – счастливой и беззаботной.

Быть может, действительно я не знала, что сейчас происходило в городе, возможно, мой муж уже погиб на каком-нибудь сражении. Возможно, я была одна в этом доме с чудовищем, у которого находилась в плену. С опаской ожидала его каждый день и надеялась, что он не придёт.

Я только завтракала, больше еды мне не приносили. Просыпаюсь, а всё постоянно на своих местах, будто это фильм с заезженной плёнкой. Я слишком похудела, стала замечать первые изменения: на груди выступили кости, скулы стали отчетливее. Но моя красота никуда не делась. Волосы так же густы и кудрявы, и сегодня захотела заплести косы. После завтрака возле зеркала делала себе причёску, напевая простые слова: «Ла-ла, ла-ла, ла-ла».

Нет, я не сошла с ума, а чувства наполненные отчаянием, грустью, скукой и одиночеством не могу передать словами. В мыслях хотелось рвать на себе волосы, ходить вверх ногами, делать хоть что-то, чтобы выбраться, чтобы не думать ни о чём, потому что мысли просто разъедали меня. Но когда это состояние длится несколько дней, ощущается, что это уже не я, а некое подобие. Это просто тело, имеющее физиологические признаки жизни, но не моя душа. Потому что казалось, что её нет, будто её вырвали, как при первой встрече с чудовищем, вырвали сердце. И не знаю, я ли это? Что я чувствую? Больше нет никаких положительных эмоций, только отчаяние, ненависть, злость и гнев. С этого момента лишь они мои друзья, мои настоящие друзья...

Сегодня стояла возле стены: после того, как он испил мою кровь, принялся лизать шею до уха. Он стоял так близко, что грудь впилась ему в плащ, а мужские чресла ощущала между ног. Я закрыла глаза. Не хотелось в этом признаваться, но чувствовала лёгкий мимолетный флирт между телами.

«Господи, как же я могу о таком говорить! Нет! Это же чудовище!» – говорила про себя.

Но тело было не с разумом. На секунду мне показалось, что чудовище тоже что-то почувствовало между нашими телами. Неожиданно после уха он возвратился к шее, слизывая кровь более чувственно, потом направился к груди.

«Что он делает?» – подумала про себя.

Стыдно было осознавать, что это было приятно. Я соскучилась по мужской ласке. И вот он уже покусывал сосцы, чувствовала его нетерпимость. Наклоняясь, увидела, что грудь была полностью в его голове, в его диких необузданных поцелуях. Зажмурилась, но внезапно почувствовала холод. Открыв глаза, никого не увидела, он просто ушёл. Стало стыдно, мерзко и противно от его поцелуев и прикосновений.

«Зачем это всё! Зачем я это позволила сделать с собой?» – говорила про себя. Чувствовала себя предательницей по отношению к самой себе.

«Что я наделала! Что со мной происходит! За свои поступки себя ненавижу!», – думала, и слёзы потекли по щекам.

Сколько ещё одиноких дней и ночей я должна была прожить в этой комнате? Я точно сошла с ума, для меня даже чудовище, которого боялась, стал утешением. Что со мной не так, или это нормально?

13. Заговор

Сегодня нужно было опять поговорить с этим чудовищем. Нужно хоть с кем-то поговорить! Одиночество губило моё сознание.

«А может, соблазнить чудовище и убежать? Что за бред! Нет, нужно разговаривать с чудовищем, разговаривать с ним хотя бы о том, кто он такой», – бродили мысли.

Я осмелела за эти недели, в первый раз почувствовала храбрость после моего последнего общения с чудовищем. Как такое возможно?

Решила не спать, просто буду ходить по комнате, считать вслух либо рассказывать истории. Да, сегодня должна не спать ради себя, чтобы хоть увидеть того, кто постоянно приносит завтраки и чистую постель.

После завтрака я ждала чудовище и готовила речь.

«А может, действительно соблазнить? Нет, я не смогу. Это слишком. А вот и долгожданное чудовище», – накручивала себя. Чудовище открыло дверь.

– Послушай, давай поговорим. Ответь на вопрос: кто ты? И сможешь сегодня испить больше крови, чем обычно, – я медленно шла к стене, справа от кровати.

Он молчал, смотрел, будто ничего не понимает, или действительно не понимает языка? Постаралась, чтобы подошёл близко.

– Я сегодня хочу быть здесь, возле стены. Ответь, я ведь тебе нравлюсь? – продолжала говорить чудовищу. – Скажи, как мне к тебе обращаться? – он подошёл и посмотрел на грудь, будто никогда ничего прежде не видел. – Тебе нравится моя грудь? Хочешь, покажу красоту женского тела? – и провела рукой по своей груди. – Повернись в эту сторону, – он аккуратно развернулся к стене, и возникла идея побега. Из всех сил я ударила его в низ живота и побежала к двери. Что было с ним, не знаю, не оглядывалась – страх и надежда захватили сердце.

Я выбежала из комнаты, стала подниматься по лестнице и услышала его шаги снизу, он медленно шёл по комнате, наверное, к двери.

«Я смогу, Господи, помоги мне», – думала тогда, поднимаясь по лестнице. Верхняя дверь подвала была открыта, я поднялась и стала закрывать её.

Да, я это сделала! Оглянулась по сторонам, опасаясь, что кто-то меня увидит. На сколько дверь сдержит зверя, я не знала. Сердце так быстро стучало, что в тишине я слышала только его.

Затем прошла по длинному коридору и услышала голоса. Подошла к двери, которая была не до конца захлопнута, и увидела Франческо. Я была удивлена и растерянна.

«Что здесь происходит?» – говорила себе и не могла разобраться ни в чём, подсматривая за происходящим.

– Она надёжно спрятана. Скоро мы подпишем документы, и всем буду владеть я. Эмма так и останется больна, а вы будете так же травить её, – это был диалог Франческо с врачом.

«Боже, это всё из-за моего богатства? – думала. – Надо бежать, бежать из усадьбы!

Испуганно пошла дальше по коридору, хромя, моё состояние и эта информация не укладывались в голове. Зашла в пустой кабинет Франческо и взглянула на первые попавшиеся документы, которые лежали на столе. В документах были выписки, что я больна той же болезнью, что и матушка – шизофренией, и что болезнь меня совсем стубила: я невменяема, диагноз по материнской линии.

«Боже, что это!» – удивилась.

Скрип двери. Франческо был на пороге, а я ещё недоумевала.

– Дорогая, что ты здесь делаешь? Тебе надо отдыхать! Как ты выбралась? – спрашивал он, удивлённый тем, что я делаю в кабинете.

– Франческо, что это? Ты меня обманул! – закричала.

– Дорогая, ты больна. Ты не понимаешь, что делаешь. Как я могу тебя обмануть? Это же я, Франческо, – говорил он, приближаясь.

– Не подходи ко мне, слышишь, не подходи ко мне!

– Ну что ты мне сделаешь? Что может сделать больная женщина?

А я рассматривала на столе любой тяжёлый предмет, но там были только книги, взяла одну из них и бросила ему в голову.

– Вот что может! – и пустилась в бегство.

– Руфио, держи её! – так злобно и громко крикнул Франческо, что напугал меня до смерти.

Никогда раньше не видела его таким злым. В двери меня ждал Руфио. Он меня схватил за шею, не задумываясь со всей силы укусила его руку, он закричал от боли, и я вырвалась, побежала к выходу.

Высочив за ворота поместья, почувствовала снег под ногами: стала ночь, и было очень холодно. Но, не оглядываясь, бежала, сначала по тропе, потом в лес. Я была босой, сухие ветки царапали лицо, и ничего не видела. Руками огораживалась от веток, а волосы от них растрепались. Только страх царил в моём сердце, одышка, и не могла ничего вымолвить, даже зубы дрожали. Почувствовала боль в ступне – поранилась, но не обращала внимания.

Вот ещё немного, терпи, дорогая, терпи! И я выберусь. Слезы застыли в глазах, словно от холода. Позади услышала шаги, притаилась, присев за куст. Руки тоже дрожали – и от холода, и от глубокого, невыносимого страха. Увидела кровь на ступнях; дотронувшись до них, поняла, что не смогу идти, а если не пойду, тогда поймают. Нет, я поползу или пойду через боль, но не вернусь обратно. Шаги ещё ближе, закрыла рот рукой, чтобы не слышался мой издававшийся выкрик страха. Увидела свет, он приближался. Сердце стучало как никогда. Поблизости не было усадеб, надо добраться до города. Кровь застыла от холода, и я уже замерзала. Внезапно свет влился в глаза, и я их закрыла; чья-то рука взяла за волосы, чуть ли не вырывая их, я закричала.

– Нашёл! – крикнул Руфио.

Пыталась вырваться и бороться.

– Помогите! Отпустите меня! Вы не имеете права! – кричала во всё горло.

– Можешь кричать, тебя всё равно никто не услышит, – ко мне подошёл Франческо. – Ты же невинна, Эмма, забыла? – я плюнула ему в ухмылку. Он ответил пощёчиной.

– Руфио, уведи её, чтобы больше не видел!

Меня потащили обратно в подвал.

– Если будете кричать и дёргаться, то сделаю больно, ваша светлость, – сказал Руфио, но я его не слушала, а хотела поскорее вырваться и убежать. Тут почувствовала боль, удар по голове, и потеряла сознание.

14. Попытка суицида

Проснулась от боли в шее. Я лежала на кровати, а чудовище кусало мою шею, сегодня он был жесток. Увидел, что проснулась, и больно ударил по щеке. Потом стал рвать одежду и лизать грудь. Я не могла уже это терпеть, плакала и просила, чтобы перестал. Уже умоляла, но он не слышал и продолжал лизать грудь, как животное.

Только отвращение и ненависть жили в сердце к этому отродью. И к Франческо! Предательство мужа, обман!

«Не хочу больше жить, я так его ненавижу! Не хочу его больше видеть! Хочу просто уйти! Уйти навсегда из этой комнаты и забыть всё как страшный сон», – кричала сквозь слезы и рёв.

Чудовище чуть погода ушёл, наверное, спугнула его своими криками.

Слезла с кровати и не могла перестать реветь. Захотела покончить со своей жизнью. Подползла к комоду и открывала полки одну за другой. Искала свои маленькие лезвия от гребешка, которые складывала каждый день на комод. Нашла и со всей злобой принялась карябать запястья, буквально умывалась слезами. Горло уже охрипло от криков, я была так подавлена. Не могла вынести предательства. Надо было поставить точку раз и навсегда. Уже понимала, что не смогу выбраться, а так жить не хочу. Моё сердце стало холодным, ледяным, я не чувствовала больше тепла от своего тела. И всё-таки решила покончить с жизнью.

Но, возможно, где-то в сердце затаилась надежда на спасение, только теперь она умерла, а надежда всегда умирает последней, как бы жестоко и цинично бы это ни звучало.

Посмотрела на себя в зеркало, на белое милое личико, и хотелось причинить ему боль. Я ненавидела себя и, сжав зубы, чертила линию лезвием от гребешка по своему лицу: слёзы смывали кровь, которая потекла по щеке и капала на платё. Но это не останавливало, надо причинить лицу ещё больше боли! И вот будто на одной стороне нарисована красная паутина. Я заревела, бросила острый зубец, стало жалко себя, упав на пол, притихла. Наверное, у меня не осталось больше слёз, запястья были в ранах, будто их расцарапала кошка. Может, я наконец-то не буду мучиться и умру. Навсегда... Навеки...

Пролежала в таком состоянии, вероятно, несколько часов, а потом просто закрыла глаза, мне было холодно: я надеялась, что холод тоже поможет погибнуть. Дрожь сотрясала, но это не останавливало. Я не хотела никого ни видеть, ни слышать. Надо, чтобы мысли оставили в покое, и в тишине умереть. Но мысли покинули не сразу.

Одиночество, тяжело быть одинокой. А ещё тяжелее видеть человека, которого любила всем сердцем и душой, и знать, что тот, кого так любила – предал. Предал мою любовь, мои чувства, оставив взаперти, с собой наедине. Я так его любила, а отплатили другой монетой. Хоть беседы были мимолетны и быстротечны, но всего лишь пара встреч – и он сумел растопить моё сердце. А сердце покорилося полностью и целиком. Каждой жилкой, каждой каплей своих слёз я не заслужила такого отношения, такого пренебрежения и притворного лживого обращения. Когда он вспоминает моё имя, думает только о наследстве. Нет, я не заслужила этого! Не хочу быть игрушкой в его руках, не хочу быть куклой. Я не кукла. И что теперь со мной? Замыкаюсь в себе... Любовь обманом явилась и притворялась до самого конца. Когда ложь подойдёт к концу и станет явью – любви конец.

Я не открывала глаз и не почувствовала, как заснула.

15. Возмездие

Почувствовала, что во мне, как ребёнок, то откликается, то затихает растущее зло. Как улей, оно размножается и пытается вырваться наружу. И не могу это контролировать, боюсь, что когда-нибудь это зло завладеет мной, и не знаю, что тогда станет со мной настоящей. Я его чувствую каждой кровинкой, но лишь это зло давало силу и укрепляло хоть ненадолго мой дух: моё возмездие и мысли о будущем, мысли о том, что желаю сотворить со всеми, кто меня запер здесь. И с Франческо тоже.

Сегодня целый день провела одна, проснувшись на полу, легла на кровать. Суицид не удался. Я размышляла и не поднималась с постели.

Я чувствовала ненависть, которая поселилась в сердце: тёмная и невыносимая, её не сдерживали стены в этой проклятой комнате. Хотелось закричать так сильно, чтобы меня услышала матушка, и чтобы наконец-то она очнулась после своего глубокого сна болезни, чтобы у людей, которые меня сюда поместили, лопнули ушные перепонки, чтобы из ушей их проливалась густая красная кровь. Хочется задушить Франческо, хочется уничтожить его, хоть моё тело так сильно ослабло, но гнилые мысли бурлили, и я всё запоминаю.

«Хочу так же по кусочкам отнимать силу духа у Франческо, привязать его и держать на цепи, как пса. Он должен поплатиться за свои поступки, пощады не будет, пощады точно не будет. Как я могла полюбить такого жестокого человека?! Меня обманули, а теперь я вынуждена страдать, страдать в одиночестве и винить себя в том, что сейчас происходит со мной. Я его так сильно любила, я мечтала о нём, как любая влюблённая девушка. Я слишком сильно поторопилась, он меня очаровал, и я пала на его очарование, как слепой котенок, как глупая дурочка.

Отец, лучше бы ты так сильно не торопился выдавать меня замуж, мне приходится теперь и тебя винить в этом. Надо было больше провести времени с избранником, а то оказалось, что мы связались с мошенником.

Это так ты любишь свою дочь, что выдаешь её за кого придётся, лишь бы я поскорей уехала и не мешала тебе и твоей любовнице? Какое же это бесстыдство! Почему ты меня не любишь? Потому что я не родилась мальчиком? Ты же всегда хотел, чтобы у тебя был сын! А теперь я сама за себя, одна.

Матушка, если бы ты только меня слышала и могла помочь, но только бы меня не видела. Я не хочу, чтобы меня видели в таком состоянии. Мне так стыдно, так стыдно, что тошнит от себя. Хочется разом со всем покончить, хочется просто покончить с собой, чтобы этого всего не видеть, не чувствовать и не страдать. Но зло сейчас сильнее моих чувств. Вначале я хочу вырвать их языки своими руками, а потом сжечь их языки и скормить им же...

Когда я стала такой злой? Я теперь очень злая, лишь остаётся терпеть, чтобы выждать момент, шипящий в моих мыслях, если он наступит. А если не наступит? Хоть и не наступит, я тогда сама придушу хотя бы одного из них своими руками, даже если пострадаю, то всё равно придушу.

Стёрты все грани дозволенного, стёрта прежняя Эмма, я уже не та, я буду бороться, пусть даже захлебнусь в своей крови. Но ты, Франческо, пожалеешь обо всём, я помню, я запомнила. Как только выпадет шанс, Франческо поплатится».

16. Наедине с мыслями

Я в раю? Я умерла?» – говорила себе, открывая глаза. Посмотрев по сторонам, поняла, что обманываюсь.

Так же лежала на кровати, никаких изменений не произошло, пока спала. Встала и посмотрела в зеркало. Лицо опухло от слёз и от ран, болел от удара затылок. Сегодня были другие ощущения. Я уже не чувствовала себя жертвой и убогой больной женой. Злость изнутри просыпалась. Ненависть к Франческо заставила думать над возмездием. Я представляла, как выберусь из этой комнаты. Представляла, как умоляют о прощении, о пощаде Франческо, Руфио, лекарь и чудовище. Представляю, как они сидят в этой комнате, где сейчас я, привязанные цепями, а я беспощадно наношу телесные раны по коже. Они кричат, но я их не слушаю и дальше продолжаю наносить раны, всё глубже и глубже, пока они не потеряют сознание. А потом, когда очнутся, опять начну наносить раны; они снова будут молить о пощаде, кричать от боли. И так будет длиться до самого конца их дней.

Дьявольская улыбка появилась на моём лице. Стал безразличен закон и порядок. То, что они со мной делали и во что превратили, этого было достаточно, и никто не мог меня остановить. Это мой выбор и это моя жизнь, а потом, пускай хоть вешают за это. Мысли сами повторяли себя.

«Я должна отомстить им, они не заставят меня больше причинить себе боль. Я буду хорошей и послушной, но только для того, чтобы выбраться отсюда», – думала.

Во мне по-прежнему таилась тёмная сила. Чувствовала, что ненависть растёт с каждым днем, будто это проклятье, которое не оставит в покое, оно мучает меня, вспоминая все обиды, что причинили мне эти люди, в том числе и Франческо, моя любовь и самая большая ошибка в жизни.

Любовь уже душу не опьяняет, душу теперь опьяняют порывы гнева и ненависть, которая съедает изо дня в день. Разум поддается этим чувствам, безутешные стоны и хриплые крики, которые раздаются внутри, это мои крики. Хочется себя поранить опять, но теперь все мысли направлены на Франческо, я хочу поранить теперь его.

Я настолько была слепа, что создала себе идеального мужчину, идеальную любовь, но её конец был близок так, что никто не знал. Лишь знахарка? Глупая ведьма, которая не могла ничего сказать, а только испугала своими действиями, вела себя как дикарка. Хотя это и была её сущность.

Ещё больше злит, что не могу ничего сделать, я заперта, я пленница и словно горячее блюдо на тарелке для чудовища. Каждый миллиметр моего дыхания, каждая жилка во мне хочет лишь жить не для себя, а для того, чтобы выбраться из этого ада и убить любовь моей жизни, посмотреть ему в глаза и понять, что он меня никогда не любил. Просто не могу в это поверить!

Почему люди не могут любить друг друга просто так? Почему всегда ищут выгоду в отношениях, почему используют друг друга? Я не хочу так, не хочу! Почему кто-то должен любить больше, а другой делать вид, что он любит наравне, но остаётся равнодушным и не привязанным ко второй половинке?

Почему прежде мы должны смотреть на титулы, когда двое влюблённых людей хотят закрепить свои отношения брачными узами? Почему, зачем всё это? Такие правила? Какие же могут быть правила, если человек сам себе вредит! Лучше выбрать несчастную жизнь, но в богатстве, чем счастливую, но не роскошную? Тогда зачем вообще говорить о любви?! Если все только и умеют лишь обманывать, притворяться, лукавить, зачем нужен такой мир? Кому нужен такой мир? Людям? Так почему не мне! Может, потому что я ещё ничего не понимаю, потому ещё ребёнок, только что выскочивший замуж неудачно? Нет, я уже женщина, и я уже познала мужчину задолго до венчания. Те чувства, когда ты с желанным человеком, это чувства безоблачной любви. А когда с другими мужчинами надо просто делить ложе, только знать с кем... это воистину нелепо, хоть и ради семьи. А юных леди заниматься этим заставляют их же родители, которые сами прошли через подобный путь. Почему такое бесчестие и неуважение к женщинам? Ведь у нас есть руки и ноги, как и мужчин. Неужели всё дело в их мужском достоинстве,

находящемся между ног? Но это неправильно! Хоть Бог сотворил нас не первыми, но ради удовольствия. Это не говорит о том, что мужчины должны вытирать ноги о женщин, они, наоборот, должны боготворить их, боготворить и уважать за то, что их создал сам Бог. Самое красивое, что есть в мире, – женщина.

Если бы не это заточение, то Франческо, наверное, тоже бы обращался ко мне неуважительно в постели. Может, он так и поступил, когда у нас была брачная ночь, после окончания конsummации, когда повернул меня внезапно к себе ягодицами. Он, вероятно, так же поступал со всеми своими куртизанками, думая только о себе, а я была просто богатым титулованным влагалищем, в которое бы он потом для разнообразия залазил своими пальцами, и не только, и получал бы удовольствие только для себя. А меня уже не целовал, как до венчания, не трогал моё тело, не любовался улыбкой. И я бы просто была объектом для удовольствия, не человеком, а женщиной. Всё происходящее до венчания – это его хитрая хорошо продуманная ложь.

Не могу ещё до конца этого осознать, ведь так его любила. Я придумала свою сказку, свой мир, своего Франческо, только в жизни так не бывает. Да, в жизни такого не бывает... Всё иллюзорная чушь, выдуманная иллюзия. Это было бы идеальной сказкой, значит, я её не заслужила.

Разговаривала и размышляла сама с собой, расчёсывая волосы, потом платком протирала раны на лице. Ждала хоть кого-нибудь, но сегодня никто не пришёл. И целый день была голодна.

Подумав, что вдруг мой план не получится и они заморят меня голодом, сказала вслух:

– Неужели всё-таки я умру.

Даже эта мысль уже не пугала, значит, никто не будет трогать за время моей гибели. Ну и пусть...

Я была слаба, поэтому целый день пролежала в постели, то спала, то опять просыпалась, потом била подушку, на которой лежала, представляла, что это Франческо. Надо было выпустить хоть немного пара. Нервные истерики сдерживать внутри себя было очень плохой идеей. Со всей силы, что осталась, снова била подушку, кидала её из стороны в сторону, пока силы не закончились совсем. Голод уже настолько привычен, что состояние с небольшой дрожью считалось обычным чувством. Я долго не могла заснуть и всё-таки под утро смогло.

17. Соблазнение

Проснулась от запаха еды. Встав с постели, первым делом села есть. Стоявший рядом стакан с настойкой вылила в ночной горшок. Сегодня понимаю, что пить его не буду, возможно, настойка, про которую говорил Франческо с лекарем, отравлена. Переоделась в новое платье, которое положили на комод. Причесалась и, сидя возле зеркала, думала о том, что сегодня придёт чудовище, так как мне принесли завтрак. Чудовище всё-таки не заставило долго ждать.

– Здравствуй. Как мне тебя звать? Давай начнём сначала. Я тебе не враг, – завела диалог, пока чудовище медленно ко мне направлялось.

Я стояла у зеркала, когда он подошёл и засмотрелся в него, увидев своё отражение, резко отвернулся.

– Эй, не бойся, это просто зеркало. Давай будем друзьями?

Чудовище повернулось, я подставила шею; сделав укус, он стал пить кровь. Конечно, было неприятно, но уже будто привыкла к этому. Человек ко всему привыкает.

После того как он испил положенного, опять к нему обратилась:

– Хочешь, сделаю тебе приятное? – он просто смотрел, молча, и поняла, что ждёт действий, – тебе нужно присесть, – он сел на кровать, я тоже под села и потянулась к его мужскому достоинству. Он всхлипнул.

«Что я делаю? Зачем я это делаю?» – сама ничего не понимала, но будто была не в своём сознании, будто кто-то мысленно приказал, и стала это делать.

– Я аккуратно, тебе понравится, – сказала.

Моя рука прошла в штаны чудовища, и почувствовала, как там напряглось, стала трогать правой рукой медленно, а потом быстро. Его уродливое лицо улыбалось, закрыв глаза, сидел и наслаждался моими прикосновениями. Я смотрела на него с отвращением, мне хотелось его убить, но ещё не время.

Когда эти мысли вообще прокрались в мою голову? Или это импровизация?

В первую очередь он мужчина, значит, надо доставить ему удовольствие и соблазнить, чтобы чувствовал ко мне привязанность, пусть даже и плотскую. Мои движения сменились на быстрые, через минуту раздался его всхлип. Я убрала руку, он встал и ушёл. А я испытывала только отвращение, ненависть и злобу, но потерплю. Ополоснула руку, полив из кувшина, и легла под одеяло.

Как ни в чём не бывало, будто этот режим для меня приемлем. Слабость никак не покидала, и опять заснула.

Проснулась от скрипа двери, вошёл лекарь.

– Госпожа, вы спите? – повернулась к лекарю и улыбкой встретила его.

– Да, я дремала. Слабость не проходит. Что со мной?

– Госпожа, я пришёл как раз вас осмотреть, – он нагнулся и посмотрел на моё израненное лицо.

«Хорошо, что он не стал смотреть запястья», – подумала про себя.

– Что с вами? Кто вас ранил?

– Это я случайно упала, не обращайтесь внимания, – ответила, выдавливая из себя улыбку.

– Я принес лекарственную настойку, как раз смажем ваши раны, – осматривал и слушал моё дыхание.

– Ваше самочувствие стабильно, вы поправляетесь. Выпейте стакан лекарственных трав.

– Хорошо, я чуть позже выпью, – ответила, понимая, что это никакая не лекарственная настойка.

– Нет, госпожа. Вы должны выпить её при мне сейчас.

«Чёрт», – подумала, смотрела на лекаря, как волчица, которая ещё секунды три, и растерзала бы. Я сдерживала себя от безумных мыслей.

– Хорошо, – ответила, и он поднёс настойку ко рту.

Времени на отравление нет, надо быстрее спастись. Каждый день на счету, вдруг я буду совсем не в своём здравии. Я смотрела на настойку секунды три, потом набралась храбрости и выпила. Затем он промокнул платок в другую настойку в маленьком бутылке, которую достал из своего чемоданчика и стал смачивать ей мои раны на лице.

– В следующий раз аккуратней будьте. У вас такое красивое лицо, это ваша радость, нельзя, чтобы такую радость отняли, – приговаривал, а я отчужденно молчала.

Так и хотелось ему что-нибудь сказать, но всё же ещё не время.

Он ушёл. Меня опоили, и я больше не могла ни о чём думать, просто хотелось спать. Но чувства просыпавшегося гнева и зла ощущала ещё больше. Хотелось придушить этого лекаря на месте, чтобы он замолчал навеки, а его разговоры чтобы больше никогда не слышала. Никогда... Зубы скрипели и сдерживали эмоции. Ненависть – как ребёнок, сначала зарождается, потом её надо кормить, а потом выпускать на волю.

Отвар, который день изо дня губил меня, усыплял; и веки наполнялись свинцом, а кожа всё более и более белела. Я заснула.

18. Притрава чудовища

Сегодня день следующих побед, о которых я пока умолчу на время. Это просто мои планы, я не знала, к чему они приведут.

Я позавтракала и осталась в пижаме. На полу возле кровати постелила простыню и осталась на ней сидеть. Было ощущение, что я персонаж, который живёт по книге, а на что-то новое просто не хватает лишних страниц. Я будто расписана по часам, но это однообразие не пугало, у меня сегодня был совершенно другой настрой. Я знала, что это уже не я, не та Эмма Орлеанская, которую всегда знала. Это пугало, и не знала, что можно было теперь ожидать от себя.

Время... Как по часам чудовище открыло дверь. Он подошёл и встал на колени, я так же сидела на простыне и наклонилась к нему, чтобы он мог попитаться. Как ни странно это звучало, но всё же я это делала. О моём настроении нельзя было говорить, потому что безразличие и тоска поселились в душе уже давно. Испив кровь, он собрался уходить.

- Подожди, - дотронулась до его руки, очень боялась, но всё-таки это сделала, его нельзя было просто так отпускать, - я хочу тебе кое-что показать, тебе понравится. Мы же друзья? - он смотрел с любопытством. Я встала на колени и стала расстегивать пижаму, обнажая бюст.

- Смотри, помнишь, тебе нравились они? - сказала и прикоснулась к своей правой груди, - хочешь потрогать? - взяла его руку и прислонила к телу. Он аккуратно дотронулся, потом приблизился, и его уродливое лицо уткнулось в мою грудь, он стал её лизать. Я ждала, когда закончит, мой грустный потупленный взгляд смотрел в пол, был отстранённым и безразличным. Я не ощущала, что это моё тело, и удовольствия не испытывала, просто делала то, что надо, чтобы помочь себе выбраться. Столько слюней он оставил после себя!

После того, как закончил лобзать грудь, смотрел на меня, я немного перепугалась: рука коснулась ран на лице, он смотрел прямо в глаза. Может, выражал так симпатию? Потом ушёл. Вздохнула и застегнула пижаму. Потом ходила по комнате, ожидая лекаря, но он так и не появился. Заснула.

19. Шаг навстречу

Мне приснился грустный сон, ещё не проснувшись, уже начала реветь, а потом плакала ещё минут пять. Снился длинный лабиринт, по двум сторонам которого были двери, не помню, от чего бежала, но это было что-то страшное, и очень боялась. Пробовала стучать и открывать каждую дверь, но все они были заперты. Растерянная, думала, что не смогу спастись, но бежала вглубь тёмного лабиринта в своей же пижаме, только она была длинная и волочилась по полу. Я споткнулась, упала, встала и побежала дальше, к следующей двери. Убедившись, что и она не открывалась, побежала в другую сторону, к другой двери. И так я бежала долго. Чувства безысходности и отчаяния так затронули моё сознание, что начала плакать, а слёзы появились не только во сне, но и выступили наяву тоже. Думала, что не спасусь от тьмы, бегущей за мной. Но тут появилась вспышка прямо в конце туннеля, она светила в глаза, я бросила затею открывать двери и побежала на свет. Подумала, что это спасение, и бежала так быстро, как могла. Потом я проснулась.

Почувствовала боль в душе, она сжимала сердце. Сжимала изо всех сил, но я смогла успокоиться.

Не хотела есть, организм, наверное, уже сдавался, только я ещё этого не понимала. Смотрела на свои пальцы и увидела обручальное кольцо, про которое уже и забыла. Оно было на мне до сих пор. Вся любовь была ложью и фальшью. Я сняла кольцо и положила на комод.

Отец, как всегда, был увлечён своей пассивностью, даже не попытался узнать, как я поживаю, а я ему написала ещё письмо.

Как там матушка? Мне хотелось её увидеть, она совсем беспомощная и больная. Мы про неё забыли, оставили одну. Как мы это смогли допустить, это же самый родной человек на этом свете? Какие же мы люди после этого? Мы сами и есть чудовища! Обвиняя других в ошибках, сами не видим, что ошибаемся, но указываем на ошибки другим. Имеем ли мы вообще на это право? Кто тогда укажет на наши ошибки? Или мы будем раскаиваться только тогда, когда уже вернуть будет нечего? Мы сами как животные, хотя всегда сторонимся сравнения с ними. Но это правда! Мы даже порой бываем хуже наших младших братьев и поступаем так, как даже инстинкты им не позволили бы сделать. А теперь и я тоже, как матушка, беспомощна и больна. Возможно, это наказание. Наказание за то, что я её не навещала. Я забыла о ней, убегая от мыслей о маме, утешаясь конюхом. Мне было больно, и я не хотела принимать эту боль.

Матушка, а может, это ты меня наказываешь за всё, что было? Или может это наш Создатель наказывает за трусость, за то, что сдалась, за то, что тебя не навещала и не боролась против болезни. Поэтому я здесь?

Я попыталась съесть ложки две бульона, больше не смогла. Я ещё не могла отойти от этого сна и была в заторможенном состоянии. Не было сил ждать чудовище, но заставляла себя не уснуть, пыталась вспомнить то, что наметила; вспомнила о том, что хочу выбраться отсюда.

Да, я устала от всего, но выбора сейчас нет, и должна попытаться ещё раз что-нибудь сделать. Опять постелила простыню на пол, причесалась и ждала его. Минут через десять он вошёл, я натянула улыбку.

– Здравствуй! Ты так и не сказал, как тебя звать? – обратилась, он не спеша подошёл и присел подле. Молчал, нагнувшись к шее, провёл по ней носом, сказав одно слово:

– Лео, – укусив, начал пить кровь.

«Значит, Лео... Хорошо, Лео», – говорила про себя.

Мои руки обычно беспомощно висели, но сегодня я его обняла, придерживаясь, чтобы не упасть. Чувствовала, что нравлюсь ему. После того, как он испил, взял меня на руки. Не понимала, что он хочет, и это в планы не входило.

Он понёс меня к кровати и аккуратно положил, сел подле, приблизившись опять к шее, и сказал тихим хриплым голосом:

– Не бойся.

Мне стало всё равно страшно, не знала, что он задумал, он сильный и большой, я не могла ничего поделаться своими хрупкими маленькими ручками и ножками. Он растягивал пижаму и смотрел на обнаженный бюст. Я же смотрела на него с опаской. Подумала, что он хочет просто посмотреть на моё тело или потрогать его.

«Чёрт, что ему от меня надо?» – думала в этот момент.

– Лео, что ты собираешься делать? – он пригрозил мне пальцем, я действительно очень испугалась.

Задрал пижаму, я привстала на ладони и, глядя на его действия, смотрела, что будет. Он ещё раз взглянул в лицо, и пришлось всё-таки прилечь и не подсматривать, закрыв глаза.

В мысли стали приходить ужасные вещи. Нет, этого я не могу позволить. Стала вырываться, но с этим пока не везло. Он накинута на меня и опять сказал:

– Не бойся.

Ничего не оставалось делать, как ждать, а ожидание – это очень болезненная вещь. Стянул с меня нижнее бельё и провёл своим пальцем по моим бутонам цветков, потом наклонился и стал лизать мои чресла, при этом медленно раздвигая мне ноги.

Он так тщательно пытался попробовать вкус моих чресел, что чувствовала, как его язык проходил сквозь щёлки, ноги мои напряглись, и вот уже они были согнуты в коленях.

Чудовище осознавало, что делает приятно, судя по его стараниям – мои вздохи утяжелялись, а ягодички расслабились. Он доставил десять минут удовольствия, я лежала с закрытыми глазами и ждала, что будет дальше. Потом он встал и ушёл без всяких слов, я попыталась его остановить.

– Лео, подожди! – сказала вслед, но он, будто опять не понимая, даже не обернулся.

Я сняла пижаму полностью и переоделась в новое свежее платье, которое принесли вместе с завтраком.

Потом улеглась на кровать и была в таком расслабленном состоянии, что хотелось повторить, только не с чудовищем, а с каким-нибудь милым красивым парнем. Я была отдохнувшей и спокойной, несмотря на свою слабость и хрупкость; дрожала и всё равно его боялась.

Вот что нужно, чтобы женщине стало хорошо, надо ей тоже доставить удовольствие и просто залезть под юбку. Для меня это было такого рода расслабление, будто бы приняла горячую ванну.

Взяла дневник и стала писать о сегодняшнем дне. Не дописав про случившееся, закрыла дневник, потому что вошёл лекарь. Я положила дневник на комод и поприветствовала.

– Добрый день, лекарь.

– Добрый день, госпожа. Хорошее настроение – это признак выздоровления, – сказал он и засмеялся, но меня его смех не обрадовал, я пыталась выдавливать улыбку.

– Лекарь, а могу я разнообразить свой рацион? Неужели мне ничего совсем не положено? Очень бы хотелось на ужин индейку.

– Госпожа, я вас понимаю. Это хороший признак – появление аппетита. Но надо закончить курс лечения. И потом вы обязательно сможете съесть и индейку, и целого кабана. А пока выпейте мою настойку.

– Зачем, вы это делаете? Сколько они вам предложили?

– Госпожа, я не понимаю, о чём вы говорите.

Мне не хватало больше терпения, всё надоело, мысли кипели, ненависть разрывала

после того, как осознала, что натворила с чудовищем.

– Сколько вы будете меня мучить? Сколько? – чуть ли не навзрыд на повышенных тонах спрашивала.

– Успокойтесь, госпожа, – поднялся лекарь, – чувствую, что вы уже не в состоянии продолжения беседы, – сказал, заикаясь, и ушёл.

После того, как он закрыл дверь, кинула стакан вслед, тот разбился вдребезги. Поджав коленки и нагнувшись к ним головой, стала плакать оттого, что всё надоело, оттого, что план побега рушился, и я себя не смогла сдержать.

Потом со всей злости стала кидать постель на пол, пыталась сдвинуть свою кровать, словно в меня вселились черти, швырять стул, который стоял возле комода, бросила в зеркало свой дневник, и только отражение в разбитом зеркале остановило. Глядя в зарёванные глаза, смотрела на своё отражение и видела, до чего дожила: как сумасшедшая разбрасывала вещи, уже сама превращалась в зверя.

Одинокая, никому не нужная, я оставалась в живых из-за каких-то бумаг, своего наследства, которое хотел прибрать к рукам мой муж. Неужели он всё это планировал долго? Эту темницу, в которой буду сидеть. Всё это... И чудовище, которое меня будет мучить, а я постепенно, спустя несколько месяцев, сойду с ума. И это враньё... Нет никаких нас, нет никакой любви! Всё это одна сплошная ложь! Я такая дура... Всё было ложью, и меня совсем никто не любит. Никто... И я здесь одна, и только буду себе нужна.

А если буду надеяться? Значит, выход обязательно найдётся, и должна буду верить в то, что смогу выбраться. Я смогу, пусть и не сейчас, но должна взять себя в руки изо всех сил, что у меня остались. Я не хочу быть сумасшедшей, не могу, ради своей матушки, я хочу её так сильно увидеть, обнять и сказать, что она не одна, я буду всегда рядом.

Сегодняшнее состояние меня сильно вымотало, легла в постель и заснула.

20. План побега. Игра началась

Проснулась, и моё состояние было обнадёживающим. Ела бульон, сегодня он был острее, чем обычно. Переделалась в новое платье, потом сидела возле комода и разглядывала себя в разбитое зеркало: все свои шрамы, включая шею и на половине лица. Раны заживали, и казалось, будто поцарапали кошки. На запястьях то же самое, но кожа между ранами розоватого цвета, наверное, воспалялась.

Ожидание... Время. Эта мрачная темница... Так долго всё тянется, будто застряла в бесконечности. А бесконечность – это невыносимо. Душа кричит и разрывается на части каждый день. Как себя сберечь?

Лео сегодня был в новом плаще, старый, помню, был потрёпан.

– Здравствуй, Лео, – сказала я, обращаясь к чудовищу. В ответ послышался хрип.

– Мы же с тобой друзья?! А друзья исполняют желания друг друга, ведь так? – Лео приклонился на колени передо мной и взял за руку, лизнув языком ладонь, потом отпустил её, я улыбнулась.

– Давай поиграем в игру, ты просишь сделать что-то для себя, а в ответ я прошу сделать что-то для меня. Только желания нужно обязательно исполнять, а то игра не получится, – не успела сказать, как уже послышался ответ.

– Я хочу играть с тобой, – прохрипел Лео.

– Хорошо. Лео, ты первый, – сказала я и пошатнулась. На мгновение стало так дурно.

«Чёрт, наверное бульон, не зря был острым», – подумала.

Не могла стоять и присела на кровать, чувствовала, что состояние организма ухудшается, и если не поем, то не смогу выбраться отсюда, просто не дойду. Лео глядя на меня, помог присесть.

– Я больна, Лео, если я не поем, то я умру, и ты не сможешь питаться мной, – тихим голосом сказала я.

– Когда ко мне придёшь в следующий раз, принеси мне что-нибудь из еды, можно всё, что тебе попадётся – яблоки, мясо, всё буду есть, – я так говорила, будто действительно морально была готова к смерти.

Лео смотрел на меня жалобно, будто я ему была дорога.

«Лучше жить так и отдаться воле Бога или лучше умереть? Ведь есть и третий вариант, – а может, сойти с ума проще? Нет, всё-таки сумасшедшей жить не хочу. Капля за каплей, шаг за шагом, чувствую, что перехожу через своё сознание, прыгаю выше своей головы, потому что уже действительно делаю то, что не могу, я уже просто не в силах так жить в четырёх стенах. Незнание пугает, неведомое мне будущее – ещё больше, и я об этом не могу думать, надо научиться отгонять от себя мысли. Но это так тяжело, когда с собой наедине и когда никто не слышит, и не поговорить с кем-то. Иногда дрожу в агонии и несу всякий бред со слезами, потому что терпение моё не безгранично, словно внутри ломается каждая косточка, каждое ребро. Внутреннее кровотечение, его не видно, но оно наносит вред, и рана уже не заживёт. Я верчусь в кровати из стороны в сторону от безделья, от бездействия, от невыносимой тоски и одиночества. Каждый раз говорю одно и то же, мысли одни и те же, я думаю постоянно об одинаковом и переживаю за себя. Хочется ходить на потолке, лазить по стенам, лишь бы что-то делать, но моё состояние не позволяет много двигаться и по комнате, я быстро устаю».

Закрела глаза и ничего не чувствовала. Не было сил оставаться в сознании, просто отключилась. И не знаю, проснусь ли я...

21. Поцелуй «Смерти»

Проснулась поздно, когда услышала скрип двери, оказалось, что это был Лео, на комоде опять стоял бульон, но мне нельзя его есть. Лео подошёл к кровати, поднял рубаху, и на кровать посыпались фрукты и запечённая утка с яблоками. Я улыбнулась и посмотрела на Лео, он был таким страшным и убогим, кто бы мог подумать, что такое чудовище может чувствовать и быть добрым.

– Лео, спасибо, – сказала, медленно пробуждаясь, приподнялась, сев на подушку. Взяла яблоко и стала его кусать, кусок за кусочком, наслаждаясь его запахом, просто ожила. Потом съела половину утки, как дикарка глотала куски жадно. Лео всё это время сидел со мной на кровати и наблюдал, как я ем. Остальные фрукты попрятали под матрас.

Улыбалась, и он улыбался вместе со мной, даже посмеивался. Но я не обижалась, что ему было смешно, как я ем. Он ушёл. Я вылила бульон в ночной горшок, присела за комод, открыв дневник, и стала писать:

«Мой дорогой дневник! Извини, что не могла писать несколько дней, я была больна. Сегодня я хочу рассказать тебе о Лео. Я всегда в нём видела только чудовище до этого дня, потому что даже у чудовищ есть чувства. Даже Франческо – красивый, но такой злой. Лео хоть и некрасив, но у него есть душа. Да, он не такой как все и питается кровью. Кто его сделал таким? Как он стал таким? Раньше он был груб, он дикарь и разговаривает шёпотом.

А может, мы оба заточённые: я в этой темнице, а он в этом поместье? Два невольных человека, два одиноких человека. Интересно, есть ли у него семья? У меня всё сложилось неудачно в браке, а брак для девушки – это её жизнь, значит, и жизнь у меня не сложилась. Не обессудь, прости, может, в этом и моя ошибка: просто была эмоционально погружена в чувства, в любовь и совсем не могла думать, когда сердце билось при виде Франческо так, как никогда не билось. Я сама виновата, что пустила в свою жизнь этого человека, не разглядев обманщика. Я вспоминала его слова, его ласки и всё, что он мне говорил. Так искренне, что была одурманена его нежностью, красотой, его поцелуями и просто кинулась в омут с головой. А он умел хорошо врать, обманывать так, чтобы походило на правду. Но также нельзя, а как же любовь, а как же счастье, неужели этого нет в нашем мире? Всё просто по расчёту, все используют друг друга и общаются только из-за корысти.

Почему я живу в этом злом и беспощадном мире? Я не хочу знать бездушных людей, а проживая в мире с нежностью, можно легко стать со временем такой же. Полюблю ли я кого-нибудь сильнее Франческо? Ведь была готова отдать ему всё: себя, богатства просто так, если бы он попросил. Я была готова раствориться в нём, только бы он всегда был со мной. Неужели я до сих пор его люблю? Люблю и ненавижу... Любовь кипит в ненависти, а ненависть съедает любовь. А боль не проходит, она как яма, как дырка в сердце, которая неизвестно когда заживёт. Когда же заживёт? Может, ты знаешь, мой дорогой дневник?»

Ближе к вечеру пришёл лекарь, я к тому времени уже лежала в кровати. Боялась, что, по моему веселому состоянию, он поймёт, что что-то неладно, и сжимала улыбку изо всех сил.

– Госпожа, так от чего у вас шрамы на шее? – сев на кровать, спросил лекарь. Он застал врасплох, и я не знала, что ответить: правду или солгать?

– А от чего они у меня?

– Это я спрашиваю у вас, госпожа.

– Ну... это чудовище... – с сомнением начала, доктор в ответ рассмеялся.

– Душечка моя, какое чудовище, вы здесь всегда одна. Может, это вам привиделось?

Я право не знала, что и отвечать:

– Наверно... – медленно, с опаской произнесла.

– Вот видите, вы потихоньку признаёте. А теперь вспомните эти моменты. Вы сами себе наносите раны? – я остолбенела.

«Он хочет поставить диагноз, что у меня расстройство психики? – подумала и вспомнила о Франческо. – Это ведь он всем этим делом заведует и хочет записать в сумасшедшие. Каков подлец! Если буду всё отрицать, то чаще будут опаивать отравой, а если признаюсь, то вскоре документы, которые я должна подписать. Что мне делать? Что? Думай, думай!» – говорила про себя.

– Я очень люблю Франческо и сделаю всё, что он попросит, так ему и передайте.

– Рад, госпожа, что вы это осознаёте. Не буду вас тревожить более, – сказал лекарь и удалился.

Я повернулась на бок расстроенная, чувствовала себя предательски обманутой.

«Франческо, как мне теперь тебя забыть навсегда? Я помню тебя совсем иным, и добрая твоя половина души меня не покидает. Ты как камешек осел у меня на груди, и я его не могу вынуть.

Всему есть конец и всё когда-то заканчивается, чем быстрее это осознаю, тем легче будет жить. Но так сложно терять близких людей, кажется, что это несправедливо. Жизнь несправедлива. Это злой рок. За золото, за власть борются, а потом теряют лицо и становятся чудовищами, как мой муж. Для них это самое важное в жизни, важнее человеческой души. А что со мной потом будет, об этом никто не думает? Сколько ещё страдать и быть больной? Почему, почему Франческо?

Если бы ты просто попросил, я бы всё отдала тебе, всё равно не имею права распределять все наши средства. Неужели я тебе так противна, что послал Лео. Я лишь кусок обогащения, глупая влюблённая девчонка. Как же получилось, что не видела тебя настоящего, не разглядела в тебе червоточину? Правда в том, что я наивна и глупа, и это сейчас признаю», – размышляла.

Вспомнила день, когда посещала знахарку:

«Как бы события повернулись, если бы она тогда меня ударила и я потеряла сознание? Может быть, я пробыла у неё какое-то время в плену, может быть она хотела уберечь меня от этой участи, только я сама себе навредила. Хотя, может, она пыталась меня убить, но зачем? И вот теперь я здесь. Надо было прислушаться к своей сущности, не зря мне снились дурные сны до венчания. И матушка... она просила сделать обряд! Что я наделала!»

В голову пришла идея. Мне необходимо было встретиться с всадником Смерти, повторить свою медитацию, он как раз мне говорил о душах, которые ему нужны, а если я ему отдам эти души?

«Как же смогу отдать душу Франческо, которого до сих пор люблю? Нет, я всё-таки смогу! И то, что он со мной сделал, этому прощения нет. И я попробую», – хотя возможно это был просто бред уже отчаявшейся девушки, ведь я не верю во все эти вудуистские штучки. Но во что только не поверит человек, загнанный в угол. Тем более, от своих кровей, по которым течёт кровь моей матери-ведьмы, не сбежишь.

Я приготовилась, удобно сев на кровать, скрестив ноги, и сделав глубокий вздох, погрузилась в медитацию. Темнота меня ждала, я отбросила все мысли, хотя они пытались приглушить моё состояние, но выбросила всё из головы, расслабившись. Я шла в темноте, оглядываясь во мраке, передо мной показался красный свод, пошла к нему. Всадник сидел на коне и смотрел на меня; почувствовав прилив сил, побежала к нему босой по лужам крови. Мне хотелось увидеть его и попросить о помощи. В этот раз я не боялась. Он протянул руку, и я запрыгнула на коня, сев спереди, он дёрнул за узду и конь тронулся.

– А я тебя ждался, – сказал Смерть, приблизившись к шее черепом, будто целуя её, прикоснулся, но мне было приятно.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала я.

– Есть душа?

– Да, есть.

– Хорошо.

– Я хочу, чтобы он умер.

– Хорошо.

– Что мне нужно для этого сделать?

– Не спеши... Расслабься, ты вся напряжена, отпусти свой мир. Ты сейчас только здесь, со мной, Эмма, – сказал он, и я почувствовала небольшое волнение, связанное с приятным возбуждением. Закрыла глаза и попыталась успокоиться, тело стало расслабляться: сначала губы, потом руки, шея, и вот тело превратилось будто в варёный кусок мяса.

– Теперь тебе нужно сосредоточиться, представить лицо той души, которую ты мне отдашь. Мысленно передашь его отражение своим поцелуем.

– Хорошо, я готова, – согласилась.

Я снова закрыла глаза и представила лицо Франческо, его красивое лицо, потом в чувствах закипела ненависть и злость, желание мести, я повернулась к Смерти, открыв глаза, изображение было в моих мыслях. Я дотронулась до его черепа, он был прекрасен.

«Что я вообще делаю...» – подумала вдруг.

Смерть, нагнувшись ко мне, стал жадно целовать мои губы, руки ослабли, я была полностью в объятиях Смерти. Отражение Франческо всё сильнее проявлялось, и я его мысленно отдала Смерти для завершения ритуала. Чёрная жижа выливалась изо рта Смерти и попадала в мой рот, горькая, словно это была его кровь. Он обхватил меня сильнее, и уже не знала: целую я его из-за Франческо или из-за того, что это самой нравится. Я продолжала его целовать, появились желания причинить вред Франческо, я хотела его смерти, но мучительной, чтобы он умирал по кусочкам. После поцелуя вытерла рот от жижи и спрыгнула с коня.

– Цена слишком высока, Эмма, если ты вдруг передумаешь. Скрепление сделки будет тогда, когда ты будешь полностью к этому готова. Я чувствую, что ты ещё колеблешься. Если не его смерть, то я заберу тебя. Помни это. До встречи... – сказал Смерть и поцеловал мою руку.

– Постой! – крикнула я, находясь в смятении, не понимая некоторые вещи.

«Значит, мы ещё не заключили сделку? Как мы будем её скреплять? Я, правда, готова!» – говорила про себя, беспокоясь, что моя мольба не была услышана.

Я не успела задать тревожащие вопросы, всё опять поглотилось во мрак, и мысленно отпустила иной мир. После этого открыла глаза, облокотилась на подушку и задумалась, заурчал желудок. Подумала о своей медитации:

«Верить в это, не верить? Верить! Надо верить. Это мой выбор».

Посидев минут пять, легла спать.

22. Нежданный друг

Новый день, всё как обычно. Бульон, новое платье, кувшин с водой, сменили ночной горшок, положили простыни, зажгли свечи.

«Как я ничего не слышу, когда сплю? Ни шума, ни шорохов. Неужели так могу крепко спать? Это всё их снадобье! Они могут сделать всё, что захотят! О, Боже, как мне это всё надоело! Терпение, только терпение», – рассуждала про себя.

Сегодня снился сон, тяжёлый и грустный. Я видела всех своих кузин, видела будущих мужей кузин, они были все счастливы. Я была в мамином саду и шла прямо к ним, они сидели в беседке, думала, что они меня примут, приблизилась и увидела рядом с ними своих нянечек, своего бывшего конюха. Они о чём-то бурно разговаривали, я хотела присоединиться, войти в их круг, но, увидев меня, они будто все перепугались и, отвернувшись, быстро пошли в другую сторону.

Я кричала вслед:

– Подождите, а как же я!

Они на меня смотрели таким осуждающим и жалким взглядом, будто не хотели со мной общаться и иметь что-то общее. Не понимая, что происходит, побежала в дом, который стоял напротив. Старый, трёхэтажный, большой дом, сама не знала, почему туда бегу. Поднималась по лестнице и хотела найти Франческо, но услышала смех и хохот ушедшей от меня толпы, они опять вернулись и сели в ту же самую беседку. Я увидела их через балкон на верхнем этаже, потому стала быстро спускаться вниз. Вышла из дома и, увидев их, прошла стороной. Они сильно косились, будто я была изгоем.

В тот момент чувствовала себя одинокой, даже моя любимая Роза смотрела, будто на врага. Я чувствовала пустоту, понимая, что в этом мире у меня никого нет, совсем никого, и шла по нашему саду дальше; отчаянность вела по зелёной тропе, и я шла и ревела, даже первая любовь меня не желала знать.

Я хотела увидеть Франческо, шла и думала, что встречу, но его нигде не было. Я была одна. Потому оглядывалась по сторонам, жуткая боль охватила сердце, невыносимая тоска и отчаяние подкралась и незаметно остались в душе. Я не могла стоять в саду одна, мне нужны были чья-то поддержка и любовь. Тут и проснулась от этих обострённых чувств.

«Какой ужасный сон, не хочу больше такое видеть», – подумала, вытирая слёзы. Возможно, на меня давит эта атмосфера, я постоянно одна. А если навсегда останусь одна, умирая в этой комнате, моя душа не сможет успокоиться и так и буду скитаться по миру, как неприкаянная?

– Зачем, Господи, обрекаешь на эти муки! Зачем показываешь, как я несчастна? Я знаю, я и так несчастна. Что ещё могло прийти в голову за эти дни? Я боюсь себя! – выдавливая голосом звуки, прокричала в потолок.

Встала и вылила бульон, всё как обычно, ожидая Лео. Сегодня он пришёл позже обычного, на удивление я обрадовалась. Он взял за руку и потянул за собой.

– Куда мы идём, Лео? – спросила, но он не отвечал, а просто похрипывал. Мы направились к выходу.

«Что он хочет сделать?» – встревожено думала, но была рада происходящему.

Мы вышли из подвала и направились в трапезный зал. Я еле поспевала за Лео, так как его шаг был шире, я просто припрыгивала. Он отвел меня в трапезный зал и, прохрипев, сказал:

– Ешь.

По-видимому, никого в поместье не было. Я набросилась на куриные грудки. Ела как дикарка. Ну, а как ещё есть, когда уморили голодом?

Взяла первый попавшийся на глаза мешок и туда побросала всю еду, что была на столе. Лео стоял напротив двери, перекрывая выход.

Значит, он меня не отпустит. Шанса на побег не было. Была ещё вторая дверь в трапезном зале, чёрный выход.

«Как мне отвлечь Лео, ведь я уже всё набрала в небольшой мешок?» – думала про себя и неожиданно произнесла:

– Лео, отпусти меня. Ты знаешь, что я умру здесь, – но Лео захрипел и, судя по его сердитому взгляду, ему явно не понравилась моя просьба. Взял за руку, я схватила мешок с едой, и повёл обратно. Я разревелась, так как не могла вырваться, не могла ничего сделать, такой была слабой.

А если взять ножевые предметы? Я бы проиграла, мне не потягаться с Лео.

Пришли обратно в подвал, кинула под кровать мешок, Лео стоял и ждал, вероятно, хотел испытать моей кровушки. Подошла к нему, наклонила шею, вскрикнув от боли. Лео прокусил гладкий участок кожи, где ещё не кусался клыками, и наслаждался кровью. Потом сразу ушёл, вслед я крикнула ему:

– Спасибо!

Начала думать, куда перепрятать мешок, выкладывала еду и складывала под матрас, так как матрас они точно не меняют, и туда заглядывать не будут. Я набрала утиных и куриных грудок, сдобу и яблоки. Теперь на какое – то время голодной не останусь.

Только-только уложила еду под матрас, как пришёл лекарь. Я быстро и непринужденно легла под одеяло. Лекарь пришёл со снадобьем, как всегда.

– Здравствуйте, ваша светлость. Как ваше здоровье?

– Бывало и получше, – ответила и фальшиво улыбнулась.

– Пейте, – протянул лекарь бокал со своей отравой, я его выпила. – Завтра я к вам приду с документами, как раз к вечеру они будут готовы. Ваш муж сегодня с ними приедет.

– Какие документы я должна подписать?

– Завтра и узнаете, госпожа. Лучше отдыхайте и не думайте о плохом, – лекарь ушёл, забрав бокал.

Я погрузилась в яму страха и смятений завтрашнего дня. Более не могла думать, так как снадобье начало реакцию в теле, я засыпала, силы уходили.

– Меня отравили, – это последнее, что сказала вслух тем вечером, крепко засыпая.

Яд с эффектом снотворного медленно убивал печень, головные боли по утрам, слабость, бессилие. Ещё месяц, и меня можно хоронить, потому что печень откажет, начну кашлять кровью, слабо мыслить, перестану вставать с постели, яд понизит мою иммунную систему. Только времени остаётся меня погубить.

23. Скрепление сделки со «Смертью»

Открыв глаза, увидела тень, присмотрелась – это Лео сидел подле и смотрел, как я спала. Его взгляд был тяжёлым и грустным, будто провожал меня в мир мёртвых. Мне совсем нездоровилось, и он это понимал. Боль и пустота жили у меня в душе. Показалось, что он будто жалеет своим взглядом, но от этого не легче.

– Лео, я умираю, – попросила, кожа всё бледнела изо дня в день, сильно болел живот, вроде бы размышляя о планах, будто всё равно падала и не могла выкарабкаться из этой коробки, из этого ада.

– Лео, неужели я такая слабая?! – спросила, хотя это, наверное, не вопрос, а просто констатация.

Мои глаза покраснели, две капли слезы проронила на щёку. Лео понимал, что если выпьет сейчас мою кровь, то точно не доживу до следующего раза. Просто сидел и молчал.

– Лео, давай поиграем? – через боль улыбалась я, чуть приподнявшись на подушку. Лео оживился и помотал головой, жестами, говоря «да».

– Хочешь, я тебе завтра добуду очень много крови? Теперь моя очередь добыть еду для тебя, – Лео опять помотал головой.

Я не понимала, что сама говорю, мне было уже без разницы, получится ли у меня сбежать или нет.

– Но ты должен сегодня, когда уйдёшь, не закрывать двери и в полночь ждать меня в трапезном зале, хорошо? Не забывай, мы друзья, я сейчас болею, но у тебя будет крови больше, чем обычно. Кровь будет не моя, она будет вкуснее, – в ожидании затаила дыхание.

Но Лео прохрипел:

– Нет... – и ушёл.

Меня охватила ярость и в то же время усталость. Всё надоело, хотелось расцарапать его уродливое лицо, но ему повезло, что я не в состоянии. Под матрасом нащупала грудь, чтобы хоть немного поесть перед тем, как придёт лекарь. Стало чуточку лучше. Потом я нашла в себе небольшие силы встать и вылить бульон, выпила воды из кувшина, и легла обратно, закрыв глаза. Тело и душа кричали, что надо что-то делать, это конец, я не могла больше здесь находиться. Обязательно что-то надо делать. Не успела разобраться со своими мыслями, как вошёл лекарь.

– Здравствуйте, ваша светлость.

– Добрый день.

– К вашему, наверное, счастью, Франческо задерживается на день, только завтра прибудет, – от этого известия во мне будто что-то переклинило.

«Это шанс, это знак!» – говорили мысли, самое приятное известие за всё это время.

Душа наполнилась надеждой, я верила, я должна верить! Лекарь протянул снадобье, я выпила его, не задумываясь. Потом он ушёл.

Я знала, что дело не пойдёт, если во мне будет снадобье. Сползла с кровати и подошла к ночному горшку. Встав на коленки, засунула два пальца в рот, чтобы хоть немного избавиться от отравленного снадобья. Было неприятно и тошно, но что не сделает человек ради своей жизни. Казалось, будто я уже сама превращаюсь в Лео, веду себя как первобытная, нервная, отчаянная дикарка.

У меня получилось: выдавливая из больного живота отравленное зелье, я скрючилась на полу, потом дотянулась до простыни и вытерла рот, после этого я выпила из кувшина немного воды. Захотелось есть, села на кровать и принялась доставать из-под матраса оставшиеся грудки. Я ела быстро, почти не пережевывая. Мою трапезу прервал шорох в

двери, быстро всё убрала под матрас и залезла в постель. Была удивлена, что ко мне пришёл Лео. Что он здесь делает?

«Не убить ли меня он хочет? Испить моей крови?» – думала про себя.

– Лео, что ты здесь делаешь?

– Я пришёл сказать, – прохрипел он и подошёл к кровати.

– Что сказать? – затаила дыхание, страх пронизывал тело, потому что я не знала, чего ожидать от него.

– Что я хочу.

– А что ты хочешь? – с непониманием спросила я, он присел на кровать и потянулся к щеке.

– Тебя, – я опешила.

– Лео, мы же с тобой играем в игру? И взамен того, чтобы оставить открытыми двери ночью, ты хочешь разделить со мной ложе?

– Да, я приду сегодня ночью, – сказал и вышел.

Мои руки опустились, стала реветь в подушку, чтобы крики я и сама не слышала.

«Боже, что мне делать? Я сама виновата, что позволила себя целовать тогда», – кричала в подушку.

Я не могла представить эту картину и ходила по комнате, потом встала на колени и умоляла Бога помочь мне, обращаясь вверх к небу, которое заслонял потолок.

«Господи, не оставь меня в этот тяжёлый день! Прошу, помоги мне, вызволи меня. Я не могу пойти на то, что просит Лео. Это слишком... Я не могу. Я не хочу превратиться в то, что не желаю. Не оставляй меня!»

Потом лежала на полу, смотрела в потолок и думала:

«Я не могу здесь больше находиться, мне без разницы, и должна хоть что-то сделать. А если он меня обманет? Не должен... А если обманет, чёрт! Не знаю. Ну, а что мне это стоит? Что? Думать, что я с другим? Я не смогу больше здесь находиться, не смогу. Я сойду с ума. Не смогу я, не смогу».

– Надо что-то делать, – сказала себе вслух, успокаивая, но мысли, словно рыбы, кормились моими страхами, и мозг не прекращал думать:

«Я ведь хотела отомстить Франческо, я и сейчас этого хочу. Я его ненавижу, ненавижу. За всё, что он сделал, я ему отомщу! Но не смогу этого сделать, какой ещё выход возможен? Убить лекаря? Как и чем? Чёрт, что же придумать! Обмануть Лео? Но как это сделать? А потом, как мне защититься от него, когда он будет в ярости? Уже думаю об убийстве, до чего докатилась».

Встала с пола, надела платье, причесалась, умылась, будто настроилась на что-то, но на что, не могла ещё понять.

«Я смогу, я смогу», – твердил голос в голове. Потом достала дневник и стала писать:

«Дорогой дневник! Я нахожусь в распадке жестокости. Я очень скучаю по тебе, но скоро буду чаще тебя вспоминать и чаще писать. Сегодня последний день моих мук и слёз, поддержи меня. Спасибо, что выслушиваешь. Да, я верю, что сегодня всё должно закончиться. Франческо скоро познает вкус моей мести, и я его не пощажу. До встречи, твоя Эмма».

Сидела возле разбитого зеркала, смотрела в отражение, глаза будто стеклянные, в них совсем не осталось ни капельки чего-то хорошего, только мрак, их свет погас. Слезинка маленькая скатилась, я вытерла её рукой, будто и не было. Мой взгляд был пугающим и отрешённым. Я со страхом ждала своего часа. В тишине, в томной темноте при свечах я

ждала. Руки чуть тряслись, нервы были на пределе. Но верила изо всех сил, что сегодня это был мой последний день. Обязательно будет последний. Теперь не хочу никуда бежать, пускай Франческо теперь побеждает от меня.

Пришёл Лео, моя грудь вздохнула тяжело. Подошёл ко мне, я ещё колебалась и не знала, правильно ли поступаю – мстить или бегство? Мстить, мстить, мстить – жадно говорили мои глаза. Я встала и взяла за руку Лео, подошли к кровати.

– Ты точно не закроешь эту дверь и ту, что наверху, когда уйдёшь? – спросила, он покачал головой, жестом.

– Скажи вслух, скажи, что обещаешь. Ты не забыл? Мы друзья... Я тебе помогу, и ты мне поможешь, ведь так? – ещё раз спросила, язык уже заплетался, а руки затряслись.

– Обещаю, – прохрипел он и провел рукой по моему лицу.

«Боже, что я делаю. Прости меня, прости...» – душа ревела, давилась и захлёбывалась всей болью, что накопилась.

Я посмотрела на уродливое лицо Лео и поняла, что я не смогу, я не смогу сделать с ним это безутешное сношение.

«Нет, не смогу», – повторила про себя ещё раз.

Внезапно взгляд открылся шире, и я не могла поверить в то, что видела. Будто тень повисла над нами. И видела не лицо Лео, а Смерти, моего всадника.

Я не могла поверить, это не по-настоящему. Удивление было так велико, что приоткрыла рот и не поняла, как уже Смерть целует мои губы, этот вкус чёрной жижи я никогда не забуду.

Не может быть такого, что мне нравится всадник Смерти, не может! Неужели я так обречена в этой жизни, что при его поцелуе словно просыпаюсь от глубокого дурного сна и чувствую себя в безопасности под его покровительством.

Но это не душа трепетала, это трепетала мечь, вкус мести и мысли, в которых бы я сотворила всё, что хотела, с Франческо. Эта радость меня пробудила.

Злорадство – это же плохо. А что же такое хорошо? Я истерзанная беспомощная девушка, даже если бы и выбралась из этого ада, чтобы сделали с Франческо? Ничего... Откупились бы с кардиналом. Отец бы мне не поверил. И кто... нянечки? Они не всеильны. Бог? Ну где же он тогда? Я его так звала! Он мне был нужен! А теперь я в объятьях не знаю даже чего. Сатаны? Я поспешила? Как теперь всю оставшуюся жизнь быть с этими мыслями и со всем, что со мной произошло в этой комнате и в этой усадьбе?

Я была нага. Ощущая поцелуи всадника, смиренно им покорялась. Подобно инкубу, он стремился к моему лону. И уже не противно, было хорошо. Необузданную похоть демона я ощущала языком. Я отдалась без остатка. Распахнув всю душу, все свои искренние мысли, отдав свою глупость, свою радость, своё ребячество, капризы, нежность и мнительность. Он был нежен, но так жаден. Он всё забрал, не скупясь, и после него я стала другой, совсем другой. Впервые я чувствовала свободу рядом с ним, впуская в свои мысли и душу. Мне показалось, что хоть кому-то нужна. Его руки были горячи, мои ноги перестали дрожать и от холода, и от страха, щёки румянились, когда он прикасался к ним.

Его череп стал гладким, я почувствовала кожу, он изменился. Распахнула свой нежный бутон, и чувства беспокойства пропали вместе со страхом. И всё, что вокруг окружало или существовало, уже не видела. Я верила в то, что он меня спасёт.

Я провела с ним около часа, когда всё закончилось, поднявшийся с постели мужчина снова напоминал Лео. Пригляделась – это и в правду он.

Осознав, что всё закончилось, чувствовала себя неважно, будто предала себя, предала свою гордость, предала свою честь. Я стала другой, той, которая знает лишь слова мести и злобы. Но я сама выбрала этот путь, я нисколько не раскаиваюсь. Нисколько!

Ах, милая моя Роза, ты во мне всегда видела белый красивый нежный добрый цветок, прости, что этот цветок не смог остаться таким же добрым, нежно пахнущим свежими пряностями, он теперь завял.

Я отвернулась от Лео и не хотела чувствовать стыд. Нахлынувший внезапно, стало противно смотреть в зеркало и прикасаться к себе. Стыдно не перед Лео или всадником Смерти, а, прежде всего, перед собой. Простить себя, наверное, самое сложное испытание, что преподносит судьба на блюде.

Лео смотрел на меня нагую, я быстро накрылась пижамой.

– Ты доволен? Теперь твоя очередь, Лео, – немного была испугана, потому что боялась, что он обманет. Или обманет всадник Смерти. Но в глубине души была уверена, что Смерть не позволит этому случиться.

Моя сделка со Смертью была с ним скреплена разделением ложа. Значит, вот о чём он мне говорил тогда, это и есть плата за сделку?

Моё состояние не передать пером, мои глаза смотрели будто сквозь Лео, я почти ничего не видела: ощущение было такое жуткое, словно сама стала чудовищем. И это чувство вызывало тошноту, подавленная, но злая, ринулась к двери за Лео. Мы вышли вместе, тихо и аккуратно. Лео направился в трапезный зал, я поднялась на второй этаж, хотела зайти в кабинет Франческо и разузнать как можно больше о правде.

«Я ведь могу убежать, просто убежать. Могу! Всё бросить и бежать без оглядки? Да, так и надо сделать! Но ведь не останусь спокойной после такого, как я буду жить дальше?! Нет... Дело ещё не закончено!» – говорила я себе.

Вошла в кабинет, села за стол и начала пересматривать бумаги, прочитывая каждую. Потом увидела полку с книгами, и одна из них была неправильно положена, вроде как бы хотели её достать, но не успели. Подошла к шкафу и взяла эту книгу, внезапно услышала шорох, не успела обернуться, как схватили сзади и стали душить. Книга из рук упала, я вырывалась, кусала руки нападавшего. Чувствуя, что в лёгкие не может поступать воздух, измождённая, пыталась закричать, но не смогла. Затем услышала громкий звук: кто-то сзади ударил нападавшего. Вместе с ним сама упала вниз лицом, чуть не потеряв сознание. Лежала и кашляла, захотелось посмотреть кто меня спас: рядом увидела Руфио, а ко мне наклонился Лео.

– Лео, – шёпотом произнесла и привстала, приходя в себя, Лео же гладил по волосам, – спасибо.

Прошла минута, и я уже пришла в себя, отдышалась.

– Лео, ты pomoжешь мне?

– Да, – с хрипотцой произнёс он.

– Руфио необходимо отнести в подвал, а я пока поищу верёвку или что-то вроде этого, – сказала, и Лео взял Руфио, который был без сознания, и потащил в подвал.

Я ходила по поместью в поисках каких-нибудь предметов, чем можно было бы связать Руфио. Никого не было, слуг, наверное, вечером отпустили, потому что кто-то же готовил мне всегда по утрам еду и убирался в моей комнате. Лекаря тоже не было, стояла ночь, значит, Франческо скоро приедет, надо торопиться.

С осторожностью заглядывала в каждую из комнат, так как уже совсем забыла, как выглядит поместье. Тело дрожало от страха, будто я привидение, но привидение не которого боятся, а которое само боится.

Я не думала ни о еде, ни о каких-то бытовых проблемах, у меня был шок, от которого ещё не пришла в себя: будто сама не своя. Как под воздействием психотропных препаратов ходила по поместью, пугаясь своей тени и отражения.

Направилась в трапезный зал, подумав, что может что-нибудь пригодится из домашней утвари. Рядом с чёрным входом, который закрывал большой ящик, взяла молот и била по железному замку, замок сломался, я открыла дверь и увидела железные цепи.

«Так вот почему в подвале, где я была, находились железные кольца? Будто это комната не для жизни, а для пыток. Но это то, что нужно!» – говорила про себя.

Взяла пару цепей и поволокла их, оставляя их звон позади. Лео ждал меня возле лестницы, ведущей в подвал.

– Лео, ты сегодня голодным не останешься! – сказала я ему с улыбкой. Он взял одну из цепей и помог нести. Мы спустились в подвал, Руфио ещё лежал без сознания.

– Лео, мы должны привязать Руфио этими цепями к тем железным кольцам, – показала пальцем на стену.

Лео потащил Руфио до стены. Он помог обвязать ноги и руки Руфио железной цепью, привязав крепко к основе стены, чтобы тот не смог выбраться, закрепив это всё на замок.

«Боже, что Франческо здесь делал? Что это за комната? А может, я в его списке совсем не первая?» – возникли такие мысли.

Я забрала свои вещи, в том числе и дневник, еду, что оставалась. Потом поднялись наверх, надо было теперь поймать Франческо. Я попросила Лео о помощи, а взамен он будет ими питаться. Он согласился, и я объяснила, как будем действовать, когда приедут Франческо и лекарь.

24. Два зайца - разделяй и властвуй

Я сидела в кабинете у Франческо, уже светало, но было не до сна. Читала документы, читала письма Франческо о сговоре с одним из кардиналов де Равуа в Ватикане, который должен был познакомить Франческо и меня через моего отца и иметь потом прибыль от сделки, когда Франческо женится на мне. Франческо был банкротом, все его земли и даже эта усадьба принадлежали кардиналу де Равуа, с которым он был в сговоре. Подделав документы, Франческо выдавал владения кардинала за свои. Проиграв всё в азартные игры кардиналу, он намеревался вернуть весь долг, когда женится на мне. Франческо любил карты.

Тот самый кардинал, который был всё это время с нами, был другом моего отца.

– Как же так, отец, как же так... – говорила вслух.

Собрала все документы, доказывающие мошенничество и вину Франческо, в одну стопку, потом взяла дневник и написала:

«Мой дорогой дневник! Неужели этот день знаменует новое начало! Неужели есть справедливость и Бог на свете? Розы, моя милая Розы, я так соскучилась по тебе. Побystрее бы вернуться домой!»

Наивная... если бы я поняла с самого начала, что Бог здесь совсем ни при чём.

Свеча, стоящая рядом, догорала. Я закончила писать и отложила дневник в сторону, задув свечу. Другие свечи, расставленные в кабинете, ещё горели, не стала их задувать, так как не хотела спать. Я пошла в трапезный зал немного перекусить и попросила Лео разогнать всех слуг, которые придут рано утром. Чтобы не приходили на этой неделе. Дала ему мешочек золотых дукатов, для слуг предназначенный, что лежал в кабинете у Франческо в ящике.

Всё-таки под утро сон настиг, я легла в чьей-то спальне. Она была большая, просторная и светлая и не имела посторонних предметов и мебели.

«Хотя бы часок подремлю, я так измотана», – говорила себе и заснула. А проснулась от крика и шума.

В комнату Лео занёс лекаря, которому разорвал шею клыками. Столько крови было... Мне стало дурно, чуть испугалась Лео: прижавшись, лежала в кровати и дрожала.

Лео бросил его на пол и подошёл. Стало ещё страшнее, потому что я не знала, что он хочет сделать со мной. Он сел на кровать, я закрыла глаза и произнесла, словно птичка в клетке:

– Не трогай меня!

– Не бойся, – прохрипел он и дотронулся до лица, я, открыв глаза, посмотрела на него, на его грязные, все в крови руки, он же смотрел на меня трепетным взглядом.

– Отнеси его в подвал, – попросила, будто не замечала ни труп, ни кровь, ни взгляд Лео.

Я была холодна, и мой взгляд был стеклянным, словно сама живой труп:

– Вот видишь, я же говорила, что у тебя будет много еды.

Лео забрал труп и пошёл выполнять мою просьбу. Я легла на кровать, щека была запачкана кровью. Уже не могла закрыть глаза, сон ушёл, просто лежала, повернувшись на бок.

«Уже утро. Значит, Франческо скоро приедет», – мысленно говорила себе, полежав ещё немного.

Потом встала и пошла в трапезный зал, съев яблоко, взяла ведро, набрав в него воду из кувшина, и, захватив большое полотенце, вернулась в спальню. Мне не хотелось видеть кровь в комнате, где спала, крови было и так достаточно. Стала тереть грязные места, вымачивая полотенце в ведре.

И думала о Франческо и о ненависти, которая рождалась, как только произносила это имя в своём сознании. Мной двигал только гнев. Я понимала, что изменилась, что всегда очень хотела выйти из той темницы, где провела недели, не видя свет. А теперь я не могу его видеть, он обжигает, будто напоминает о том, что было.

Хотелось спрятаться под покрывало и просто тихо проводить дни, не хотела ни с кем разговаривать, пока не совершится возмездие, и только тогда могла бы отпустить все свои страхи. Все навсегда...

Я так думала, но не знала, что уже не выйти из тьмы, которая во мне, я выпустила её на волю, перешла черту, которую нельзя было переходить, теперь могу идти дальше, только не на свет, а глубоко во тьме.

Отмыла паркет, потом отнесла ведро, оставив полотенце в трапезном зале, там же ополоснула лицо и пошла в кабинет Франческо. Сидела за столом и ждала его приезда. Ничего не хотелось делать, я гнала плохие мысли прочь, не желая думать о трупе в подвале и о Руфио, но не могла их забыть.

«Что буду делать дальше? Я теперь убийца. Меня покарают за это. Но ведь Лео убил его! Он может сказать, что это я ему приказала, и буду выглядеть соучастницей. Боже, что мне делать? Надо потом сжечь или закапать трупы в лесу. Обязательно надо это сделать. До чего я докатилась!»

Но больше всего мне нужен Франческо. Я хотела посмотреть в его глаза, когда он узнает, что его план провалился. Причинить ему боль, заставить почувствовать и узнать, что значит предавать любимых.

Я стучала по столу, будто забивая гвоздь, но в мыслях забивала этим гвоздём Франческо. Я больше не та Эмма, которая радуется первым лучам солнца. Во мне нет ни капли радости, лишь ощущаю пустоту, и потерялась в этой пустоте. Так невыносимо ощущать её, потому забиваю мыслями о возмездии. Если хоть капельку почувствую опять эту разрозненную и невыносимую боль живущей во мне пустоты, то не смогу это выдержать больше, не смогу. В той проклятой темнице ежедневно меня так измотали, так убивали, так иссушили, что не в силах, что-либо изменить одна. Я не смогу ничего изменить. Я просто хочу, чтобы всё закончилось навсегда. Будто дьявол прознал о моих секретах и вынул из меня всё дорогое когда-либо, опустошил навеки, открыв дверь перед тьмой, а я уже в этой темноте потерялась и не могу выбраться.

Я не могу спокойно сидеть и ждать. Проникает страх, и дрожь от этого страха вселяет отчаяние. Не слышу себя, ничего не слышу, только беспорядочные мысли бродят в голове. А моё состояние? Словно превратилась в мумию, которая застыла навеки, но безжизненное и худое тело ещё хочет жить, в нём ещё бьётся сердце.

Лео зашёл в комнату.

– Подъезжает, – прохрипел и занял свою позицию за дверями.

– Хорошо. Приготовься, – сказала я, сделав большой вздох. И ждала Франческо в кабинете, боялась и ненавидела, и взгляд был направлен к двери.

– Руфио, ты где? – слышались отголоски из дальней комнаты, Франческо прибыл. – Ты должен выполнять мои приказы! – разъярённо повысил тон.

Слышала, как приближаются его шаги, всё ближе и ближе. Я нервничала, постукивала правой ногой, нервный тик, наверное. Франческо зашёл в кабинет и остановился, он был очень удивлён. Выражение его лица говорило о том, что мне точно был не рад, потом ехидно улыбнулся.

– Ах, любимая, ну что же тебе не сидится в тихом уголке! – говорил Франческо и медленно шёл в мою сторону. Перепуганная, как при встрече с дьяволом, резко встала и громко сказала:

– Лео! – тот ударил сзади Франческо по голове, Франческо сразу же упал, потеряв сознание.

– Лео, давай быстрее, утащи его в подвал, – попросила, подбегая к Франческо и

разглядывая его лицо. Лео взял его, не задумываясь, и потащил вниз, а я шла за ним. Мне ни капельки не было жалко Франческо, заковали его в цепи. Руфио уже был в сознании и звал Франческо, чтобы тот очнулся, но это было бесполезно.

– Франческо! Франческо! Очнись! – кричал Руфио, нервничая. – Ты знаешь, что я отсюда выберусь, Эмма, тебе недолго осталось прохлаждаться наверху!

– Хм... Лео, ты можешь покушать. Я оставлю тебя на несколько минут, скоро спущусь, – сказала, уходя, и слышала крики Руфио.

«Разделяй и властвуй», – сказала себе.

Прошла в трапезный зал. Дрожала и одновременно злорадствовала, что Франческо теперь сам стал пленником. Взяла кухонный нож и кувшин с водой и опять спустилась вниз. Лео сидел на моей кровати, шея Руфио была в крови, но он был ещё в сознании, Франческо ещё к нам не вернулся. Я подошла к нему и вылила на лицо воду. Через секунду он очнулся, не понимая, что происходит.

– Эмма, ты спятила! Ты окончательно спятила! Ты убила лекаря? Что ты натворила!

– Я никого не убивала!

– Ты дура! Эмма, ты заплатишься за это! Что ты собираешься делать со мной?

– Ты не в таком положении сейчас, чтобы мне указывать, Франческо. Зачем ты это всё сделал? Зачем? Я тебя любила!

– Любила? Какая же ты наивная девчонка! – смеялся Франческо. – Веришь в любовь?!

– Зачем? У нас всё было так хорошо! – говорила я, расплакавшись.

– Эмма, дорогая. Освободи меня, и всё закончится, мы снова будем вместе. Ты же этого хочешь?! – жалобно произнёс Франческо.

– Ты лжёшь, ты не будешь со мной! Тебе было нужно только моё приданное, моё наследство!

– Глупая девчонка! Да, забыл сказать, что в постели ты ничего! – сказал он злобно и рассмеялся.

– Замолчи! – закричала на него, затем подошла как можно ближе и плюнула в лицо. Он разозлился и начал дёргать цепи в надежде, что сможет вырваться из них. – Уходим, Лео, – позвала чудовище, направившись к выходу.

– Это тебя здесь надо держать на цепях! – кричал вслед Франческо.

Я ушла, потому что не могла больше его слушать, всё, что мне хотелось, это просто убежать из этого мира. Мира, который полон жестокости и жадности. Прошла в спальню, захотелось поделиться мыслями с дневником. С любимым дневником, в котором хранится почти вся моя жизнь.

«Я себя успокаивала, что всё будет хорошо, что всё закончится. Я разберусь со всем и потом уеду домой обязательно. А что мне делать с Лео? Что мне делать с ним? Он пока мне помогает, а потом? Будет ли он мне помогать? Ещё эта встреча с Франческо... Оказывается, это трудно – смотреть в глаза тому, кто тебя всё это время использовал, и выслушивать настоящую правду. Пускай посидит денёк без еды, тогда он должен успокоиться, примириться с событиями, которые произошли не в его пользу. Вот тогда и поговорим».

День был близок к вечеру, я проголодалась. В трапезном зале оставалось не так много еды, нужно было ехать в город, чтобы купить овощи.

«Завтра надо съездить, слуг ещё не будет, а до конца недели ещё три дня. Быстро время пройдёт», – говорила про себя.

Съела овощной салат и запечённую картошку, которой, наверное, было уже два дня. Я всё съела, мне совсем не было противно. Не те обстоятельства... Сытая, захотела узнать,

где Лео, потому что не видела, куда он ушёл.

– Лео! Лео, ты где? – выйдя в коридор со свечой, громко звала его. Было темно, я увидела тень, которая шла на меня, это был Лео.

– Лео, ты можешь зажечь свечи по коридору, слишком темно и ничего не видно. Я спать ложусь.

– Хорошо, – прохрипел Лео.

Я пошла в свою спальню на втором этаже. Перед сном захотелось принять ванну, но слуг не было, и ванну принимать не стала. Взяла гребень и стала расчёсывать длинные, запутанные волосы, стоя перед зеркалом. В этот момент услышала, как заскрипела дверь.

– Лео, это ты? – встревожено спросила, узнав знакомую тень, с облегчением выдохнула. Лео зашёл в комнату, молча, взял гребень и сам расчёсывая мне волосы. Я смотрела на своё и его отражение, молча и тихо, он аккуратно распутывал волосы гребнем.

– Спасибо, Лео, – сказала, обернувшись к нему.

Потом забралась на кровать и легла под одеяло. Лео подошёл и присел рядом на ковёр.

– Доброй ночи, Лео.

– Спокойной ночи, – прохрипел он.

Я закрыла глаза, но не могла заснуть: мысли о подвале, Франческо, убитом лекаре и раненном Руфио никак не могли выйти из моей головы. Образы в голове появлялись из ниоткуда, исчезали, и опять возникали. Страх пронизывал тело, я боялась, что Лео внезапно причинит мне боль, вдруг он захочет плотской близости, а я это не хочу, не хочу больше бояться, мне надоело. Я ворочалась всю ночь, но ближе к рассвету заснула, проспав до обеда.

25. Цена

Солнечный свет разбудил, тёплый и нежный. Лео не было в комнате. Я осталась в пижаме, умылась из кувшина, вышла из комнаты, хотела найти Лео, но его нигде не было.

«Может, он ушёл? Но он не мог никуда уйти. Может, он спустился в подвал?» – думала про себя.

Направилась вниз по лестнице, дверь в подвал была приоткрыта, я осторожно отворила её. Лео высасывал кровь из Руфио, тем временем Франческо пытался вырвать основу цепи в углу.

– Франческо, можешь не пытаться, ты всё равно не сможешь вырваться из этих цепей, – сказала, входя в свою бывшую темницу.

– Ты, маленькая девчонка, ещё будешь мне указывать? – возмущённо сказал он.

Вот настоящее лицо Франческо! Он совсем другой человек, а притворялся таким хорошим. Не могу себя простить за то, что не смогла разглядеть и увидеть его настоящее лицо. Я понимала, что действительно была как наивная девчонка. Детская влюблённость играла в моих жилах, и, как спелая вишня, я надеялась лишь на то, что могла.

– Зачем ты убила лекаря?

– Я его не убивала!

– А кто? Я больше никого не вижу здесь, – смеясь, говорил Франческо. – Роль наивной девочки хорошо играешь, но только я всё знаю!

– Это Лео! – громко сказала я.

– Кто? – пауза, – кто это? – странный вопрос задал мне Франческо.

Я обернулась к Лео, который уже сидел возле меня, но взгляд Франческо был только в мою сторону, будто Лео не было в этой комнате.

– Хватит меня разыгрывать! – сказала я возмущённо. – Ты что, не видишь?

– Что не вижу?

– Не что, а кого! Лео, он здесь, рядом со мной! – недоумевая, сказала я медленно. Раздался смех Франческо.

– Ты сумасшедшая!

– Не называй меня так! Ты хочешь меня запутать!

– Нет, Эмма. Это ты себя путаешь. Я-то хоть не убийца!

– Замолчи! – закрыв уши, крикнула в ответ. Я была очень расстроена, потому что не понимала, что происходит.

«Франческо опять пытается сказать, что я сумасшедшая, даже в цепях, он всё равно пытается меня мучить», – говорила себе, но Франческо не переставал:

– Убила лекаря, потом растерзала кухонным ножом Руфио. Ты больная! Надо было тебя держать в клетке, а не в этой комнате!

– Это неправда! Это не я! Ты лжёшь! – закричала я и присела на свою кровать, закрыв глаза, не могла опять поверить Франческо. – Это всё неправда, он хочет свести меня с ума, да Лео? – говорила вслух и зажмурила глаза, качая головой. – Не хочу тебя больше слышать! – сказала, расплакавшись, и ушла наверх.

Я не думала о том, что говорил Франческо, я ему не верила. Стала звать Лео, но он так и

не откликнулся, подумала, что опять ушёл в подвал, за второй порцией крови.

Сегодня ближе к полудню я собиралась за продуктами в город. Перед тем, как выехать, захотела сделать запись в дневнике, не могла удержаться.

«Сегодня мой последний день в поместье мужа, я хочу поставить точку. Точку во всём, закончить. Он меня не любит, а я хоть и люблю его, но с лжецом не буду жить. Всю боль, что он мне причинил, он сейчас испытывает на себе.

Милая Роза, я всё-таки хочу вернуться домой, хочу увидеть матушку, хоть и больную, пока она ещё жива, попрощаться. Я здесь так сильно болела, так сильно переживала! Моя улыбка сейчас не посещает, её почти никогда нет на моих губах. Я замкнулась в себе, отстранилась от всех, как в детстве. Здесь тихо и зыбко, будто мы вдалеке от мирских забот. Но это только на первый взгляд: беспокойство, страх и смятение поселились в моей душе, и я не могу их отпустить, это так тяжело. Кошмары, которые здесь творились, наверное, никогда нельзя будет позабыть. Этот отпечаток, как родимое пятно, не сможет уйти и будет преследовать, если не наяву, то во снах».

У меня из мыслей не выходили слова Франческо о том, что я действительно больна.

– А если это так?! Нет, я не могу верить больше Франческо, никогда больше не хочу его видеть, – говорила вслух.

«Какая мучительная боль во мне просыпается, когда его вижу, будто всё, что со мной происходило до этого, возвращается в одно лишь мгновение. Напряжение и осознание того, что сильно любила этого человека, которого совсем не знала. От этого становилось трудно дышать. Я не хочу больше это чувствовать. Не готова к этому, я слишком слаба. Пускай Лео вкусит его кровь, пускай Франческо доживёт свои последние дни в подвале, у него ведь был такой план в отношении меня. Мне всё равно, что будет со мной. Я не знаю, как выберусь из этого ада, но знаю, что у меня нет сил. Возможно, что нет и смысла выбираться отсюда, теперь и так буду гореть в аду за то, что желаю любимому, и за свои гнилые мысли. Будто во мне сидят демоны, которые мной руководят, и я уже не вижу свет. Я только чувствую зло внутри себя, которое растёт изо дня в день. Хочу кричать, чтобы все злые мысли исчезли, улетели, растворились, но у меня нет сил, у меня нет желания этого делать, я смирилась с этим. Отчаяние, гордыня и возмездие – это всё, что я чувствую, когда просыпаюсь утром.

У меня начало болеть сердце, может, это из-за того отравленного снадобья? Сколько проживу, если не буду лечиться, может, всё действительно серьёзно? Бывает же так... Ведь всё должно было быть по-другому: я должна была стать хорошей женой, жить со своим любимым мужем после венчания, я должна была забеременеть, всё должно было быть как у всех нормальных людей. Но я ни о чём не жалею, и о том, что сделала, я поплачусь за свои грехи, я готова за них поплатиться», – во мне начала просыпаться ярость, надо покончить с Франческо раз и навсегда, ведь уже решительно настроилась. Его душа должна достаться Смерти.

Я бросила всё и побежала в трапезный зал, взяв кухонный нож, спустилась в подвал. Я так долго этого ждала, так хотела причинить боль Франческо, ту, что он причинил мне. Сегодня будет его последний день и последний день моей ненависти. Сердце бешено колотилось в груди, руки дрожали, страх захватил тело, гнев направлял, я открыла дверь, и быстро подошла к Франческо, замахиваясь ножом. Он сидел на корточках, жалкий вид его и возглас остановили. Посмотрела в его красивые глаза, которые ненавидела всей душой и которые по-прежнему любила.

– Эмма, не делай этого! Эмма, прошу тебя! – кричал Франческо как ребёнок, мои глаза наполнились слезами; посмотрела на свои руки и не поверила глазам, словно была не в себе, и быстро отошла назад.

«Боже, я сама чудовище!» – сказала про себя, уронив нож, который с грохотом упал, присела и взялась руками за голову, выплёскивая слёзы так, что рыдания были слышны.

Руфио всё это время молча наблюдал. В подвале пахло смертью, труп лекаря стал разлагаться, находиться там было невыносимо. Франческо испуганно смотрел на меня, его взгляд был таким, будто он увидел перед собой не меня, а Лео. Теперь его чудовищем стала я.

Я встала и убежала, забегая в спальню, где проводила ночи, упала на кровать, громко рыдая. Плакала, пока не осталось слёз, глаза и веки опухли. Успокоившись, пошла в кабинет Франческо, чтобы дописать всё происходящее в дневник.

«Ищу спасения, ищу, но я любимому причинить боль не могу!

Не смогла... Я не смогу его убить! Я не такая, я не убийца, нет. Он не достоин того, чтобы я из-за него теряла ещё раз голову, пусть хоть жалкий и лживый. Я к нему больше не прикоснусь. Я не хочу его больше видеть в этой жизни. Я возвращаюсь. Жди меня... До встречи, Роза...» – положила перо на стол.

На первый взгляд я была спокойна, но страх и отчаяние пожирала изнутри, я ещё не отошла от своего заточения. Накопился гнев, и это всё вперемешку. Чувства сжимали, нервный тик находил в виде шевелившегося незначай большого пальца, либо веко дергалось. Я подвела всадника Смерти, у меня нет души для него.

Внезапно услышала голос. Вздогнув, испугалась и подошла осторожно к дверной щели. Увидев кардинала де Равуа, быстро отошла назад.

«Что мне делать? Куда прятаться? Он пришёл за Франческо!» – говорила про себя. Вот он прошёл мимо комнаты, где я затаила дыхание.

– Франческо! – кричал кардинал. Увидев, что он ушёл, ринулась из комнаты, спустившись вниз, и побежала к выходу. Не добегая до двери, увидела кардинала с другой стороны коридора. Он тоже меня увидел и принялся догонять.

– Эмма, стой! – кричал вслед, но я, оборачиваясь, испуганная, бежала что есть мочи. Я боялась его и не могла ему доверять. Мне казалось, что он обратно закроет меня в той комнате. Обернувшись, поскользнулась перед дверью, он схватил меня за ногу, я попыталась вырваться, но он был сильнее.

– Оставьте меня, не трогайте меня! – кричала я, поворачиваясь к нему отчаянно отбиваясь руками.

Испуганная, ревущая, закричала:

– Лео-о! – и внезапно почувствовала что-то холодное в себе.

Холод, так холодно и больно. Боль... Такая резкая боль в теле, будто время вокруг остановилось и всё замерло. Я прикоснулась к своему животу, и всё, что я увидела, это красное пятно на моей пижаме. Я подставила руки к своему животу, и в ладони полилась кровь, как в кувшин. Кинжал, что вонзил кардинал, торчал из живота.

– Зачем? – спросила дрожащим голосом.

Издалека увидела бегущего разъярённого Лео, видела убегающего кардинала. Я смотрела в потолок, слышала стоны, громкие стоны Лео, как он держал меня и просил своим хриплым голосом не умирать. То была последняя слеза в моей жизни, что я проронила на щёку. Его голова была на моей груди, а рёв был таким громким, что стало жаль Лео. Я его раньше никогда таким не видела. Он посмотрел в мои глаза, и я улыбнулась напоследок.

Первый раз я видела, как Лео плачет. Он последний, кто со мной в эти дни и в эту минуту моей жизни. Лео взял руку в свою ладонь. Я лежала на полу, кровь растекалась в лужу, чувствовала тепло, исходящее от Лео, пульс замедлялся, я уже не могла ничего говорить. Неподвижная, но попыталась сжать руку Лео, потом закрыла глаза и видела сон, а может, это были воспоминания...

Я совсем маленькая, ещё ребёнок, веселая и озорная. Бегу... Радуюсь маленькому солнечному лучику на лице, радуюсь любимым нянечкам, которые кричат мне вслед. Что изменилось? Я была такой игривой и милой, светлой и счастливой. До сих пор вижу, как бегу в мамином саду по зелёной траве навстречу ей, а она протягивает руки, но я так и не добегаю до неё, пытаюсь... как в детстве, бегу, но не могу до неё дотянуться. Туман... Я кричу изо всех сил:

– Мама! – но в ответ тишина, гиблая пустая тишина, и ничего не видно, туман обволок

всё вокруг.

Я одна...

Внезапно увидела, как из тумана кто-то протягивает руку, хватаюсь за неё, туман стал исчезать. Это была мама. Со всей любовью, нежностью, беспечностью я крепко обняла её и сказала, что больше никогда не отпущу.

Моя душа успокоилась навеки.

Эмма умерла. Её несуществующий друг Лео был с ней до конца. Она пыталась отчаянно удержать его в своём разуме. Предрасположенность к шизофрении у Эммы передалась от матери, а обстановка, замкнутое пространство, одиночество и воспоминания об одиноком детстве усилили развитие этой болезни.

Всё зыбкое становится явью, а тишина превращается ненароком в шум. У каждого опавшего листка есть своё место. Цена души Франческо равнялась жизни Эммы. У любви всегда есть жертва.

Сохранившиеся записи в дневнике Эммы меня растрогали. Поделившись этой историей, я сама, читая каждую страницу её дневника, словно была Эммой из Прованса, представляя реалистичные картинки её влюблённой, драматичной и трагической жизни.